

ISSN 2500-3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 9 2025 (сентябрь)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

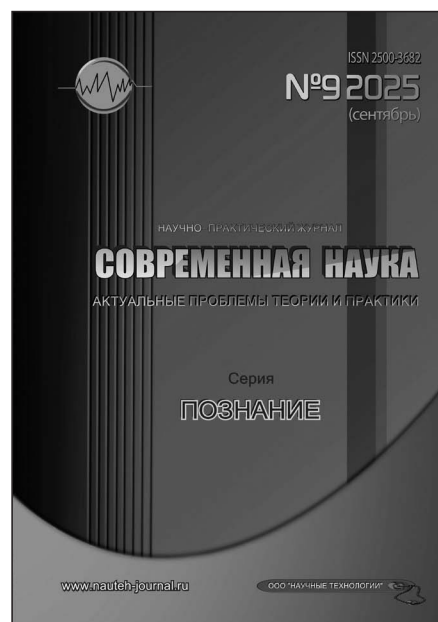
Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 11.09.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

Серия: Познание №9 (сентябрь) 2025 г

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филос.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филос.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филос.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филос.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н., доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филос.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филос.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филос.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филос.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филос.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

Культурология

Ван Лэй, Ли Ияо, Лю Цзинъяо, Ян Яцзюнь – Исследование культурных концептов в Китае
Wang Lei, Li Yiao, Liu Jingyao, Yang Yajun – Research of cultural concepts in China 5

Ланбина С.К. – Эволюция татуировки как формы самовыражения в постсоветской культуре
Lanbina S. – The evolution of tattoos as a form of self-expression in post-soviet culture 11

Лю Сяовэй – Эволюция конструкции и исполнительских традиций китайских продольных (сяо 簫) и поперечных (ди 笛) флейт: от археологических находок до современности
Liu Xiaowei – Evolution of the design and performance traditions of chinese longitudinal (xiao 簫) and transverse (di 笛) flutes: from archaeological finds to the present day 15

Лю Сяовэй – Звук флейты как медиатор между природой и человеком в китайской живописи
Liu Xiaowei – The sound of the flute as a mediator between nature and man in Chinese painting 20

Нагорная Л.Н. – Воспитательный потенциал интерактивных мультимедийных игр в музыкальном образовании на примере изучения творчества композиторов-предшественников М.И. Глинки
Nagornaya L. – Educational potential of interactive multimedia games in music education: studying the works of M.I. Glinka's predecessors 25

Пинигина О.Н. – Влияние кинематографа на национальную идентичность
Pinigina O. – The impact of cinema on national identity 31

У Юйчжэнь – Анализ особенностей музыкальных стилей в европейских и китайских струнных квартетах
Wu Yuzhen – Analysis of musical styles in european and chinese string quartets 34

Психология

Архимандритова Ю.А. – Принятие финансовых решений как проявление психологии экономического поведения личности
Archimandritova J. – Financial decision-making as a manifestation of the psychology of personal economic behavior 39

Иванов М.В. – Место психобиографии в системе современной науки
Ivanov M. – The place of psychobiography in the system of modern science 46

Кац В.А. – Воздушные тревоги как фактор хронического стрессового воздействия: особенности проявлений посттравматического реагирования, депрессивной симптоматики и выученной беспомощности
Kats V. – Air raid alerts as a factor of chronic stress exposure: specific features of post-traumatic response, depressive symptoms, and learned helplessness 51

Королёв Д.М. – Аутоагрессивное поведение у подростков, обучающихся в образовательных учреждениях среднего образования и специальных учебных заведениях
Korolev D. – Autoaggressive behavior in adolescents studying in secondary educational institutions and special educational institutions 56

Павленко А.Н. – Работа в малых группах как метод формирования профессиональной идентичности студентов-психологов
Pavlenko A. – Small group work as a method of forming professional identity of psychology students 61

Распопин Е.В. – Профессиональная деформация личности сотрудников органов внутренних дел: особенности проявления, причины, профилактика
Raspopin E. – Professional deformation of the personality of law enforcement officers: features of manifestation, causes, prevention 66

Фещенко Е.К. – Копинг-стратегии и волевой ресурс подростка в ситуации неопределённости профессионального будущего
Feshchenko E. – Coping strategies and volitional resource of a teenager in a situation of uncertainty of the professional future 70

Философия

Гуменникова Т.В. – Коэволюция человека и природы в современном техногенном обществе
Gumennikova T. – Coevolution of man and nature in a modern technogenic society 74

Ланкина М.Ю. – Социально-философские основания саморегуляции в цифровой среде: субъектность и сетевой индивидуализм
Lankina M. – Socio-philosophical foundations of self-regulation in the digital environment: subjectivity and network individualism 77

Скопа В.А., Терехова М.С. – Социальная унификация: трансформация общественных связей в эпоху глобализации (социально-философский аспект)

Skopa V., Terekhova M. – Social unification: transformation of social relations in the era of globalization (social and philosophical aspect) 82

Тищенко В.И. – Когнитивные основания системной парадигмы: историко-методологический анализ
Tishchenko V. – Cognitive foundations of the systemic paradigm: historical and methodological analysis 86

Информация

Наши авторы. Our Authors 91
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 92

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В КИТАЕ¹RESEARCH OF CULTURAL CONCEPTS
IN CHINA

Wang Lei
Li Yiao
Liu Jingyao
Yang Yajun

Summary: The research relevance is due to the need to understand the cultural foundations that form the identity of the nation and affect the interaction of China with the rest of the world.

The research goal is to analyze the main cultural concepts of Chinese culture.

To achieve this goal, the following tasks were solved: a review of existing theoretical approaches to the study of cultural concepts in China was carried out; the key cultural concepts of Chinese culture are systematized, the modern scientific discourse of the topic under study is analyzed.

The research methods include the historiographical analysis of scientific literature, the comparative method and content analysis, which made it possible to identify the relationship between cultural concepts and their place in modern Chinese society.

As a result, the following conclusions were formulated: in Chinese scientific thought, there has been a transition from borrowing Western theories to creating its own models of analysis, which strengthens China's cultural identity and position in the international arena. However, Chinese researchers are faced with the task of systematizing methodological foundations, adapting theoretical approaches to the features of Chinese culture and language, as well as activating empirical and quantitative research methods in the field of cultural conceptology.

Keywords: linguoculturology, Chinese culture, Chinese language, conceptology, cultural concept.

Ван Лэй

доктор филологических наук, старший преподаватель,
Харбинский научно-технический университет/
Хэйлунцзянский научно-технический университет,
г. Харбин, Китайская Народная Республика
wanglei1156874430@163.com

Ли Ияо

Хэйлунцзянский научно-технический университет,
г. Харбин, Китайская Народная Республика

Лю Цзинъяо

Хэйлунцзянский научно-технический университет,
г. Харбин, Китайская Народная Республика

Ян Яцзюнь

Хэйлунцзянский научно-технический университет,
г. Харбин, Китайская Народная Республика

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью понимания культурных основ, формирующих идентичность нации и влияющих на взаимодействие Китая с остальным миром.

Цель исследования заключается в анализе основных культурных концептов китайской культуры.

Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проведен обзор существующих теоретических подходов к исследованию культурных концептов в Китае; систематизированы ключевые культурные концепты китайской культуры, проанализирован современный научный дискурс исследуемой темы.

Методы исследования включают историографический анализ научной литературы, сравнительный метод и контент-анализ, что позволило выявить взаимосвязь культурных концептов и их место в современном китайском обществе.

По итогу проведенного исследования были сформулированы следующие выводы: в китайской научной мысли произошел переход от заимствования западных теорий к созданию собственных моделей анализа, что укрепляет культурную идентичность и позиции Китая на международной арене. Однако перед китайскими исследователями стоят задачи систематизации методологических основ, адаптации теоретических подходов к особенностям китайской культуры и языка, а также активизации эмпирических и количественных методов исследования в области культурной концептологии.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайская культура, китайский язык, концептология, культурный концепт.

¹ Данная статья подготовлена в рамках проекта провинции Хэйлунцзян по гуманитарным и социальным наукам – Исследование теорий культурных концептов в России (Номер проекта: 23YUC311); в рамках проекта Языковой комиссии провинции Хэйлунцзян по исследованию языка – Исследование культурного измерения системы внешних дискурсов Хэйлунцзяна с позиции семиотики концептов (Номер проекта: G2025Q002); в рамках Основного исследовательского проекта экономического и социального развития провинции Хэйлунцзян – Исследование создания системы внешних дискурсов с характеристиками провинции Хэйлунцзян с точки зрения культурной самоуверенности. (Номер проекта: WY2025105); в рамках проекта фундаментальных научных исследований университетов провинции Хэйлунцзян – Исследование построения системы культурного дискурса провинции Хэйлунцзян с позиции теории культурных концептов (Номер проекта: 2024-KYYWF-0936);

Введение

После XVIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая, председатель Си Цзиньпин, акцентируя роль культурной идентичности, обозначил новые горизонты для исследователей китайского языка и культуры. Анализ культурных концептов, у истоков которого стояли российские ученые-лингвокультурологи [20, с. 33], представляет собой одно из магистральных направлений в этой области. В Китае изучение культурных концептов получило развитие с 1990-х годов, эволюционируя от заимствования теоретических моделей до их систематизации, интерпретации и практического применения, что привело к значительным достижениям.

Тем не менее, несмотря на прогресс в данной области, сохраняются определенные проблемные зоны, требующие дальнейшей проработки, к числу которых относятся: недостаточная адаптация теоретических подходов к специфике китайских концептуальных единиц, ограниченное использование количественных и эмпирических методов, а также потребность в создании более системной методологической базы для исследования культурных концептов в китайской академической среде. Разрешение указанных проблем позволит вывести исследования на новый уровень.

Изучение культурных концептов, оформившееся в начале XX века с возникновением самого термина «концепт», представляет собой одно из магистральных направлений лингвокультурологии. Первоначально получившее импульс к развитию на Западе, данное направление впоследствии нашло благодатную почву в России, известной своими глубокими культурологическими традициями. Здесь сложились разнообразные теоретические системы и научные школы, завоевавшие признание в академических кругах, в том числе и в Китае. Как отмечают в своем исследовании Вань Гуанфу, Н.К. Шабельская, П.А. Щепетов [1], в отличие от России, в Китае изучение культурных концептов началось значительно позже, лишь в 90-е годы XX века, с освоения и адаптации зарубежных теорий.

Однако, после выдвижения генеральным секретарем КНР Си Цзиньпином концепции «культурной идентичности» (文化自信), начался активный процесс выявления культурно-идеологических основ китайской цивилизации и формирования собственной системы ценностей [23, с. 62]. На современном этапе китайское академическое сообщество осознает ключевую роль культурных концептов в культурологических исследованиях, что привело к активизации соответствующих изысканий. При этом, культурный концепт, понимаемый как квинтэссенция культуры, запечатленная в сознании человека, позволяет проникнуть в ментальное пространство носителей культуры. В свою очередь, культурный концепт является инструментом вхождения в культуру и ее

формирования, что говорит о сложном процессе взаимодействия и взаимовлияния культуры и духовного мира человека.

В контексте всестороннего содействия великому возрождению китайской нации (中华民族伟大复兴), повышения авторитета международного дискурса (国际话语权) и укрепления имиджа великой державы (大国形象), интерпретация и раскрытие содержания китайских культурных концептов играет важную роль в позиционировании страны на международной арене, продвижении китайской культуры и усилении ее влияния [13, с. 22]. Соответственно, исследователи китайских культурных концептов должны осознавать свою ответственность и миссию, направленную на развитие и укрепление страны через культуру, для чего необходимо последовательно совершенствовать теоретические, методологические и инновационные подходы к изучению китайских культурных концептов, разрабатывать уникальные методы интерпретации как традиционной, так и современной китайской культуры.

Перечисленные исследования обозначили перспективные теоретические направления, выявили ключевые характеристики и терминологию, а также сформулировали основные положения в области изучения культурных концептов. Благодаря работам российских авторов-китаеведов существенно ускорилось и распространение передовых зарубежных теорий в китайской научной среде, что заложило надежный фундамент для дальнейших изысканий.

Становление и развитие лингвокультурной концептологии в Китае как фактор формирования культурной идентичности

Интенсивные исследования в области концептологии в Китае начались в конце XX века, что было связано с расширением международных контактов и углублением интереса к изучению национальной культуры в контексте глобализации. Первоначально, китайские ученые опирались на западные теории концепта, предложенные такими представителями когнитивной лингвистики и культурологии, как Дж. Лакофф, М. Джонсон [19] и А. Вежбицкая [22].

Однако, позднее в китайской науке сформировалось стремление к созданию собственной модели культурной концептологии, учитывающей специфику китайского языка и культуры. Важную роль в этом процессе сыграли труды таких ученых, как Юань Цзинь [14, 15, 16] и Чжан Хунянь [12]. В своем исследовании О.А. Скальная, Н.А. Лукьянова подчеркивают необходимость анализа концептов в контексте китайской философии и истории, утверждая, что такие ключевые концепты китайской культуры, как «гармония» (和谐, héxié) и «лицо» (面子, miànzi), не имеют точных аналогов в западных языках и

культурах [10, с. 189].

В своей работе Цзоу Сюэцян делает акцент на роли концептов в формировании национальной идентичности, исследуя, как определенные концепты становятся символами национальной гордости и единства [11, с. 65]. В свою очередь, Л Чен анализирует взаимосвязь между концептами и властью, показывая, как политические идеологии используют концепты для легитимации своей власти и формирования нужного общественного мнения [18, с. 14].

Нет сомнений в том, что на современном этапе культурная концептология в Китае оказывает непосредственное влияние на формирование культурной идентичности. Изучение и интерпретация ключевых концептов китайской культуры способствуют углублению понимания национальной истории, ценностей и традиций. Процесс интерпретации концептов не является статичным, поскольку научный дискурс этой темы постоянно развивается и переосмысливается в соответствии с современными социально-политическими условиями. Например, концепт «китайская мечта» (中国梦, Zhōngguó Mèng), выдвинутый Си Цзиньпином, стал центральным элементом современной китайской идеологии и используется для мобилизации общества на достижение поставленных целей [23, с. 63].

В русскоязычных исследованиях наметилась тенденция к компаративному анализу китайских и русских культурных концептов путем подбора специфических концептуальных слов и применения соответствующей русской теории концептов. Можно констатировать, что сравнительные исследования китайских и русских культурных концептов отличаются разнообразием подходов и в полной мере учитывают междисциплинарный характер исследований, сочетая диахронический и синхронный анализ, динамические и статические модели, качественные и количественные методы, а также различные исследовательские перспективы.

Помимо сопоставительного анализа, активно применяются методы корпусной лингвистики, интерпретации словарных дефиниций и этимологического анализа, метод ассоциативного анализа из психолингвистики, метод культурных исследований из социоистории, а также метод анализа эволюционной последовательности культурных знаков из семиотики. Например, Цзоу Сюэцян [11], Х Ли [20] и Че Ванг [21], используя сравнительный метод в сочетании со статическим и динамическим анализом, проводят детальное исследование культурного содержания концепта «чай» в китайской и русской культурах, выявляя его символику и функции в культурной истории, мифологии, медицине и литературе двух народов, что позволяет раскрыть процесс формирования его культурной истории.

В свою очередь, Вань Чжэньи и Чжао Айго в «Сравнительном анализе структуры русских и китайских концептов о «времени» на основе корпусного исследования», опираясь на концептуальный анализ и теорию концептуальной сферы, интерпретируют и выделяют свойства концептуальной принадлежности темпоральных слов и границы их словообразовательных классов [2, с. 153]. На основе китайского и русского национальных корпусов они выстраивают и анализируют структуру концептов времени в русском и китайском языках. Ли Цзя, используя «концептуальный анализ», извлекает из баз данных обширный материал, содержащий концептуальные слова «человек», и проводит сравнительное исследование данных концептов в русском и китайском языках, анализируя этимологию и историческое значение слова, его комбинационные и агрегативные отношения в синхронном аспекте, а также интерпретируя первоначальный смысл концептуального слова в когнитивном измерении [6, с. 114].

Некоторые ученые также предпринимают попытки систематизации методологии исследования культурных концептов в целом. Например, Лю Цзиньбо [7, с. 78] выделяет четыре основных метода: терминологическая компиляция, политическая интерпретация, реконструкция исторического контекста и анализ «пан-ключевых слов».

Юань Цзинь [16, с. 15] подчеркивает, что в исследовании культурных концептов существуют лишь общие этапы, и не существует универсальной формулы, при этом исследовательские методы могут расширяться в зависимости от специфики исследования – будь то общее исследование, исследование конкретного случая или тематическое исследование. Ли Цзя [5, с. 8] обобщает теоретические основы и методологию сравнительного анализа концептов в русском и китайском языках. Параллельно с этим, в китайской академической среде предпринимаются попытки построения системы и иерархии культурных концептов, специфичных для китайской культуры [3, с. 119]. Некоторые авторы предлагают также осуществлять систематические исследования посредством классификации концептуальных слов, выстраивая систему на трех уровнях – макро-, мезо- и микроскопическом [8, с. 204], а также изучать проблемы перевода китайских культурных концептов на другие языки, стремясь разработать новые стратегии продвижения китайской культуры [9, с. 58].

На основе проведенного анализа можно суммировать основные культурные концепты китайской культуры (таблица 1).

В целом можно утверждать, что исследование культурных концептов в Китае демонстрирует устойчивую динамику развития. В дальнейшем необходимо уделять приоритетное внимание сочетанию внутренних и внеш-

Таблица 1.

Ключевые концепты китайской культуры, влияющие на формирование культурной идентичности.

Концепт	Определение	Влияние на идентичность	Проявление в социуме	Историческое значение	Актуальность в современном Китае
孝 (Xiào) – Сыновняя почтительность	Уважение, послушание и забота о старших в семье, особенно о родителях и предках.	Формирование чувства долга и ответственности перед семьей, а также уважения к традициям и иерархии.	Почитание старших, соблюдение семейных ритуалов, забота о пожилых родителях.	Фундаментальный принцип конфуцианства, заложенный в основу социальной структуры.	Сохраняется как ключевая ценность, хотя и претерпевает трансформации под влиянием глобализации.
关系 (Guānxi) – Связи	Система социальных взаимоотношений, основанная на взаимном доверии, услугах и обязательствах.	Влияет на формирование чувства социальной принадлежности и необходимости поддерживать и развивать межличностные связи.	Создание сетей контактов для достижения личных и профессиональных целей, оказание взаимной помощи.	Исторически сложившаяся практика, обусловленная высокой плотностью населения и зависимостью от коллектива.	Остается важным фактором для ведения бизнеса и достижения социального успеха, несмотря на критику со стороны сторонников западных ценностей.
面子 (Miànzi) – Лицо	Концепция социального престижа и репутации, как личной, так и коллективной.	Формирует стремление к поддержанию и повышению своего социального статуса, а также избегание ситуаций, которые могут привести к "потере лица".	Соблюдение этикета, избегание конфликтов, демонстрация успехов и достижений.	Важная часть конфуцианской этики, связанная с поддержанием социальной гармонии и иерархии.	По-прежнему играет значительную роль в социальных взаимодействиях, особенно в бизнесе и политике.
中庸 (Zhōngyōng) – Золотая середина	Принцип умеренности и гармонии, избегание крайностей и поиск компромиссов.	Влияет на формирование сдержанности, осмотрительности и стремления к балансу во всех сферах жизни.	Избегание конфликтов, поиск компромиссных решений, умеренность в высказываниях и поступках.	Один из ключевых принципов конфуцианской философии, направленный на достижение гармонии с собой и окружающим миром.	Сохраняет актуальность в качестве руководства к действию, особенно в сфере принятия решений и разрешения конфликтов.
集体主义 (Jítǐ zhǔyì) – Коллективизм	Приоритет интересов группы над интересами индивида.	Формирует чувство ответственности перед коллективом и готовность подчинять личные интересы общему благу.	Участие в общественных мероприятиях, работа в команде, поддержка коллективных целей.	Исторически обусловлен общинными формами организации общества и необходимостью коллективного выживания.	Остается сильным фактором, особенно в государственной политике и управлении, хотя и претерпевает изменения под влиянием индивидуализма.
等级 (Děngjí) – Иерархия	Система ранжирования индивидов в обществе, основанная на возрасте, статусе, образовании и других факторах.	Формирует уважение к авторитетам и признание социальной иерархии.	Соблюдение формальностей и протокола, проявление уважения к старшим и вышестоящим.	Исторически сложилась в феодальном обществе и была закреплена конфуцианской этикой.	Сохраняется, хотя и ослабевает под влиянием западных ценностей равенства и демократии.
伦理关系 (Lúnlǐ guānxi) – Этические отношения	Строгая регламентация отношений между людьми, основанная на моральных принципах и обязанностях.	Формирует чувство долга и моральной ответственности перед другими членами общества.	Соблюдение правил этикета, поддержка общественных норм и ценностей, помощь нуждающимся.	Основа конфуцианства, определяющая нормы поведения и взаимоотношений в обществе.	Остается важным фактором социальной регуляции, хотя и подвергается критике за консерватизм.
爱国主义 (Àiguó zhǔyì) – Патриотизм	Любовь к родине, готовность защищать и отстаивать ее интересы.	Формирует чувство национальной гордости и принадлежности к общей культуре и истории.	Участие в национальных праздниках, поддержка государственной политики, готовность служить в армии.	Возник как ответ на иностранную агрессию в XIX веке и стал важным элементом национальной идеологии.	Является одним из ключевых элементов государственной идеологии и активно поддерживается правительством.

Концепт	Определение	Влияние на идентичность	Проявление в социуме	Историческое значение	Актуальность в современном Китае
礼仪 (Lǐyì) - Этикет	Система правил поведения и формальностей, соблюдение которых необходимо для поддержания социальной гармонии.	Формирует чувство вежливости, уважения и умения адаптироваться к различным социальным ситуациям.	Соблюдение правил приветствия, поведения за столом, делового этикета.	Важная часть конфуцианской культуры, направленная на поддержание порядка и гармонии в обществе.	Остается важным элементом социальной коммуникации, особенно в формальных ситуациях.
勤劳 (Qín láo) - Трудолюбие	Ценность усердной работы и настойчивости в достижении целей.	Формирует чувство ответственности, дисциплины и стремления к успеху.	Усердная работа, постоянное самосовершенствование, стремление к достижению высоких результатов.	Исторически обусловлена необходимостью выживания в сложных условиях и стала важным элементом национальной ментальности.	Остается одной из ключевых ценностей китайского общества и является важным фактором экономического роста.
尊敬长辈 (Zūnjìng zhǎngbèi) - Уважение к старшим	Почитание и уважение к людям старшего возраста, как к носителям мудрости и опыта.	Формирует чувство признательности, послушания и готовности учиться у старшего поколения.	Соблюдение правил этикета, проявление внимания и заботы, обращение за советом и помощью.	Важная часть конфуцианской этики, направленная на поддержание социальной иерархии и передачу знаний и опыта от поколения к поколению.	Остается важной частью китайской культуры, несмотря на изменения в обществе.
和谐 (Héxié) - Гармония	Стремление к согласию и устойчивости, как внутри себя, так и во взаимоотношениях с окружающим миром.	Формирует чувство покоя, умиротворения и умения находить компромиссы.	Избегание конфликтов, стремление к сотрудничеству, поддержание благоприятной атмосферы в коллективе.	Важный элемент китайской философии, отражающий стремление к балансу и равновесию во всех сферах жизни.	Представляет собой важный принцип для поддержания социальной стабильности и развития страны.

них факторов развития китайской культурной идентичности, а также учитывать как китайские, так и западные подходы. Наряду с этим, китайским лингвокультурологам необходимо внимательно отслеживать новые международные тенденции в гуманитарных науках, искать возможности интеграции таких современных технологий, как искусственный интеллект, большие данные и новые медиа, в исследование культурных концептов, что позволит соответствовать международным трендам и транслировать китайскую точку зрения на мировые культурные процессы.

Выводы

Проведенный анализ основных тенденций позволяет констатировать, что исследование культурных концептов в Китае представляет собой динамично развивающуюся область, характеризующуюся стремлением к интеграции мирового опыта и формированию собственных методологических подходов. Пройдя путь от заимствования западных теорий до разработки собственных моделей анализа, китайская концептология играет все более значимую роль в процессах формирования культурной идентичности и укрепления позиций страны на международной арене.

Однако, несмотря на достигнутые успехи, перед ки-

тайскими исследователями стоит ряд задач: в частности, необходима дальнейшая систематизация методологической базы, адаптация теоретических подходов к специфике китайской культуры и языка, а также более широкое использование эмпирических и количественных методов. Еще одним направлением представляется разработка эффективных стратегий перевода и продвижения китайских культурных концептов в глобальном контексте, что требует глубокого понимания культурных различий и специфики межкультурной коммуникации.

Перспективы развития китайской концептологии связаны с дальнейшим расширением междисциплинарного подхода, интеграцией достижений лингвистики, культурологии, философии и других гуманитарных наук. Особое значение приобретает сравнительный анализ китайских культурных концептов с концептами других культур, в том числе русской, что позволяет выявить как общие черты, так и уникальные особенности национального мировосприятия. Последовательное решение вышеизложенных научных задач позволит вывести исследования китайских культурных концептов на качественно новый уровень, способствуя более глубокому пониманию китайской культуры и ее роли в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вань Гуанфу, Шабельская, Н.К., Щепетов, П.А. Концепт «гордость» в русском и китайском языках: лингвокультурный аспект // *Litera*. – 2025. – № 2. – С. 2-15.
2. Вань Чжэнь, Чжао Айго. Сравнительный анализ структуры русских и китайских концептов о «времени» на основе корпуса данных // *Преподавание русского языка в Китае*. – 2020. – № 2. – С. 152-164.
3. Ким, Н.В. Литературное наследие русской эмиграции в Китае: культурный код // *Гуманитарный вектор*. – 2021. – № 1. – С. 118-124.
4. Ли Сяндун. Современное состояние и тенденции развития современных исследований русского языка и культуры // *Журнал института иностранных языков им. Народно-освободительной армии Китая*. – 2018. – № 2. – С. 45-57.
5. Ли Цзя. Многомерное сравнительное исследование российско-китайского концепта «человек»: автореф. ... дисс. док. искусствовед. наук. Хэйлунцзянский университет, Харбин, 2021. – 30 с.
6. Ли Цзя. Теоретические основы и метод исследования сопоставления концептов русского и китайского языков // *Журнал института иностранных языков им. Народно-освободительной армии Китая*. – 2019. – № 5. – С. 112-124.
7. Лю Цзиньбо. Вариативная методология исследования ключевых культурных слов // *Журнал Хубэйского национального университета (философия и социальные науки)*. – 2018. – № 6. – С. 77-89.
8. Пен Юйхай, Пен Веньжао. Русские культурные концепты и картина национального мира // *Филология иностранного языка*. – 2016. – № 3. – С. 202-218.
9. Пляскина, Е.А. Структура концепта «дракон / 龍 lóng» в китайской лингвокультуре // *Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева*. – 2021. – № 4 (113). – С. 56-63.
10. Скальная, О.А., Лукьянова, Н.А. Менеджмент «лица» в практиках современной деловой культуры Китая // *Векторы благополучия: экономика и социум*. – 2024. – №1 (52). – С. 187-195.
11. Цзоу Сюэцян. Сравнительное исследование лингвокультуры «чая» в контексте китайского и русского языков. – Чэнду: Издательство Сычуаньского университета, 2010. – 122 с.
12. Чжан Хунянь. Исследование перевода ключевых слов культуры в классических текстах в контексте исторической семантики // *Преподавание русского языка в Китае*. – 2021. – № 4. – С. 182-194.
13. Чжао Айго. Наследие русского языкознания в XX веке. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2012. – 188 с.
14. Юань Цзинь. «Обида» как «красота»: Эстетическая мода и поэтическая практика шести династий из Хани в Вэй // *Форум по социальным наукам*. – 2020. – № 4. – С. 76-89.
15. Юань Цзинь. Объяснение ключевых слов в китайской литературе: методы, возможности и ограничения // *Наука в Центральном центре Китая*. – 2020. – № 1. – С. 66-78.
16. Юань Цзинь. Система и иерархия ключевых слов в китайской литературе // *Цинхайские социальные науки*. – 2019. – № 6. – С. 14-28.
17. Юань Цзинь. Эстетическое формирование ключевого слова китайской культуры «обида»: автореф. ... дисс. док. искусствовед. наук. Уханьский университет, Ухань, 2017. – 38 с.
18. Chen, L. *Cultural Concepts in Contemporary China*. – Beijing: Peking University Press. – 2010. – 122 p.
19. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press. – 1980. – 164 p.
20. Li, X. *Concepts and National Identity in China*. – Shanghai: Shanghai People's Publishing House. – 2019. – 144 p.
21. Wang, H. *China's New Order: Society, State, and Economy*. Cambridge, MA: Harvard University Press. – 2011. – 204 p.
22. Wierzbicka, A. *Understanding Cultures Through Their Key Words*. – New York: Oxford University Press. – 2019. – 202 p.
23. Xi, J. *The Governance of China*. – Beijing: Foreign Languages Press. – 2013. – 214 p.

© Ван Лэй (wanglei1156874430@163.com), Ли Ияо, Лю Цзинъяо, Ян Яцзюнь.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ ТАТУИРОВКИ КАК ФОРМЫ САМОВЫРАЖЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Ланбина Софья Константиновна

Федеральное Государственное Автономное
Образовательное Учреждение Высшего Образования
«Новосибирский Национальный Исследовательский
Государственный Университет»
sonia.lanbina@gmail.com

THE EVOLUTION OF TATTOOS AS A FORM OF SELF-EXPRESSION IN POST-SOVIET CULTURE

S. Lanbina

Summary: Tattooing has been a subject of study for specialists in the field of traditional cultures since the advent of anthropology and ethnography. In Modern Western culture, tattoos become markers for sailors, military personnel, travelers, and criminals. In post-Soviet culture, under the influence of the protest movements of Western culture in the 70s and 80s of the 20th century, as well as the popularization of Eastern cultures, tattooing first spread as a visual socio-cultural code of belonging to new subcultures (rockers, hippies, goths, EMO and others). Since the beginning of the 21st century, the tattoo industry has been expanding through tattoo parlors, and tattoo culture has been institutionalized at national and international festivals. Today, Russian tattooing is not only a trend in popular culture that influences fashion. Tattooing claims to be an art that responds to the personal aesthetic needs of the 21st century man associated with the ongoing discourse of corporeal (homo somatikos).

Keywords: tattooing, post-Soviet culture, visual socio-cultural code, the discourse of corporeal.

Аннотация: Татуировка является предметом для изучения специалистов в области традиционных культур со времен появления антропологии и этнографии. В западной культуре Нового времени татуировка становится маркером моряков, военных, путешественников, преступников. В постсоветской культуре, под влиянием протестных движений западной культуры 70-80 х годов XX века, а также популяризации восточных культур, татуировка сначала распространяется как визуальный социокультурный код принадлежности к новым субкультурам (рокеров, хиппи, готов, эмо и других). С начала XXI века тату-индустрия расширяется через тату-салоны, а тату-культура институционализируется на общероссийских и международных фестивалях. Сегодня российская татуировка не только тренд массовой культуры, влияющий на моду. Татуировка претендует на статус искусства, отвечающего на личные эстетические запросы человека XXI, связанные с продолжающимся дискурсом телесности (homo somatikos).

Ключевые слова: татуировка, постсоветская культура, визуальный социокультурный код, дискурс телесности.

Научное изучение татуировки имеет давнюю историю, в том числе в отечественном социогуманитарном знании. Приоритетные позиции закреплены за этнографией и антропологией (Л.Я Штернберг, К. Леви-Стросс, А. Ельски и др.). Этимология татуировки связана с путешествиями Дж. Кука и обозначает как процесс нанесения перманентного рисунка на тело, так и сами рисунки на человеческой коже. Можно указать на целый спектр диссертаций, монографий и статей, посвященных истории татуировки и современному состоянию этого феномена в России [2], [3], [5], [6], [7], [8], [12], [13], [14].

В этих текстах мы встречаем общую картину истории российской татуировки: тату российских путешественников, появление армейских «знаков» при Петре I, морские татуировки, советский период и криминальные татуировки (при сохранении других видов тату) и, собственно, постсоветский период с его «всплеском» внимания к «украшению» тела и самовыражению.

Появление в УДК специального кода 391.91, который помещает татуировку (и раскрашивание тела) в раз-

дел «Народная одежда. Народные костюмы. Народные украшения», также подтверждает тот факт, что татуировка – это универсальный антропологический феномен. Последние публикации направлены на изучение татуировки как части культуры и моды.

Монография М.Б. Медниковой «Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник» представляет собой отдельный теоретический интерес [10]. В 6 главе «Современность и традиция. Назад к истокам?» автор обращается к вопросам популярности татуировки в современности. Для объяснения этого феномена здесь приводятся такие процессы культуры XX-XXI веков, как (пост) индустриализация, (пост) модернизация, глобализация. Из существующих концептов, автор выделяет «постфольклор» (С.Ю. Никлюдова) как коммуникативное средство современного общества. Термин «эklekтика» характеризует многие явления в массовой культуре современности, в том числе, формирование новых архетипов для самовыражения через татуировки (см. экстремалы в боди-модификации). Надо отметить, что «практики себя» этого периода современной культуры скорее были направлены на критику и разрушение прежних стерео-

типов.

Одной из значимых диссертаций по проблематике российской тату-культуры является исследование «Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности (На материалах исследований молодежных субкультур города Владивостока)» Л.А. Мельниковой. Подключив к своему исследованию широкий спектр подходов и теорий, а также богатый эмпирический материал, Л.А. Мельникова делает вывод, что исторически сложившиеся функции татуировки, как «социального письма» индивида обществу, защитная и магическая функции, дополняются эстетической, репрезентативной и коммуникативной функциями. Современная татуировка – это «способ демонстрации современной молодежью отношения к внешнему миру», «репрезентации социокультурной идентичности» и «часть визуального знаково-символического кода молодежи» [11, с. 18-19].

Тематика татуировки в современном мире выводит исследователя на широкий дискурс телесности, представленный в монографии И.М. Быховской «Номо somatikos» [1]. Превращение тела биологического в тело социальное и культурное прослеживается через широкий историко-культурный контекст, а также через философию тела.

Из всех приведенных в статье теорий, «телесность» представляет собой самую обширную и самую открытую антропологическую перспективу. Соматическое понимание человека опять ставит вопрос о соотношении «духовного» и «телесного», с которого начинается античная философия. Обе категории получили своего переосмысления в философии постмодерна. Если добавить визуальный и эстетические повороты XX века, то получается достаточно сложная антропологическая программа. Известная дилемма «природного» и «социального» осложняется вопросами технологии, биохакинга и другими вызовами современности. Татуировка, несмотря на свое архаическое прошлое и «народность», является одним из показательных «материалов» для анализа данных вопросов. Татуировка визуализирует поиски современного человека своего будущего (например, биомеханика), своего внутреннего мира, своей реакции на внешний мир.

Важным посылом И.М. Быховской является возможность межкультурного диалога через «телесные» формы. «Соматизация» человека осмысливается не одно столетие и рассматривается как компенсация на предыдущие эпохи нивелирования человеческой телесности. «Тело как ценность» еще получает свою теоретическую проработку. Опять же известные телесные эксперименты в современной культуре демонстрируют, что переос-

мысление человеческой целостности находится в самом начале.

Современный контекст, обозначенный в данной статье как постсоветская культура, требует актуализации исследовательского дизайна. И дело не только в том, что конец XX века в постсоветском пространстве характеризуется «западным» или «восточным» влиянием и заимствованием.

Татуировка вошла в массовую культуру XXI века через многочисленные тату-салоны и интернет-ресурсы нет только коммерческого, но и «просветительского» характера. К институционализации тату-индустрии в России можно отнести тату-фестивали (в 1995 г. в московском клубе «Эрмитаж» проходит первая тату-конвенция, в 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялся первый тату-фестиваль). Современная тату-культура в России выявляет ряд новых аспектов, связанных с продолжающимися процессами индивидуализации и эстетизации татуировки

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) опубликовал 23 июля 2019 года результаты опроса об отношении россиян к татуировкам. Согласно проведенному опросу:

- 88% россиян никогда не имели татуировки,
- 58% нейтрально относятся к тем, кто их имеет,
- 15% россиян понимают и поддерживают тех, кто имеет татуировки,
- 27% россиян не поддерживают или осуждают татуировки и
- 96% россиян не планируют ближайшие два года делать себе тату,
- 43% россиян полагают, что посредством татуировки человек стремится выделиться среди других и 41% россиян полагают, что татуирование – это следование моде (47% из них – жители городов),
- 27% россиян считают, что татуировка указывает на то, что человек сидел в тюрьме (34% из них жители сельской местности).
- 20% россиян считают, что тату – проявление красоты.
- 11% россиян имеют постоянные татуировки (в среднем по две); 18% из них – представители мужского населения; 30% респондентов сделали тату в молодости; 29% – в армии;
- 19% опрошенных указали на необоснованное чем-либо желание иметь татуировку, а 6% – на желание себя украсить (их возрастная принадлежность от 18 до 24 лет (28%).
- 27% имеющих татуировки хотели бы от них избавиться (35% из них люди старше 60%), в том числе по причине неприличности татуировки; 33% респондентов – по причине низкого качества и непривлекательности; 16% – по причине, что та-

туировка перестала нравиться. («На эту и на ту, зачем мы бьем тату?»// <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/na-etu-i-na-tu-zachem-my-bem-tatu>)

Результаты данного опроса демонстрируют, что отношение россиян к татуировке эволюционирует в сторону принятия ее как составляющей визуального облика современного человека, несущей в себе эстетический и ценностный аспекты. Хотя процент тех респондентов, которые все еще видят в татуировке маргинальное явление, достаточно высок. Все исследователи указывают, что это неприятие и осуждение – наследие советского и даже дореволюционного периода российской истории (криминальное тату).

В своей статье «Мотивация на “тату” или чем оправданы затраты на самовыражение индивида» Е.И. Медведева и С.В. Крошилины выявляют новые тренды восприятия татуировок современным обществом, а также противоречия между самореализацией через нанесения тату и «реакцией» общества на потраченные усилия [7]. Татуировка, безусловно, имеет «консьюмерное» измерение, как и многие другие феномены современной культуры. Соответственно, заказчик тату-услуг может просчитать цену вопроса. Авторы показывают, что стереотипы, сопровождающие тату-индустрию, существенно влияют на продвижение тренда. Тем не менее, и в этой работе отмечается смягчение отношения общества к носителям тату.

В своей статье «Влияние татуировки на современную моду» Д.В. Гарамова пишет о том, что татуировка становится частью личного образа, «индивидуальным дизайном самого себя» [4]. Поэтому сегодня не все тату являются социальными маркерами или визуальными кодами субкультур, как это было относительно недавно. Современная тату-культура, как и культура в целом, является многослойной или полицентричной, с сохранением глубинной семантики традиционных обществ и древних символических систем. Многие исследователи называют это эклектикой в условиях глобализма, снятия национальных и культурных границ.

Действительно, даже подражая тату популярных блогеров, селебрити, заказчики нередко просят мастера выполнить «модификацию» татуировки. Согласно интернет-источникам востребованными становятся семейные татуировки (имена супругов, детей), включая изображение любимых питомцев, татуировки, сохраняющие память о важных, переломных событиях в жизни, тату-лейтмотивы или важные афоризмы.

Типология популярных тату остается прежней: олд скул, нью скул, реализм, японские тату (иредзуми), трайбл, готика, геометрия, графика и гравюра, биомеха-

ника, леттеринг, минимализм, аниме и многое другое.

Также надо указать на техническую сторону дела. Современные татуировки выполнены с большим мастерством, линии у некоторых типов тату становятся тоньше, сами тату не бросаются в глаза. Они носят динамичный характер, могут дополняться другими образами и сюжетами, то есть способны меняться вместе с самим носителем тату.

В статье «Татуировка как социокультурное явление» Э.Ю. Шуляр делает вывод о том, что татуировка «утратила ранее присущие ей коннотации бунтарства, мужественности и агрессивности» [15, с.8]. Современная татуировка – одна из форм массового искусства – стремящаяся к гармонии и красоте.

Ю.Ю. Макиевская называет современную татуировку «архивом кожи», «личным дневником, хранящимся на коже». Также татуировка становится способом телесной «сепарации от родителей» для современной молодежи [9, с.66]. Можно сделать вывод, что начальное – инициационное значение тату возрождается в новой форме.

Определенных исследовательских усилий все еще требует процесс де-маргинализации татуировки, в том числе в постсоветской культуре.

Анализ литературы показывает, что российская тату-культура может выступать в качестве источника для описания сложных процессов идентификации, проходящих сегодня, особенно, в молодежной среде.

Важной функцией современной татуировки остается коммуникационная. Визуальный образ, включающий в себя татуировки, невербально задает посыл для самопрезентации и диалога.

Таким образом, мы делаем вывод, что татуировка в российской культуре проделала «свой» путь развития. Этот путь коррелирует с общемировыми трендами: от исторических и национальных типов к индивидуальным, «эклектическим» образам самовыражения, в которые вписаны личный опыт, ценностные установки и стремления, которые ждут своего анализа, адаптированного символического языка и типологии, и новой телесной эстетики.

Исследовательский дизайн можно расширить такими «эстетическими» параметрами, как символика цвета, а также соотношение визуального изображения и текста.

Отдельным направлением является психологическое исследование тату-культуры, хотя в отечественной литературе оно сопряжено с криминалистикой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 204 с.
2. Волкова А.И. Татуировка как часть многовековой истории человечества// Внедрение передового опыта и практическое применение результатов инновационных исследований. — Уфа, 2021 — С. 312-324.
3. Воробьева Е.К. Татуирование как объект социологического исследования. Теоретико-методологические аспекты: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.01. — Москва, 2018. — 333 с.
4. Гарманова Д.В. Влияние татуировки на современную моду // Научно-издательский центр Аспект. URL: <https://na-journal.ru/3-2022-kultura-iskusstvo/3537-vliyanie-tatuirovki-na-sovremennuyu-modu> (дата обращения: 28.07.2025)
5. Данилова Е.А. История татуировки в России// Молодежь XXI века: образование, наука, инновации. — 2019. — С. 128-130.
6. Копылова П.Э. Татуировка в истории культуры и медицины// Молодежная наука и современность. — Курск, 2020. — С. 87-90.
7. Медведева Е.И., Крошилил С.В. Мотивации на «тату» или чем оправданы затраты на самовыражение индивида // Наука. Культура. Общество, 2024. - Т. 30. - № 3. - С. 78-93.
8. Максименко А.В. Молодежная массовая культура как фактор выбора татуировки: социологический аспект вопроса // Перспективы развития сферы науки, техники и технологий в XXI веке. — Белгород, 2022 — С. 46-49.
9. Макиевская Ю.Ю. Культура татуировки среди молодежи России и Китая// Наука и инновации — современные концепции. — Москва, 2020. — С. 66-72.
10. Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: татуировка как исторический источник. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 216 с.
11. Мельникова Л.А. Татуировка как форма репрезентации социокультурных кодов визуальности (на материалах исследования молодежных субкультур города Владивостока): Диссертация на соискание ... кандидата культурологии: 24.00.01 — Владивосток, 2014. — 183 с.
12. Некипелова В.А. Татуировка как популярный идентификационный символ XXI века// Современная школа России. Вопросы модернизации. — 2022. - № 40. — С. 47-48
13. Полторацкая А. Татуировка как вид саморекламы// Журналист. Социальные коммуникации. — 2015. — № 3-4 (19-20). — С. 156-164.
14. Хренова М.В., Отургашева Н.В. Тату как элемент современного искусства// Интеллектуальный потенциал Сибири, 2019. — С. 329-330.
15. Шуляр Э.Ю. Татуировка как социокультурное явление // Universum: филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. 2022. 8(98). URL: <https://7universum.com/ru/philology/archive/item/14163> (дата обращения: 28.07.2025)

© Ланбина Софья Константиновна (sonia.lanbina@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ КОНСТРУКЦИИ И ИСПОЛНИТЕЛЬСКИХ ТРАДИЦИЙ КИТАЙСКИХ ПРОДОЛЬНЫХ (СЯО 箫) И ПОПЕРЕЧНЫХ (ДИ 笛) ФЛЕЙТ: ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ НАХОДОК ДО СОВРЕМЕННОСТИ

Лю Сяовэй

Аспирант, Московский государственный
институт культуры
Xiaoweiliuflute@gmail.com

EVOLUTION OF THE DESIGN AND PERFORMANCE TRADITIONS OF CHINESE LONGITUDINAL (XIAO 箫) AND TRANSVERSE (DI 笛) FLUTES: FROM ARCHAEOLOGICAL FINDS TO THE PRESENT DAY

Liu Xiaowei

Summary: The subject of the study is Chinese longitudinal xiao and transverse di flutes as unique examples of traditional musical art, forming the basis of the national sound culture of China. The aim of the work is to comprehensively analyze the evolutionary path of the design and performance traditions of these instruments from archaeological evidence to the present state. The research methodology is based on an interdisciplinary approach combining historical and comparative analysis of archaeological finds with instrumental and acoustic methods, supplemented by cultural and historical analysis to identify the role of flutes in the musical tradition. The results of the study demonstrate the continuous eight-thousand-year history of the flute tradition in China, the radical transformation in the twentieth century through the creation of a national performing school and constructive innovations, and the successful synthesis of folk and academic traditions in modern composing practice. The novelty lies in the first comprehensive interdisciplinary analysis of the evolution of Chinese flutes, combining archaeological, historical and cultural aspects with the identification of key development factors at each historical stage. The conclusion confirms the organic integration of ancient traditions with modern innovations, creating a unique artistic product of international significance. Development prospects are associated with the continuation of the synthesis of traditions and innovations, the preservation of national identity in the context of globalization and the formation of an ethnic-academic performing style.

Keywords: Chinese flutes xiao and di, evolution of musical instruments, archeology of music, performing traditions.

Аннотация: Предмет исследования составляют китайские продольные сяо и поперечные ди флейты как уникальные образцы традиционного музыкального искусства, формирующие основу национальной звуковой культуры Китая. Цель работы заключается в комплексном анализе эволюционного пути конструкции и исполнительских традиций данных инструментов от археологических свидетельств до современного состояния. Методология исследования базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем историко-сравнительный анализ археологических находок с инструментоведческими и акустическими методами, дополненными культурно-историческим анализом для выявления роли флейт в музыкальной традиции. Результаты исследования демонстрируют непрерывную восьмистысячелетнюю историю флейтовой традиции в Китае, радикальную трансформацию в двадцатом веке через создание национальной исполнительской школы и конструктивные инновации, успешный синтез народных и академических традиций в современной композиторской практике. Новизна заключается в первом комплексном междисциплинарном анализе эволюции китайских флейт, объединяющем археологические, исторические и культурологические аспекты с выявлением ключевых факторов развития на каждом историческом этапе. Вывод подтверждает органичную интеграцию древнейших традиций с современными инновациями, создающую уникальный художественный продукт международного значения. Перспективы развития связаны с продолжением синтеза традиций и инноваций, сохранением национальной идентичности в условиях глобализации и формированием этническо-академического исполнительского стиля.

Ключевые слова: китайские флейты сяо и ди, эволюция музыкальных инструментов, археология музыки, исполнительские традиции.

Введение

Китайские флейты сяо и ди представляют собой уникальные образцы традиционного музыкального искусства, занимающие центральное место в формировании национальной звуковой культуры Поднебес-

ной. Актуальность изучения данной темы обусловлена необходимостью системного анализа многовекового развития этих инструментов, их роли в становлении китайской музыкальной традиции и современных тенденций их использования в контексте глобализации культурных процессов.

Цель настоящего исследования заключается в комплексном анализе эволюционного пути конструкции и исполнительских традиций продольных и поперечных китайских флейт от археологических свидетельств до современного состояния.

Вопросы происхождения китайских флейт требуют обращения к археологическим данным и историческим источникам. Современные исследования в области музыкальной археологии предоставляют убедительные доказательства древности этих инструментов. С. Ши в своих работах указывает, что самые ранние свидетельства существования флейт на территории Китая датируются 900 годом до нашей эры, при этом первые изображения были обнаружены на стенах пещер. Развитие инструмента начинается в эпоху палеолита, когда использовались костяные бесключевые флейты доисторической эпохи. Согласно исследованиям автора, флейта является одним из древнейших инструментов человечества, существующим практически в каждой культуре мира [5].

Углубленный анализ археологических данных демонстрирует непрерывность традиции изготовления флейт в Китае. Исследователь С. Цзе отмечает, что археологические раскопки свидетельствуют об использовании костяных флейт на территории Китая восемь тысячелетий назад. Это указывает на глубокие корни флейтовой традиции в китайской культуре и подтверждает органичность данных инструментов для музыкального мышления китайского народа [6].

Методы исследования

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий историко-сравнительный анализ археологических находок, письменных источников и иконографии для реконструкции эволюции конструкции флейт. Инструментоведческий и акустический методы позволяют выявить технологические изменения материалов и акустических свойств инструментов, а также их влияние на исполнительские техники. Культурно-исторический анализ раскрывает роль флейт в придворной и народной музыкальной традиции, включая влияние межкультурных контактов.

Результаты и обсуждения

Процесс институционализации музыкальной культуры в Китае оказал значительное влияние на развитие флейтовых традиций. Детальное изучение этого периода представлено в работах Е. Чжао, который указывает, что во время правления династии Хань при императоре У-Ди было создано первое центральное музыкальное учреждение «Юэфу», занимавшееся развитием музыкальных жанров и классификацией инструментов. Важным этапом в развитии понимания различий между ти-

пами флейт стал период династий Суй и Тан. Развитие конструкции китайских флейт происходило под значительным влиянием межкультурных контактов. В Китай были завезены флейты с семью игровыми отверстиями, что привело к постепенной эволюции китайской ди, изначально имевшей шесть игровых отверстий [11].

Технология изготовления китайских флейт претерпела значительные изменения на протяжении веков. Первоначальные исследования в области материаловедения показывают, что С. Ши отмечает использование дерева и кости в качестве основных материалов в древности, при этом такие флейты были наиболее распространены в Древнем Египте, Греции и Китае [5].

Современные конструктивные особенности детально анализирует С. Цзе, указывающий, что ствол флейты ди-цзы в большинстве случаев изготавливается из бамбука или тростника, хотя встречаются инструменты из других пород дерева и даже из камня, чаще всего нефрита. Ствол флейты обычно перевязывается нитяными кольцами, покрытыми черным лаком. Конструктивные элементы включают отверстие для вдувания воздуха вблизи закрытого конца ствола, мембранное отверстие с тончайшей тростниковой пленкой и четыре дополнительных отверстия для подстройки [6].

Звуковые характеристики китайских флейт формировались под влиянием эстетических предпочтений различных эпох. Я. Цзи в своих исследованиях подчеркивает, что китайские тростниковые и бамбуковые флейты обладают звучанием, которое перекликается с европейской блокфлейтой, однако природа техники и самого звучания имеет принципиальные отличия. Мелодии китайской флейты культивируют характеристики, отличные от европейских аналогов, с особым вниманием к флейтовому вибрато и сонорной динамике тона [8].

Двадцатый век стал переломным моментом в развитии китайского флейтового искусства. П. Ван в своих исследованиях указывает, что современная европейская академическая флейта появилась в Китае при дворах китайских императоров в XVII веке, однако активное развитие инструмента в концертной жизни началось после образования Китайской Народной Республики. В начальный период национальная школа флейтового искусства только начинала складываться, при этом музыканты в основном учились в различных зарубежных странах на зарубежном репертуаре [1].

Процесс создания национальной исполнительской традиции детально анализирует Я. Цзи, отмечающий, что в 1950-х годах музыканты стремились создать собственную национальную школу западных инструментов в Китае. Педагоги-исполнители обогатили репертуар огромным количеством музыкальных произведений,

обладающих национальным колоритом и художественными достоинствами [9].

Современный этап развития китайского флейтового искусства характеризуется синтезом традиционных и новаторских подходов. Я. Цзи отмечает, что начиная с 1980-х годов флейтовая музыка под влиянием изменений внутри страны вступает на путь активного развития. Необыкновенные оригинальные технические приемы и специальные звуковые эффекты оказали большое влияние на исполнительство и практику обучения флейтистов [7]. Международное признание китайской флейтовой школы подтверждается данными, которые приводит Я. Цзи, указывающий, что композиторы и исполнители Китая совместными усилиями завоевали внимание и благосклонность лучших мировых мастеров флейты. В образовательной системе появился конкурс на отделение музыкальных инструментов по специальности флейта в вузах Китая.

Современная композиторская практика в области флейтовой музыки демонстрирует уникальный синтез традиций. П. Ван характеризует главную особенность современной музыки в Китае как композиторскую технику, сочетающую европейский и современный музыкальный язык со стилистикой национальной традиции. Европеизация музыкального языка началась с переложений и обработок для академической флейты фольклорных мелодий и произведений европейских композиторов различных эпох [2]. Технические аспекты современного композиторского письма включают использование оригинальных национальных мелодий, сочинение мелодики в традиционных пентатонных ладах, применение нового гармонического языка и использование европейских жанровых моделей при опоре на современные техники. П. Ван отмечает достижение эффекта соединения различных приемов письма через использование тембров национального инструментария.

Китайские бамбуковые флейты представляют собой уникальное явление в мировой музыкальной культуре, сочетающее древнейшие традиции с современными инновациями. Глубинное исследование этого вопроса было проведено Ч. Цянь, которая подчеркивает, что китайская бамбуковая флейта является одним из древнейших духовых инструментов с более чем двухтысячелетней историей существования, что кардинально отличает ее от многих других инструментов, завезенных в Китай из внешних регионов [10].

Образовательная система флейтового искусства претерпела кардинальные изменения в середине XX века. Согласно исследованиям того же автора [10], были созданы музыкальные факультеты в старейших университетах, а позднее основаны первые консерватории: Тяньцзиньская в 1958 году, Китайская Пекинская и Шэ-

ньянская в 1964 году, которые до настоящего времени остаются ведущими центрами подготовки флейтистов.

Методические подходы к обучению игре на флейте формировались под влиянием выдающихся западных педагогов. Развитие флейтового искусства не было равномерным и включало периоды кризиса и восстановления. Современный этап развития китайского флейтового искусства характеризуется интенсивным международным взаимодействием. Начиная с 1980-х годов, развитие протекало параллельно со стремительным экономическим ростом Китая, что способствовало регулярным визитам выдающихся зарубежных специалистов, включая Алена Мариона, Андраша Адорьяна, Рудольфа Гиндльхумера, Петера Лукаса Графа, Джеймса Голуэя и Эммануэля Пахуда.

Специфика развития традиционных китайских флейт имеет свои особенности, отличные от европейского флейтового искусства. Детальный анализ этого процесса представлен Ц. Яньи, который установил, что активное развитие исполнительской практики, создание методики преподавания и появление оригинального репертуара произошло только в начале XX века, когда в высших музыкальных учебных заведениях была открыта специализация профессионального флейтового исполнительства [8].

Конструктивные инновации стали важным направлением развития китайских флейт во второй половине XX века. Революционные изменения в этой области описаны М. Нань, которая отмечает, что в 1970-х годах профессор Нанкинского института искусств Цай Цзиминь изобрел новую бамбуковую флейту, внедрив в конструкцию ди элементы механики западной флейты. Это нововведение позволило преодолеть трудности исполнения произведений с двенадцатиступенным равномерно темперированным звукорядом и значительно расширить репертуарные возможности инструмента [4].

Репертуарное развитие китайских флейт характеризуется активным творческим поиском композиторов-флейтистов. Как подчеркивает тот же исследователь [4], авторские сочинения принадлежат представителям северной и южной исполнительских школ ди, включая Фэн Цзыцуня, Лю Гуаньюэ, Чжао Сунтина, Лу Чуньлина, Ван Течуя и других выдающихся мастеров. Второе поколение исполнителей создает новый тип произведений, сосредоточенных на воспевании красоты природных пейзажей с тенденцией слияния стилистики различных региональных школ. Культурный диалог между восточной и западной флейтовыми традициями приобрел особое значение во второй половине XX века. М. Нань отмечает, что между флейтой ди и западной флейтой начался своеобразный культурный обмен: китайская флейта перенимает репертуар западной традиции, в то время

как западная флейта стремится к передаче колористического ресурса бамбукового инструмента.

Современные тенденции развития флейтового искусства в XXI веке характеризуются стремлением к синтезу различных традиций. Комплексное исследование этого явления проведено Л. Жуя и В. Хэ, которые установили, что современная эпоха не только возродила интерес к китайской флейте, но и стала периодом активного синтеза народных и классических музыкальных произведений. Целью такого синтеза является придание самобытной яркости академическим композициям и привнесение новых тенденций в традиционное исполнительство [3].

Функциональная трансформация китайских флейт в XX веке была кардинальной. М. Нань подчеркивает, что инструмент радикально изменил свою роль: от традиционного участника театральных ансамблей флейта ди преобразовалась в яркий солирующий инструмент с богатейшими образно-художественными характеристиками. В XXI веке китайская бамбуковая флейта ди стала символом национальной флейтовой культуры и внесла значительный вклад в мировую музыку духовых инструментов [4].

Перспективы развития китайского флейтового искусства связаны с продолжением процесса синтеза традиций и инноваций. Создание уникального стиля этническо-академического исполнения, интеграция народных элементов в классические композиции и сохранение национальной идентичности в условиях глобализации остаются ключевыми задачами современного этапа развития китайских флейт сяо и ди.

Выводы

Археологические данные убедительно демонстриру-

ют, что флейтовая традиция в Китае имеет непрерывную восьмилетнюю историю, что делает эти инструменты одними из древнейших в мировой музыкальной культуре. Эволюция от костяных флейт палеолита до современных бамбуковых конструкций отражает не только технологический прогресс, но и глубинные изменения в эстетических предпочтениях и культурных парадигмах китайского общества.

Двадцатый век ознаменовался радикальной трансформацией флейтового искусства в Китае. Создание национальной исполнительской традиции в 1950-х годах стало результатом целенаправленных усилий по синтезу западных исполнительских техник с китайской музыкальной эстетикой. Конструктивные инновации 1970-х годов, связанные с внедрением элементов механики западной флейты в традиционную бамбуковую конструкцию, революционизировали возможности инструмента.

Композиторская практика XXI века демонстрирует успешный синтез народных и академических традиций, где европейский музыкальный язык органично сочетается с национальной стилистикой. Использование пентатонных ладов, оригинальных гармонических решений и тембровых возможностей национального инструментария создает уникальный художественный продукт, получивший международное признание.

Научная новизна исследования заключается в комплексном междисциплинарном анализе эволюции китайских флейт, объединяющем археологические, исторические, инструментоведческие и культурологические аспекты в единую концептуальную систему. Впервые представлена целостная картина трансформации флейтовых традиций от доисторических образцов до современных инновационных форм с выявлением ключевых факторов, определявших направления развития на каждом историческом этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, П. Западные традиции игры на флейте в истории Китая / П. Ван // Южно-Российский музыкальный альманах. – 2021. – № 4(45). – С. 151-158. – DOI 10.52469/20764766_2021_04_151. – EDN SGDCHV.
2. Ван, П. Синтез национальных традиций и современных техник в музыке китайских композиторов для флейты / П. Ван // Культурная жизнь Юга России. – 2022. – № 3(86). – С. 122-129. – DOI 10.24412/2070-075X-2022-3-122-129. – EDN SYBFXQ.
3. Лю, Ж. Сравнение китайских и европейских флейт / Ж. Лю, Х. Ван // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 7-1. – С. 5-11. – DOI 10.34670/AR.2023.86.36.001. – EDN PMZOJS.
4. Мао, Н. Искусство древней китайской флейты ди как актуальный пласт культуры / Н. Мао // Университетский научный журнал. – 2020. – № 57. – С. 130-137. – DOI 10.25807/PBH.2225064.2020.57.130.137. – EDN TIQVFX.
5. Сюйцзэ, Ш. Анализ исторического развития флейты и ее влияния на формирование музыкальных жанров и стилей / Ш. Сюйцзэ // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 10-1. – С. 249-253. – DOI 10.34670/AR.2023.37.34.026. – EDN OXFIFX.
6. Сяо, Ц. Китайская флейта в оркестровой музыке / Ц. Сяо // Университетский научный журнал. – 2022. – № 68. – С. 184-188. – DOI 10.25807/2225064_2022_68_184. – EDN GSKSSZ.
7. Цзи, Я. Значение и роль бамбуковой флейты в Китае / Я. Цзи // Профессиональное музыкальное искусство в контексте мировой культуры: Материалы VII

- Международной научно-практической конференции, Самара, 13 апреля 2021 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2021. – С. 27-29. – EDN OASRXH.
8. Цзи, Я. Китайская бамбуковая флейта: история и конструктивные особенности / Я. Цзи // Проблемы музыкальной науки. – 2021. – № 2. – С. 86-93. – DOI 10.33779/2587-6341.2021.2.086-093. – EDN GFERGC.
 9. Цзи, Я. Традиционная китайская бамбуковая флейта: история, эволюция и современная исполнительская практика / Я. Цзи // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 59. – С. 133-138. – DOI 10.31773/2078-1768-2022-59-133-138. – EDN BPOIXT.
 10. Чан, Ц. Особенности игры на бамбуковой флейте через призму ее исторического значения в музыкальной культуре Древнего Китая / Ц. Чан // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12, № 3-1. – С. 337-344. – DOI 10.34670/AR.2022.25.17.079. – EDN LGNMOZ.
 11. Чжао, Е. Исполнительство на духовых инструментах сяо и ди в Китае: исторический аспект / Е. Чжао // Университетский научный журнал. – 2023. – № 73. – С. 113-119. – DOI 10.25807/22225064_2023_73_113. – EDN KKNZVX.

© Лю Сяовэй (Xiaoweiliuflute@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗВУК ФЛЕЙТЫ КАК МЕДИАТОР МЕЖДУ ПРИРОДОЙ И ЧЕЛОВЕКОМ В КИТАЙСКОЙ ЖИВОПИСИ

Лю Сяовэй

Аспирант, Московский государственный
институт культуры
Xiaoweiliuflute@gmail.com

THE SOUND OF THE FLUTE AS A MEDIATOR BETWEEN NATURE AND MAN IN CHINESE PAINTING

Liu Xiaowei

Summary: The subject of the study is the sound of the flute as a symbolic mediator between nature and man in traditional Chinese painting. The aim of the work is to analyze the mechanisms of the mediative function of the flute sound in the context of visual art, revealing philosophical ideas about the harmony of the universe in the Chinese cultural tradition. The methodological basis is an interdisciplinary approach that combines art history analysis of paintings with musicological study of the acoustic features of the Chinese flute, philosophical and aesthetic interpretation based on the concepts of Taoism and Confucianism, a semiotic method of deciphering visual and musical codes, a comparative historical analysis of the evolution of the mediative function of the instrument. The results of the study demonstrate the systemic nature of the mediative function of the flute, combining physiological, psychological, philosophical and cosmological aspects of human interaction with nature through cosmic mediation, material symbolism of bamboo, philosophical and aesthetic content of musical works and ritual and sacred practice of performance. Scientific novelty lies in identifying the process of visualization of harmonization of human consciousness with natural rhythms through the sound of the flute in Chinese painting, establishing a correlation between the regional typology of flutes and natural and climatic conditions, defining the flute sound as a universal code of cultural identity and spiritual practice. Development prospects are associated with further study of regional features of the mediative function of musical instruments in painting of various periods and schools of Chinese art.

Keywords: Chinese painting, flute, mediator, nature, bamboo, sound, symbolism, philosophy.

Аннотация: Предметом исследования выступает звук флейты как символический медиатор между природой и человеком в традиционной китайской живописи. Целью работы является анализ механизмов медиативной функции флейтового звучания в контексте визуального искусства, раскрывающих философские представления о гармонии мироздания в китайской культурной традиции. Методологическую основу составляет междисциплинарный подход, объединяющий искусствоведческий анализ живописных произведений с музыковедческим изучением акустических особенностей китайской флейты, философско-эстетическую интерпретацию на базе концепций даосизма и конфуцианства, семиотический метод расшифровки визуальных и музыкальных кодов, сравнительно-исторический анализ эволюции медиативной функции инструмента. Результаты исследования демонстрируют системный характер медиативной функции флейты, объединяющей физиологические, психологические, философские и космологические аспекты взаимодействия человека с природой через космическое посредничество, материальную символику бамбука, философско-эстетическое содержание музыкальных произведений и ритуально-сакральную практику исполнения. Научная новизна заключается в выявлении процесса визуализации гармонизации человеческого сознания с природными ритмами через звук флейты в китайской живописи, установлении корреляции между региональной типологией флейт и природно-климатическими условиями, определении флейтового звучания как универсального кода культурной идентичности и духовной практики. Перспективы развития связаны с дальнейшим изучением региональных особенностей медиативной функции музыкальных инструментов в живописи различных периодов и школ китайского искусства.

Ключевые слова: китайская живопись, флейта, медиатор, природа, бамбук, звук, символика, философия.

Введение

Музыка и звук занимают особое место в китайской культуре, выступая не просто как художественное явление, но как философская концепция, связывающая человека с космическим порядком и природным миром. Звуковая стихия в китайской традиции рассматривается через призму древних учений даосизма и конфуцианства, где каждый музыкальный элемент несет глубокую символическую нагрузку. Особенно ярко эта связь проявляется в изобразительном искусстве, где визуальные образы музыкальных инструментов становятся метафорическими знаками духовного единения человека с при-

родой.

Цель данной статьи заключается в исследовании символики звука флейты (дицзы, сяо) в китайской живописи как связующего элемента между человеком и природой. Анализ этой темы позволяет раскрыть глубинные механизмы культурного кодирования, через которые китайское искусство передает философские представления о гармонии мироздания.

Философские основания звука флейты в китайской культуре

Фундаментальное понимание роли флейты в китай-

ской культуре формировалось на протяжении тысячелетий под влиянием двух основных философских течений. В рамках исследования истоков китайской флейтовой традиции Сяо Цзе обратился к анализу древнекитайских трактатов и выявил, что в даосской концепции бамбуковая трубка уподобляется абсолютной Пустоте (сюй), из которой рождается вся музыка. Согласно его исследованию, мир наполнен звуками трех флейт: флейты Неба, представляющей высшее космическое звучание, флейты земли, символизирующей все отверстия на планете, откликающиеся на дуновение ветра, и флейты человека, объединяющей людей, окружающий мир и Вселенную [4].

Особое внимание к материалу изготовления флейты связано с глубоким символизмом бамбука в китайской культуре. Изучая специфику китайской флейтовой традиции, Лю Жуя и Ван Хэ подчеркивают, что различные сорта и возраст бамбука влияют на тембр инструмента: зрелый бамбук дает лучший тембр, горький бамбук подходит для Ди-цзы, черный ("фиолетовый бамбук") - для Сяо. Бамбук является национальным достоянием Китая и символизирует пустоту, упорядоченность, чистоту и стойкость - основные идеи китайской философии и культуры [1].

Связь между материалом и звучанием приобретает философское измерение через концепцию единения с природой. Бамбуковая флейта способна передавать оттенки человеческого голоса и звуков природы, что отражает традиционную китайскую концепцию гармоничного сосуществования с естественным миром. Уникальные звуковые характеристики достигаются благодаря особой конструкции: Ди-цзы имеет характерный звук благодаря полости "мо конг" с мембраной "Димо", создающей жужжащий или вибрирующий звук, что делает звучание более "нежным и естественным" по сравнению с европейской флейтой.

Историческая эволюция флейтовой традиции

Флейта занимала центральное место в музыкальной культуре Древнего Китая. Звучанием бамбуковых флейт открывались и завершались все церемонии и представления, что подчеркивает ее сакральное значение в ритуальной практике. Анализируя современное состояние китайской флейтовой музыки, Цзи Яньи выделяет три основных периода развития: создание КНР, период "культурной революции" и период с 1980-х годов по настоящее время [7]. Начиная с 1980-х годов флейтовая музыка вступила на путь активного развития. Композиторы начали сочетать звучание инструмента с современными достижениями музыкального языка, стремясь не только перевести на язык европейской флейты собственные художественные достижения, но и транслировать миру уникальную культуру древнего инструмента. Китайские

музыкальные произведения для флейты отличаются богатством и разнообразием содержания, преломляя примечательные черты эпохи и дух времени в разные исторические периоды.

Методы и методология исследования

Исследование опирается на междисциплинарный подход, сочетающий искусствоведческий анализ живописных произведений с музыковедческим изучением акустических особенностей китайской флейты. Философско-эстетическая интерпретация базируется на ключевых концепциях даосизма и конфуцианства, раскрывающих символику звука как медитативного посредника между человеком и природой. Семиотический метод применяется для расшифровки визуальных и музыкальных кодов, отражающих единство образной системы в живописи и флейтовой традиции. Сравнительно-исторический анализ позволяет проследить эволюцию медиативной функции инструмента от древних ритуалов до современных художественных практик. Методологическую основу составляет принцип ци («энергетического резонанса»), объединяющий звуковые, визуальные и философские аспекты в целостную систему гармоничного взаимодействия.

Результаты и обсуждения

В китайской живописи флейта выступает не просто как изображаемый предмет, но как символический медиатор между различными планами бытия. Многовековые традиции сосредоточили китайских исполнителей на оттачивании навыков звукоизвлечения, достигнув предельно высокого уровня мастерства. Мелодии китайской флейты культивируют особые характеристики, отличающие их от европейской флейтовой традиции. Звучание китайских тростниковых и бамбуковых флейт имеет особую природу техники и звучания, которая визуально воплощается в живописных композициях.

Современный синтез народных и классических музыкальных традиций находит отражение в художественном творчестве XXI века. Китайская флейта включается в академический оркестр и оперу, а европейская флейта базируется на принципах народного исполнительства. Фундаментальное понимание роли флейты в китайской культуре формируется через концепцию искусства как "дао, выраженного в чувствах". Исследуя символическое значение флейты сяо в китайской культуре, Цзи Яньи выявил, что у китайцев существует поверье о способности звуков сяо проникать в иные пространства подобно дыму, представляя собой специфический способ медитации. Роль сяо в китайском эпосе раскрывается через ее магические свойства: звуки флейты могли вызвать дождь, повлиять на цветение и рост растений, сформировать доблесть и героизм воина, очистить жилое про-

странство от злых духов [6].

Содержательная сторона флейтового творчества раскрывает глубокую связь инструмента с природным миром. Анализируя развитие бамбуковой флейты ди, Мао Нань отмечает, что содержание произведений для этого инструмента охватывает жизнь трудового народа и мир природы, которая его окружает. Программные названия сочинений отражают природные образы: "Птица в тени", "Утро", "Маленький пастух", "Летят турачи", создавая звуковые картины природного мира [2]. Камерную сяо называли инструментом отшельников, звуковым подспорьем медитации. В китайских древних преданиях повествуется о духовной силе негромких звуков сяо, которые могли вызвать дождь, возродить цветение садов, воодушевить героизм воина. Игра на сяо тесно связана с духовной аскетикой: погружение в звуки сяо способствует очищению разума и просветлению сознания.

Философская интерпретация флейтовой музыки

Особый подход к пониманию медиативной функции флейты представлен в исследовании древнекитайской литературы. Рассматривая "Оду о длинной флейте" Ма Жуна эпохи Восточной Хань, И. И. Семененко выявил, что автор усматривает сущность музыки не в выражении нравственного переживания, а в философском познании. Музыка флейты представляется как интеллектуальное знание, способное воплощать различные философские учения [3]. В оде приводится первая в истории китайской культуры музыкальная классификация философских школ Древнего Китая. Флейтовая музыка символизирует различные философские учения через соответствующие музыкальные формы, воплощая характерные для каждой школы дух, принципы и интеллектуальные особенности. Музыкант трактуется как музыкальный интерпретатор учений древнекитайских философов, способный "проникаться духом" создателей классических произведений и передавать смысл философских учений через музыкальную интерпретацию.

Материальная основа флейты несет глубокий символический смысл в контексте ее медиативной функции. Изучая современные проблемы развития исполнительского искусства на бамбуковой флейте, Чан Цянь подчеркивает, что бамбуковая флейта в китайской культуре является священным инструментом, где бамбук олицетворяет вечную жизнь. Многотысячелетняя история инструмента окутана мифологемами и легендами, что подчеркивает его роль как проводника между материальным и духовным мирами [10]. Сопутствующие бамбуковой флейте древнекитайские мировоззренческие представления связаны с бинарностью человеческого общества и миропорядка в целом (инь и янь), что остается незыблемым для современного исполнителя.

Фундаментальные основы понимания медиативной природы флейты были заложены в исследованиях космического посредничества музыки в древнекитайской культуре. Значительный вклад в понимание этой проблематики внесла Чан Цянь, которая в своем исследовании выявила уникальную роль китайской бамбуковой флейты как проводника между человеческим и божественным мирами. Согласно ее анализу древнекитайских текстов «Ли цзи» и «Ши цзи», музыкальные законы были математически оформлены таким образом, что связь музыки с человеком осуществлялась через «сердце» и «внутренние органы», при этом мелодия «потрясает наши органы и воздействует на кровь, проникает в глубины души» [9].

Материальная основа медиативной функции флейты получила основательное освещение в работах, посвященных типологии китайских духовых инструментов. Детальный анализ эволюции инструмента представлен в исследовании Цзи Яньи, которая восполнила существенный пробел в российском музыкознании касательно китайской бамбуковой флейты. Исследователь установила, что выбор бамбука вместо первоначальной костяной основы обусловлен его превосходными акустическими свойствами – более высокой частотой вибрации и менее резким звуком. Бамбук как материал флейты является национальным достоянием и символом китайской культуры, получившим воплощение в живописи и поэзии на протяжении многих веков [5].

Историческая эволюция флейты от костяной формы к бамбуковой, окончательно сформировавшейся во времена династии Чжоу, демонстрирует постепенное совершенствование медиативной функции инструмента. Распространение флейты среди всех слоев общества свидетельствует о ее универсальной способности служить посредником между человеком и природой независимо от социального статуса исполнителя.

Региональная специфика и типологическое разнообразие китайских флейт отражают адаптацию инструмента к различным природно-климатическим условиям. Существование двух основных типов – горизонтальной Ди с тростниковой мембраной и вертикальной Сяо, а также одиннадцати подтипов флейты Ди, различающихся по региональному принципу, демонстрирует органичную связь между звучанием инструмента и природной средой его бытования.

Семантическая основа медиативной функции флейты раскрывается через анализ образной сферы древнекитайских произведений. Важное направление в изучении этого вопроса представлено в работе Чан Цянь, посвященной основам образной сферы древнекитайских произведений для бамбуковой флейты. Автор установила, что информация, заложенная в мелодической линии, ре-

презентует семантику китайской культуры, для которой характерно преломление в музыкальных звуках видения внешнего и внутреннего гармоничного мира человека с его переживаниями и отношением к бытию [8].

Философская основа медиации проявляется в том, что в мелодиях древнейшего духового инструмента отразилась семантика китайской эстетики, первоначально основанной на философии общинно-родовых ценностей. Образно-программная медиация реализуется через традиционные красочно-образные темы в названиях старинных мелодий, такие как «Путешествие в Сучжоу», «Весна приходит в реку Сянцзян», «Полет куропатки». Эти философско-созерцательные идиомы, часто заимствованные из литературных источников, создают звуковые картины природы, которые находят параллели в живописных изображениях флейтистов среди природных ландшафтов.

Созерцательная медиация природы наиболее ярко проявляется в произведениях, передающих лирико-психологическое изображение философско-созерцательного настроения. Музыкальная канва передает созерцание окружающего мира через описание садов, прудов с лотосами, порхающих бабочек, что коррелирует с живописными изображениями, где флейта выступает как инструмент гармонизации человека с природой.

Техническая основа медиации достигается посредством изящной ритмики и расслабленного передувания, усиливающего эффект «дуновения самой жизни». Эта техническая специфика создает особое звуковое пространство, которое в живописи передается через изображение воздушных потоков, облаков и других элементов, символизирующих движение жизненной энергии.

Ритуально-церемониальная функция флейты в традиционном искусстве занимает высокое положение в ритуально-церемониальных действиях и обрядах, выполняя функцию посредничества между человеческим пространством и миром богов. В живописных произведениях это находит отражение в изображении флейтистов в сакральных пространствах – горных вершинах, священных рощах, храмовых комплексах.

Мифологический контекст исполнения на инструменте окутан мифологемами, свидетельствующими об особой историко-социальной значимости бамбуковой флейты в повседневной жизни китайцев. Процесс игры на флейте представляется не просто как музицирование,

но как акт космического общения, что визуализируется в живописи через изображение флейтистов в состоянии трансцендентного единения с природными силами.

Сакральная природа бамбука как материала инструмента наделяет флейту магическими свойствами – способностью защищать от злых духов и символизировать выносливость и неувядаемость. Это делает флейту священным инструментом, способным объединять материальный и духовный миры, что находит отражение в живописных композициях, где бамбуковые рощи и флейтисты образуют единое смысловое пространство.

Современный репертуар бамбуковых флейт представляет собой преимущественно обработки народной музыки и древнекитайской оперной музыки, лишенной контрастности и подчеркивающей единство целого и частей композиции. Это художественное решение соответствует эстетическим принципам китайской живописи, где доминирует концепция гармоничного единства всех элементов композиции.

Выводы

Проведенное исследование позволяет заключить, что звук флейты в китайской живописи представляет собой сложный культурный феномен, функционирующий как многоуровневый медиатор между природой и человеком. Медиативная функция реализуется через космическое посредничество, материальную символику бамбука, философско-эстетическое содержание музыкальных произведений и ритуально-сакральную практику исполнения.

Научная новизна исследования заключается в выявлении системного характера медиативной функции флейты, которая объединяет физиологические, психологические, философские и космологические аспекты взаимодействия человека с природой. Установлено, что в китайской живописи звук флейты визуализирует процесс гармонизации человеческого сознания с природными ритмами и космическими принципами, выступая как универсальный код культурной идентичности и духовной практики. Впервые показано, что региональная типология флейт коррелирует с природно-климатическими условиями, что подтверждает органичную связь между инструментом и конкретной природной средой его бытования, находящую отражение в региональных особенностях живописного изображения флейтистов и природных ландшафтов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лю, Ж. Сравнение китайских и европейских флейт / Ж. Лю, Х. Ван // Культура и цивилизация. – 2023. – Т. 13, № 7-1. – С. 5-11. – DOI 10.34670/AR.2023.86.36.001. – EDN PMZOJS.

2. Мао, Н. Искусство древней китайской флейты ди как актуальный пласт культуры / Н. Мао // Университетский научный журнал. – 2020. – № 57. – С. 130-137. – DOI 10.25807/PBH.22225064.2020.57.130.137. – EDN TIQVFX.
3. Семененко, И.И. "Ода о длинной флейте" Ма Жуна: музыка как голос философии / И.И. Семененко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 104-118. – DOI 10.30853/phil20220740. – EDN CJNMEW.
4. Сяо, Ц. Китайская бамбуковая флейта: история, культурно-философский контекст / Ц. Сяо // Университетский научный журнал. – 2021. – № 62. – С. 179-185. – DOI 10.25807/22225064_2021_62_179. – EDN SCVBDM.
5. Цзи, Я. Значение и роль бамбуковой флейты в Китае / Я. Цзи // Профессиональное музыкальное искусство в контексте мировой культуры: Материалы VII Международной научно-практической конференции, Самара, 13 апреля 2021 года. – Самара: Самарский государственный институт культуры, 2021. – С. 27-29. – EDN OASRXH.
6. Цзи, Я. Китайская бамбуковая флейта: её происхождение и значение / Я. Цзи // Искусство. Педагогика. Культура: Сборник научных и научно-методических статей, Санкт-Петербург, 09–10 июня 2020 года / Санкт-Петербург. отделение об-ния педагогов фортепиано «ЭПТА»; Санкт-Петербург. центр развития духовной культуры. Том Выпуск 3. – Санкт-Петербург: КультИнформПресс, 2020. – С. 233-236. – EDN OVDTQK.
7. Цзи, Я. Китайская бамбуковая флейта: история и конструктивные особенности / Я. Цзи // Проблемы музыкальной науки. – 2021. – № 2. – С. 86-93. – DOI 10.33779/2587-6341.2021.2.086-093. – EDN GFERGC.
8. Чан, Ц. Бамбуковая флейта в Китае XX века: композиторы, исполнители, педагогика / Ц. Чан // Педагогический научный журнал. – 2024. – Т. 7, № 1. – С. 128-132. – EDN WNVLOC.
9. Чан, Ц. Особенности игры на бамбуковой флейте через призму ее исторического значения в музыкальной культуре Древнего Китая / Ц. Чан // Педагогический журнал. – 2022. – Т. 12, № 3-1. – С. 337-344. – DOI 10.34670/AR.2022.25.17.079. – EDN LGNMOZ.
10. Чан, Ц. Специфика образной сферы древнекитайских мелодий для бамбуковой флейты и современное их прочтение / Ц. Чан // Человек. Социум. Общество. – 2024. – № 4. – С. 11-16. – EDN OQHAPJ.

© Лю Сяовэй (Xiaoweiliufute@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНТЕРАКТИВНЫХ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ ИГР В МУЗЫКАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСТВА КОМПОЗИТОРОВ-ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ М.И. ГЛИНКИ

Нагорная Лариса Николаевна

Преподаватель,
ФГКПОУ «Московское военно-музыкальное училище
имени генерал-лейтенанта В.М. Халилова» МО РФ
laranagornaya@mail.ru

EDUCATIONAL POTENTIAL OF INTERACTIVE MULTIMEDIA GAMES IN MUSIC EDUCATION: STUDYING THE WORKS OF M.I. GLINKA'S PREDECESSORS

L. Nagornaya

Summary: The study explores the methodology of using interactive multimedia games in teaching the works of A.A. Alyabyev, A.E. Varlamov, A.L. Gurilyov, and A.N. Verstovsky. The author analyzes the experience of creating a gamified PowerPoint quiz, demonstrating its effectiveness in enhancing cognitive engagement.

The research methodology incorporates: biographical and comparative analysis of musical heritage, pedagogical experiments tracking engagement dynamics, and computer modeling of interactive content. Results confirm that integrating digital technologies with historical-cultural context fosters development of professional competencies, emotional intelligence, and patriotic awareness among students. The study highlights the particular importance of such activities in cultivating appreciation for national cultural heritage.

Keywords: musical culture, music pedagogy, pre-Glinka era composers, digital educational technologies, interactive technologies, gamification, patriotic education.

Аннотация: Исследование раскрывает методику применения интерактивных мультимедийных игр при изучении творчества А.А. Алябьева, А.Е. Варламова, А.Л. Гурилева и А.Н. Верстовского. Автор анализирует опыт создания викторины в PowerPoint с элементами геймификации, демонстрируя её эффективность в активизации познавательной деятельности.

Методология исследования включает: биографический и сравнительный анализ музыкального наследия, педагогический эксперимент с фиксацией динамики вовлеченности, а также компьютерное моделирование интерактивного контента. Результаты подтверждают, что синтез цифровых технологий и историко-культурного контекста способствует развитию профессиональных компетенций, эмоционального интеллекта и патриотического сознания учащихся. Подчеркивается особая роль таких занятий в формировании ценностного отношения к национальному культурному наследию.

Ключевые слова: музыкальная культура, музыкальная педагогика, композиторы доглинкинской эпохи, цифровые образовательные технологии, интерактивные технологии, геймификация, патриотическое воспитание.

Глубокое погружение в мир отечественной музыкальной культуры, включая изучение биографий композиторов, открывает перед нами не только художественную ценность их творений, но и позволяет проникнуть в суть исторических и культурных процессов, формировавших духовные ценности общества той эпохи. Музыкальное творчество, являясь зеркалом социальных, политических и культурных процессов, играет важную роль в воспитании чувства патриотизма и уважения к культуре родной страны, способствуя формированию целостного представления о ее исто-

рическом и культурном наследии. Изучение биографий композиторов-предшественников М.И. Глинки, в соответствии с требованиями ФГОС СПО (п. 5.3.3)¹, выполняет триединую задачу: во-первых, раскрывает художественную ценность их творческого наследия; во-вторых, развивает профессиональные компетенции, включая историко-стилевой анализ, интерпретацию музыкальных текстов и аналитическое мышление; в-третьих, реализует воспитательный потенциал через осознание культурно-исторического контекста, формирование эмоционально-образного восприятия и патриотическо-

¹ «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 53.02.03 Инструментальное исполнительство (по видам инструментов)»: Приказ Министерства образования и науки РФ от 27 октября 2014 г. №1390 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivo.garant.ru/#/document/70812422/paragraph/1:3> / [дата обращения: 25.06.2025].

го сознания на основе национальных традиций. Такой комплексный подход обеспечивает глубокое понимание композиторского замысла, позволяет осмыслить эмоциональную насыщенность и художественное своеобразие музыкальных произведений, а также способствует развитию профессионального музыкального вкуса.

Мультимедийные интерактивные игры способствуют активизации познавательной деятельности обучающихся, обеспечивая усвоение новых знаний через вовлечение в игровые механизмы, что стимулирует мотивацию, усиливает эмоциональную вовлечённость и способствует более эффективному закреплению учебного материала за счёт сочетания визуальных, аудиальных и кинестетических компонентов в процессе обучения.

Интерактивная игра (от лат. «inter» – взаимный и «act» – действие) представляет собой форму образовательной деятельности, основанную на принципах двустороннего взаимодействия, диалога и совместной деятельности, что предполагает не только коммуникацию между педагогом и обучающимися, но и активное межличностное взаимодействие участников между собой, способствуя тем самым смещению акцента с пассивного восприятия информации на самостоятельную познавательную активность².

Применение мультимедийных и игровых технологий на уроках музыкальной литературы зависит от дидактических целей, типа занятия (изучение новой темы, повторение, контроль усвоения знаний), структуры учебного материала, а также психолого-возрастных характеристик учащихся. Гибкость подобных методик позволяет модифицировать готовые игровые шаблоны, адаптируя их под конкретные педагогические задачи, что повышает динамику урока, усиливает интерактивность и вовлечённость.

Эффективное использование этих технологий способствует не только углублённому освоению предмета, но и развитию ключевых компетенций (общих и профессиональных)³.

2024 год был отмечен двумя юбилейными датами в истории русской культуры: 225-летней годовщиной со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, солнца русской поэзии, и 220-летьем со дня рождения Михаила

Ивановича Глинки, основоположника русской классической музыки. В.В. Стасов писал: «Во многих отношениях Глинка имеет в русской музыке такое же значение, как Пушкин в русской поэзии. Оба великие таланты, оба – родоначальники нового русского художественного творчества, оба – глубоко национальные, черпавшие свои великие силы прямо из коренных элементов своего народа, оба создали новый русский язык – один в поэзии, другой в музыке»⁴.

Композиторы-предшественники М.М. Глинки, такие, в частности, как А.А. Алябьев, А.Е. Варламов, А.Л. Гурилев и А.Н. Верстовский, заложили основы русской национальной композиторской школы. Их творчество стало важным этапом в формировании русской музыкальной культуры и подготовило почву для новой эпохи в русской музыке – эпохи М.И. Глинки⁵.

Одним из ключевых деятелей, предшествовавших М.И. Глинке, был Алексей Николаевич Верстовский (1799–1862). Его опера «Аскольдова могила» (1835 г.) считается первой русской романтической оперой, в которой нашли отражение национальные темы и образы. В ней также был использован богатый фольклорный материал. А.Н. Верстовский активно пропагандировал русскую музыку, внес значительный вклад в развитие национального русского театра и открыл музыкальные классы при дирекции московских театров. Именно благодаря его усилиям многие талантливые музыканты получили профессиональное образование и дополнили состав отечественных оркестров.

Другим выдающимся композитором-предшественником М.И. Глинки был Александр Егорович Варламов (1801–1843). Его творчество отличается глубокой лиричностью. А.Е. Варламов написал множество романсов, завоевавших огромную популярность. Стоит также отметить его «Школу пения» (1840 г.) – первое в русской литературе методическое пособие по вокальному искусству. Это издание стало важным шагом в развитии русской вокальной школы.

Вклад другого композитора – Александра Львовича Гурилева (1796–1858) – в развитие национальной музыкальной культуры также имеет огромное значение. А.Л. Гурилев не только был автором многочисленных романсов, но и ряда оперных произведений, в которых

2 Денисенко, Ю.В. Применение мультимедийных технологий в практике работы учителя музыки / Ю.В. Денисенко // Наука и образование: новое время. – 2014. – №2(2). – С. 92–96. – С. 56–63.

3 Нагорная, Л.Н. Мультимедийные технологии как инновационный компонент современного профессионального музыкального образования / Л.Н. Нагорная // Музыка. Образование. Личность: Сборник материалов Международной конференции, Якутск, 05 декабря 2024 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. – С. 143–147.

4 Стасов, В.В. Искусство девятнадцатого века: критика / В.В. Стасов. – Москва: Государственное издательство «Искусство», 1952. – С. 183.

5 Русская музыкальная литература: Учебное пособие. Вып. 1 / О. Хвоина, И. Охалова, О. Аверьянова / Под ред. Е. Царевой. – М.: Музыка, 2021. – 680 с., илл., нот.

прослеживаются национальные традиции и темы. Он был также талантливым дирижером, внесшим значительный вклад в развитие русского оперного театра.

Изучение военного опыта композиторов-предшественников М.И. Глинки также важно для воспитания чувства патриотизма и гражданственности обучающихся. Анализ биографий в контексте военных событий развивает навыки исторического мышления и понимания контекста эпохи и его влияния на музыкальную культуру.

Александр Александрович Алябьев (1787-1851) прошел славный боевой путь в Отечественной войне 1812 года, добровольно вступив в ряды защитников Родины. Он участвовал в заграничных походах и ключевых сражениях, включая взятие Дрездена под командованием Дениса Давыдова, битву под Лейпцигом, бои на Рейне и взятие Парижа. За храбрость и мужество А.А. Алябьев был награжден орденами Святой Анны и Святого Владимира, а также медалью «В память войны 1812 года». Дослужившись до подполковника, он вышел в отставку в 1823 году. Участие в защите Отечества от наполеоновских захватчиков оказало глубокое влияние на формирование патриотического мировоззрения композитора, и нашло отражение в его творчестве.

Александр Львович Гурилев (1803-1858) является автором романа «После битвы», написанного под впечатлением от Крымской войны (1853-1856 гг.) и воспевающего стойкость и героизм русских моряков. Это произведение отражает влияние военных событий на творчество композитора и его стремление выразить патриотические чувства русского народа. Символично, что во время Крымской войны первоначальная мелодия романа А.Л. Гурилева, подвергшись упрощению во флотской среде, преобразовалась к началу XX века в «народную» песню «Раскинулось море широко».

Биографический подход к изучению творчества композиторов не только способствует углубленному пониманию музыкального искусства, но и предоставляет ценный материал для анализа взаимосвязи творческого потенциала, силы духа и социальных реалий. В частности, на примере жизненного пути таких композиторов, как А.А. Алябьев и А.Л. Гурилев, мы видим, что даже перед лицом трудностей и жестоких испытаний судьбы внутренняя сила и творческая энергия человека могут помочь ему преодолеть любые препятствия. Это учит нас ценить свой талант, всегда стремиться к саморазвитию и не падать духом перед жизненными трудностями, а использовать эти испытания как источник вдохновения и стимул для достижения поставленных целей.

Александр Александрович Алябьев, потомок знатного дворянского рода, герой Отечественной войны 1812 года, отмеченный наградами и признанием публики как

автор талантливых музыкальных произведений, в 1825 году оказался ввергнут в пучину несчастий. Неправедливое обвинение в тяжком преступлении привело его к тюремному заключению, а затем и к ссылке. Однако, музыка – верный спутник А.А. Алябьева, стала для него не только утешением, но и силой, помогающей выжить в неволе. В ожидании судебного решения А.А. Алябьев создал множество разножанровых произведений, в том числе, романс «Иртыш» на стихи И.И. Веттера. Именно в этот тяжелый период жизни родилась проникновенная мелодия романса «Соловей», ставшего одним из его самых известных творений композитора. Премьера «Соловья» вызвала невероятный восторг у публики. Алексей Николаевич Верстовский, современник композитора, не смог сдержать восхищения, воскликнув, что русский талант настолько силен, что даже тюрьма не может ему помешать. Когда А.А. Алябьеву рассказали об этом восторженном высказывании, он с горечью отметил, что А.Н. Верстовского следовало бы также проинформировать о существовании пустых камер, готовых принять и других талантливых людей, которых несправедливо лишили свободы.

Трудная судьба была и у автора замечательных лирических романсов Александра Львовича Гурилева, который принадлежал к последекабристскому поколению. Его вокальная лирика отразила настроения новой для России разночинной художественной интеллигенции.

Этот выдающийся композитор, сын талантливого крепостного музыканта Льва Гурилёва, служившего у графа Орлова в подмосковной усадьбе Отрада, унаследовал от отца музыкальный дар. Детство и юность А.Л. Гурилева прошли в тяжелых условиях усадебного крепостного быта, вольную грамоту он получил только в 28 лет.

Романсы А.Л. Гурилева, проникновенные и искренние, стремительно завоевали сердца слушателей. Их исполняли не только музыканты-любители, но и цыганские хоры, способствуя распространению музыки А.Л. Гурилева по всей стране. При этом он прославился не только как композитор, но и как блестящий педагог-пианист.

Жизненный путь А.Л. Гурилева оказался очень тяжелым. Несмотря на популярность, композитор страдал от постоянной нужды, вынужден был постоянно искать возможности заработка. Сложные условия жизни сломили его душевное здоровье, приведя к смертельной болезни.

Тем не менее, музыкальное наследие А.Л. Гурилева получило широкое распространение и признание, оно нисколько не забыто и в наши дни. Его сборник «47 избранных народных песен» является замечательным памятником русской городской песни первой половины XIX века, а романсы продолжают исполняться, они не

утратили своей художественной и культурной ценности, преодолев испытание временем и все социальные преграды.

Примеры творческого взаимодействия композиторов (А.А. Алябьев и А.Н. Верстовский, К.А. Кавос и М.И. Глинка и мн. др.) интересны не только с культурно-исторической точки зрения, но и обладают большим воспитательным значением. Они наглядно демонстрируют ценность совместного труда, показывают, как обмен идеями обогащает творческий процесс, приводя к выдающимся результатам. Изучение таких примеров не только способствует развитию критического мышления, но и помогает обучающимся глубже понимать потенциальные возможности коллективного взаимодействия в искусстве.

Творчество русских композиторов XIX века демонстрирует удивительное разнообразие литературных источников, вдохновлявших их на создание вокальных шедевров. В частности, А.А. Алябьев одним из первых обратился к поэзии А.С. Пушкина в своем творчестве, создавая проникнутый светлой грустью романс «Зимняя дорога». В своем другом вокальном шедевре – «Соловей» на стихи А.А. Дельвига – композитор иносказательно использует образ соловья, традиционный для русской поэзии. С помощью разнообразных средств музыкальной выразительности А.А. Алябьев передает сложные лирические переживания главного героя.

А.Е. Варламов, обращаясь к стихам Н. Цыганова (1797–1832) в романсе «Красный сарафан», воплощает в музыке образы народного быта, простоту и задушевность народной песни. Совершенно иной мир открывается в его романсах на стихи А.С. Пушкина: лирическая миниатюра «К Мери» и проникнутый восточными мотивами романс «Не пой, красавица, при мне» демонстрируют умение композитора передавать тончайшие нюансы пушкинской поэзии. Романс А.Е. Варламова «Белеет парус одинокий» на стихи М.Ю. Лермонтова содержит романтический порыв, передает чувство одиночества и недостижимости идеала, характерные для лермонтовской лирики.

Отечественные композиторы, обращаясь к разнообразным литературным источникам, создавали уникальный мир русского романса, отражающий богатство и многообразие русской культуры. Этот синтез музыки и поэзии позволил донести до слушателей глубину и красоту русского слова, облеченного в прекрасные музыкальные формы⁶.

Знакомство с разнообразием жанров в творчестве композиторов-предшественников М.И. Глинки (романс, баллада, водевиль, мелодрама, балет, застольная песня) и форм (куплетная, строфическая) обогащает музыкальный опыт обучающихся, развивает их способность воспринимать и анализировать музыку разных стилей и эпох, способствует формированию художественного вкуса и расширению музыкального кругозора. Изучение характерных особенностей композиторского стиля и новаторских приемов (например, А.Л. Гурилев и его использование вальсового ритма в романсах) способствуют освоению важных профессиональных и общих компетенций обучающихся.

Изучение взаимосвязей отечественной и зарубежной музыкальной культуры позволяет увидеть, что западноевропейские музыкальные традиции не были бездумно скопированы, но творчески переработаны русскими композиторами, в результате чего родился уникальный национальный стиль. Ярким примером такого взаимодействия служит творчество А.А. Алябьева. Его романс «Нищая» на стихи французского поэта Пьера-Жана де Беранже (1780–1857) демонстрирует обращение к европейским литературным источникам в зеркале русского романтизма.

Интересно также отметить сходство образа героини романса А.Н. Верстовского «Цыганская песня» на стихи А.С. Пушкина с образом Кармен из одноименной оперы Жоржа Бизе. Исследователи считают, что именно поэма А.С. Пушкина «Цыганы» вдохновила французского писателя и переводчика Проспера Мериме (1803–1870) на создание новеллы «Кармен», которая, в свою очередь, является литературной первоосновой знаменитой оперы Ж. Бизе. Этот пример, как и многие другие, указывает на взаимовлияние западноевропейских оперных традиций и русской культуры. Наконец, фортепианная транскрипция романса А.А. Алябьева «Соловей», написанная великим венгерским композитором и пианистом Ф. Листом, также подтверждает тезис о международном признании русской музыки и демонстрирует опыт активного культурного обмена между Россией и Европой. Эти примеры наглядно иллюстрируют плодотворное взаимодействие культур, обогащающее как отечественную, так и мировую музыкальную традицию.

Ниже приводится пример интеллектуально-познавательной интерактивной игры-викторины (из практики работы на занятиях по музыкальной литературе в Московском военно-музыкальном училище им. генерал-лейтенанта В.М. Халилова МО РФ). Игра-викторина была создана в компьютерной программе PowerPoint

⁶ Русская музыкальная литература: Учебное пособие. Вып. 1 / О. Хвоина, И. Охалова, О. Аверьянова / Под ред. Е. Царевой. – М.: Музыка, 2021. – 680 с., илл., нот.

с использованием стандартных возможностей данного офисного приложения: управляющих кнопок для возврата к списку вопросов, гиперссылок для перехода на слайды с разбором правильных ответов, мультимедийного наполнения (аудио, видеофрагментов, иллюстраций). Особое внимание в презентации уделено системе обратной связи: система предусматривает мгновенную визуализацию правильного ответа по завершении пользовательского выбора, реализованную через триггеры анимации⁷. В целях удобства навигации после анализа каждого ответа предусмотрен автоматический возврат к общему перечню вопросов для последовательного прохождения викторины.

Форма организации обучающихся для проведения интерактивной игры, представленных в приведенном ниже плане занятия – мелкогрупповая. Вводная часть занятия включает распределение обучающихся по командам путём жеребьёвки, выбор капитанов и размещение за игровыми столами, что создаёт условия для формирования командного духа. В дальнейшем взаимодействие между участниками в рамках викторины способствует развитию компетенций коллективного принятия решений, совместного поиска оптимальных ответов, эффективного взаимодействия в конкурсной среде.

Капитаны команд поочередно в произвольном порядке выбирают категорию и номер вопроса, после обсуждения с участниками своей группы предоставляют право ответа на вопросы интерактивных мультимедийных заданий; определяют на слух фрагменты ранее изученных произведений. Остальные обучающиеся – участники команд – отмечают в раздаточных материалах количество верных и неверных ответов на вопросы, также устно отвечают на дополнительные вопросы преподавателя⁸.

Приведем некоторые примеры интерактивных тестовых заданий:

1. Категория 1 – «Биографии композиторов». Вопрос викторины 1.6. Этот композитор внес неоценимый вклад в развитие национального русского театра. Кроме того, благодаря его усилиям при дирекции московских театров были открыты музыкальные классы, где готовили музыкантов для оркестра (правильный ответ – Алексей Николаевич Верстовский (1799-1862)).

2. Категория 2 – «Романс, песня». Вопрос викторины 2.6. Укажите композитора, который собирал и обрабатывал русские народные песни и чей сборник «47 избранных народных песен» является замечательным памятником русской городской песни первой половины XIX века (правильный ответ – Александр Львович Гурилев (1803-1858)).

3. Категория 3 – «Опера, музыкальный театр». Вопрос викторины 3.1. Укажите автора и название первой русской романтической оперы (правильный ответ – Алексей Николаевич Верстовский (1799-1862). Опера «Аскольдова могила»).

4. Категория 4 – «Литература и музыка». Вопрос викторины 4.6. Укажите авторов и название романа. Какие образы в нем воплощены? (правильный ответ – А.Е. Варламов (1801-1843). Роман «Не пой, красавица, при мне». Образец любовной лирики А.С. Пушкина. Образы «русского Востока»).

5. Категория 5 – «Жанры и формы». Вопрос викторины 5.2. Укажите музыкальный жанр, вид комедии положений с куплетами, исполняемыми под музыку. Возникший во Франции, в России этот жанр появился в начале XIX века как жанр, развивающийся на основе комической оперы (правильный ответ – Водевиль).

Заключительный раздел занятия предполагает рефлексивный анализ выполненных контрольных заданий и коррекция допущенных в работе ошибок. Совместно с преподавателем обучающиеся подводят итоги интерактивной игры-викторины: анализируют количество правильных ответов, определяют команду победителя, после чего формулируют выводы, соотнося свои результаты с установленными критериями оценки, задают преподавателю вопросы по теме, делятся своими впечатлениями о проведенном занятии⁹.

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что изучение творчества композиторов-предшественников М.И. Глинки обладает значительным воспитательным потенциалом, реализация которого способствует формированию разносторонне развитой личности. Особую педагогическую эффективность демонстрирует

⁷ Майер, Р.Е. Электронное обучение и наука обучения: проверенные руководящие принципы для потребителей и дизайнеров мультимедийного обучения / Р.Е. Майер, Р.С. Кларк. – М.: Альпина Паблишер, 2012.

⁸ Нагорная, Л.Н. Мультимедийные технологии как инновационный компонент современного профессионального музыкального образования / Л.Н. Нагорная // Музыка. Образование. Личность: Сборник материалов Международной конференции, Якутск, 05 декабря 2024 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. – С. 143-147.

⁹ Нагорная, Л.Н. Мультимедийные технологии как инновационный компонент современного профессионального музыкального образования / Л.Н. Нагорная // Музыка. Образование. Личность: Сборник материалов Международной конференции, Якутск, 05 декабря 2024 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. – С. 143-147.

применение интерактивных мультимедийных игр, открывающих новые перспективы в музыкальном образовании. Данный аспект приобретает особую актуальность в контексте современной образовательной парадигмы¹⁰,

способствует формированию гражданских и нравственных качеств, всестороннему развитию личности, воспитания уважения к музыкальному наследию, вдохновляя на дальнейшее изучение отечественной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 53.02.03 Инструментальное исполнительство (по видам инструментов)»: Приказ Министерства образования и науки РФ от 27 октября 2014 г. №1390 // СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://ivo.garant.ru/#/document/70812422/paragraph/1:3> / [дата обращения: 25.06.2025].
2. Денисенко, Ю.В. Применение мультимедийных технологий в практике работы учителя музыки / Ю.В. Денисенко // Наука и образование: новое время. – 2014. – № 2(2). – С. 92-96. – С. 56-63.
3. Майер, Р.Е. Электронное обучение и наука обучения: проверенные руководящие принципы для потребителей и дизайнеров мультимедийного обучения / Р.Е. Майер, Р.С. Кларк. – М.: Альпина Паблишер, 2012.
4. Нагорная, Л.Н. Инновации и традиции: линии сопряжения и их специфика в образовательном пространстве учреждений сферы культуры и искусства современной России / Л.Н. Нагорная // Диалоги о культуре и искусстве: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). В 2-х частях, Пермь, 17–19 октября 2019 года / Отв. редактор Е.В. Баталина-Корнева. Том Часть 2. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2020. – С. 230-234.
5. Нагорная, Л.Н. Мультимедийные технологии как инновационный компонент современного профессионального музыкального образования / Л.Н. Нагорная // Музыка. Образование. Личность: Сборник материалов Международной конференции, Якутск, 05 декабря 2024 года. – Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2024. – С. 143-147.
6. Русская музыкальная литература. Учебники для музыкальных училищ. Вып. 1-2. – Л., 1983 – 1986.
7. Русская музыкальная литература: Учебное пособие. Вып. 1 / О. Хвоина, И. Охалова, О. Аверьянова / Под ред. Е. Царевой. – М.: Музыка, 2021. – 680 с., илл., нот.
8. Стасов, В.В. Искусство девятнадцатого века: критика / В.В. Стасов. – Москва: Государственное издательство «Искусство», 1952.

© Нагорная Лариса Николаевна (laranagornaya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

¹⁰ Нагорная, Л.Н. Инновации и традиции: линии сопряжения и их специфика в образовательном пространстве учреждений сферы культуры и искусства современной России / Л.Н. Нагорная // Диалоги о культуре и искусстве: Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием). В 2-х частях, Пермь, 17–19 октября 2019 года / Отв. редактор Е.В. Баталина-Корнева. Том Часть 2. – Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2020. – С. 230-234.

ВЛИЯНИЕ КИНЕМАТОГРАФА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Пинигина Ольга Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт
культуры и искусств»
shangri_la99@mail.ru

THE IMPACT OF CINEMA ON NATIONAL IDENTITY

O. Pinigina

Summary: The article examines the influence of cinema on the formation and preservation of national identity, on the example of the Republic of Sakha (Yakutia). It analyzes the role of Yakut cinema in popularizing national culture, resisting globalization, and forming a positive image of the region.

Keywords: cinematography, Yakut cinema, globalization, identity, culture.

Аннотация: В статье рассматривается влияние кинематографа на формирование и сохранение национальной идентичности, на примере Республики Саха (Якутия). Анализируется роль якутского кино в популяризации национальной культуры, противостоянию глобализации и формированию позитивного имиджа региона.

Ключевые слова: кинематограф, якутское кино, глобализация, идентичность, культура.

Республика Саха (Якутия) славится не только своими природными богатствами, но и богатой культурой, уходящей корнями в глубину веков. В последние десятилетия кинематограф стал мощным инструментом для сохранения, продвижения и переосмысления этой уникальной национальной идентичности. Якутское кино, пройдя путь от любительских съемок до признания на международных фестивалях, оказывает значительное влияние на формирование самосознания народа Саха и представления о нем в мире.

Жители Якутии впервые познакомились с кинематографом в 1911 г. Однако, из-за особенностей региона – удаленности от центра, бездорожья и больших расстояний между поселениями с малым количеством жителей – организовать регулярный прокат, за исключением города Якутска, было крайне затруднительно. Качество демонстраций было низким, а стоимость билетов очень высокой, недоступной для многих (от 25 копеек до 1 рубля – «по удешевленной цене», но новшество пользовалось большим успехом у публики) [2]. Наряду с драмами «Княжна и бандит», «Леон в любовной тоске», «Сумерки женской души» демонстрировались хроникальные, научно-популярные картины «Производство кирпича», «Античный Рим», экранизация русской классики «Живой труп», «Власть тьмы», «Бедность – не порок». Однако содержание фильмов вряд ли имело решающее значение у публики, которую завораживало, скорее, чудо самой формы кино, которое называли «тыыннаах» (в переводе с якутского – «живой», «дышащий»), «дьиннээх» (в переводе с якутского – «настоящий», «истинный») [2]. Появление кинематографа имело грандиозное значение для жителей Якутии, оно открыло окно в большой мир. Исследователи кинематографа Сибири Ю.Я. Светлаков, Е.Ю. Светлакова отмечают, что для населения, далекого

от центральных городов, кино, особенно хроникальное, стало «одним из достоверных источников информации, если учесть, что для неграмотного зрителя язык кино был более доступен, чем печатное слово» [4].

Всего за десятилетие кино совершило огромный скачок: вместе с передвижками оно завоевывает популярность коренного населения в самых отдаленных уголках республики, благодаря ему жители глухих деревень получали возможность приобщиться к мировой культуре.

Якутское кино черпает вдохновение из местных мифов и легенд, что позволяет ему сохранять уникальный региональный колорит. При этом он активно использует современные методы кинопроизводства, что делает его привлекательным для широкого круга зрителей. Традиционная культура якутов, веками передававшаяся из уст в уста, нашла новое воплощение на экране. Фильмы, основанные на фольклоре, мифах и легендах, возвращают зрителей к истокам их национальной идентичности.

Можно отметить, что все «жанры основаны на традиционных сюжетах, в том числе почерпнутыми из народного эпоса, и это дает твердую основу, опирающуюся на потребности в сохранении национальной идентификации. Возможно, в какой-то мере якутское кино как феномен исходит из олонхо, передающегося из уст в уста и рассказывающего о происхождении человечества, подвигах великих богатырей, защитивших свой народ от враждебных сил. Отсюда проистекают увлечение мистицизмом, характерная медитативность, пристальная детализация образов главных героев, вплоть до их обожествления, своего рода иконография, причем как в отношении реальных людей, так и несуществующих, обобщенных типажей. Комедийные персонажи также

всегда имели место в олонхо и национальной драме на эпизодическом плане» [3].

Здесь уместно привести пример фильма «Дьөөнөгөй Айыы» («Бог Джесегей», 2015) Сергея Потапова, собравшего главные призы нескольких международных кинофестивалей. Картина «рассказывает о сельском пареньке, приехавшем в Якутск, чтобы посетить республиканский праздник Ысыах. Тем, кто не бывал на этом празднике, сложно представить ощущение смятения, которое может настичь на нем представителя сельской глубинки. Рваный сюжет, смешение постановочных сцен с документалистикой (съемки происходили на реальном праздновании Ысыаха, и только главных персонажей исполнили профессиональные артисты), особые операторские и звукорежиссерские приемы погружают ценителя кино в особую доверительную атмосферу повествования. Не замечая подвоха, зритель следит за неторопливым развитием событий и постепенно приходит к выводу, что помпезная массовость праздника, его грандиозные масштабы давят и разрушают, человек теряется в многотысячном торжестве, люди превращаются в толпу. В этом и состоит основная угроза массовизации национальных достояний – проходя через конвейер культурных индустрий они могут утратить свой сакральный смысл» [3].

Автор приходит к трагическому заключению: «обесценивание человеческого общения, подмена радости бытия искусственной торжественностью приводят к антигуманным последствиям. Бог Джесегей в облики щуплого паренька погибает от рук хулиганов, и как показывает успех картины за пределами республики, чтобы понять метафору не обязательно знать исходные понятия культуры Саха, язык кино универсален и самодостаточен без подстрочного перевода» [3].

Между тем для местного зрителя расшифровка авторского послания наполнена множеством деталей: «главный герой является пастухом, а конь – это тотемное животное якутов, имеющее своего небесного покровителя Джесегея. Ысыах – главный национальный праздник, торжество изобилия, связанное с культом коня, сохранившимся в символической атрибутике: коновязи, праздничных кубках – чоронах, кумысе – напитке из кобыльего молока. Сунтарский район, откуда приехал герой фильма, является также родиной режиссера – это отдаленное от столицы место, где живы традиции, сохранились исконный уклад жизни, аутентичные носители народной культуры. Возлюбленная главного героя – прообраз долины Туймаада, где расположен Якутск – ждет своего любимого, когда он сможет к ней вернуться, а значит остается надежда, что добро восторжествует. Такие картины позволяют заново открыть для себя свои корни, почувствовать гордость за свою культуру и осознать ее ценность» [3].

В условиях глобализации, когда доминирующая массовая культура оказывает сильное влияние на все сферы жизни, якутский кинематограф становится своеобразным щитом, защищающим национальную идентичность от размывания. Фильмы на якутском языке, рассказывающие о жизни якутов, об их проблемах и радостях, создают альтернативное пространство, где национальные ценности и традиции остаются приоритетными.

Важно отметить, что якутское кино не замыкается в рамках этнографической экзотики. Современные режиссеры поднимают актуальные социальные проблемы, такие как экология, сохранение языка и культуры, рассматривая их через призму национального мировоззрения. Это позволяет создавать фильмы, которые одновременно интересны и понятны широкой аудитории, и при этом несут важный посыл о сохранении национальной идентичности.

Несмотря на то, что в первые годы развитие якутского кино стимулировалось с трудом — отсутствием финансирования, нехваткой технических ресурсов и опытных специалистов, — локальные энтузиасты постепенно меняли киноиндустрию, которая вскоре стала признанной не только в своем регионе, но и за его пределами.

Важным этапом развития якутского кино стало начало XXI века, когда оно начало получать поддержку со стороны региональных властей. Этот вклад и поддержка значительно улучшили качество их работ, что привлекло внимание к якутскому кино не только со стороны российских СМИ, но и международного сообщества. Начав с небольших вложений и участия в кинопроцессе небольшого количества местных энтузиастов, якутское кино постепенно завоевывало популярность на престижных кинофестивалях по всему миру.

Якутское кино, получающее признание на международных фестивалях, способствует формированию позитивного имиджа Республики Саха (Якутия) в мире. Фильмы, рассказывающие о красоте якутской природы, о мужестве и стойкости якутского народа, о его уникальной культуре, привлекают внимание зрителей со всего мира и разрушают стереотипы о «далекой и холодной» Якутии.

Однако, благодаря энтузиазму и таланту якутских кинематографистов, а также поддержке государства и общества, якутское кино продолжает развиваться и завоевывать новые вершины. В будущем можно ожидать появления новых фильмов, которые будут еще глуше и ярче раскрывать богатство и красоту якутской культуры, способствуя укреплению национальной идентичности и формированию позитивного имиджа Республики Саха (Якутия) в мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анашкин, С.Н. Чорон, осохай и каверзы абаасы // Сеанс: сайт журн. 2011. 17 нояб. URL: [https:// seance.ru/articles/yakutkino/](https://seance.ru/articles/yakutkino/) (дата обращения: 01.06.2025).
2. Клецкин, А.А. Кино в жизни якутян / А.А. Клецкин. - Якутск: «Книж.Изд-во», 1973. -80 с.
3. Левочкин, В.В. Особенности формирования культурных индустрий в национальном регионе России: на примере Республики Саха (Якутия): диссертация ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Левочкин Владислав Валерьевич; [Место защиты: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена]. - Якутск, 2018. - 233 с.
4. Светлаков, Ю.Я., Светлакова, Е.Ю. Кинохроника как историко-культурное наследие Кузбасса// Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово.2019. № 47. С.65-73.

© Пинигина Ольга Николаевна (shangri_la99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ МУЗЫКАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ В ЕВРОПЕЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТРУННЫХ КВАРТЕТАХ

У Юйчжэнь

аспирант, Новосибирская государственная
консерватория имени М.И. Глинки
381562668@qq.com

ANALYSIS OF MUSICAL STYLES IN EUROPEAN AND CHINESE STRING QUARTETS

Wu Yuzhen

Summary: The article explores the process of interaction between European and Chinese musical traditions on the example of the development of the string quartet genre. The main focus is on analyzing the features of musical styles and identifying commonalities and differences in the compositional techniques of European and Chinese string quartets. The article also examines the historical aspects of the formation of chamber music in both cultures and the process of adapting European musical forms to the Chinese cultural tradition. Research interest is also directed towards studying the features of stylistic synthesis of traditional and innovative elements in modern works. The study shows how traditional European musical forms are transformed under the influence of the original Chinese musical culture. The author analyzes the process of Chinese composers mastering Western musical techniques (counterpoint, harmony, fugue, and variation forms) and adapting them to the national characteristics of the quartet genre.

Keywords: chamber music, string quartet, musical art, intercultural dialogue, Chinese music, European music, compositional techniques, musical traditions, quartet genre, and musical style.

Аннотация: В статье исследуется процесс взаимодействия европейской и китайской музыкальных традиций на примере развития струнного квартетного жанра. Основное внимание уделяется анализу особенностей музыкальных стилей, выявлению общих черт и различий в композиторских техниках европейских и китайских струнных квартетов. В работе рассматриваются исторические аспекты формирования камерной музыки в обеих культурах, процесс адаптации европейских музыкальных форм в условиях китайской культурной традиции. Исследовательский интерес также направлен на изучение особенностей стилистического синтеза традиционных и новаторских элементов в современных произведениях. Исследование показывает, как традиционные европейские музыкальные формы трансформируются под влиянием самобытной китайской музыкальной культуры. Автор анализирует процесс освоения китайскими композиторами западных музыкальных техник (контрапункт, гармония, fuga, вариационные формы) и их адаптации к национальным особенностям квартетного жанра.

Ключевые слова: камерная музыка, струнный квартет, музыкальное искусство, межкультурный диалог, китайская музыка, европейская музыка, композиторские техники, музыкальные традиции, квартетный жанр, музыкальный стиль.

Введение

В области музыкального искусства важное место отводится исследованиям взаимодействия различных культурных традиций, в частности, в сфере камерной музыки. Струнный квартет, как один из основных жанров камерного творчества является уникальным феноменом, в котором воплощаются не только технические и художественные достижения композиторов, но и глубокие культурные процессы.

Европейская и китайская музыкальные традиции, развивавшиеся на протяжении веков обособленно друг от друга, в XX веке вступили в интенсивный диалог, в результате которого появились новые музыкальные формы и выразительные средства. Если история европейской камерной музыки уходит корнями в эпоху Средневековья и Возрождения, то китайская музыкальная культура развивается по собственным законам, создавая неповторимую систему выразительных средств и форм.

Актуальность данного исследования обусловлена

необходимостью осмысления процессов межкультурного взаимодействия в музыкальном искусстве, а также изучения особенностей адаптации европейских музыкальных форм в условиях китайской культурной традиции. Значимым признается анализ того, как традиционные европейские жанры, в частности струнный квартет, трансформируются под влиянием самобытной китайской музыкальной культуры.

Целью исследования является анализ особенностей музыкальных стилей в европейских и китайских струнных квартетах, выявление общих черт и различий в их композиторских техниках, а также определение специфики взаимодействия двух музыкальных традиций.

В статье рассматриваются некоторые аспекты развития квартетного жанра в обеих культурах, анализируется процесс адаптации европейских музыкальных форм в китайском музыкальном искусстве, исследуются особенности стилистического синтеза традиционных и новаторских элементов в современных произведениях.

Методы и материалы исследования

Методологической основой исследования послужили труды специалистов в области музыкального искусства, включая работы Ван Наня, Чжао Ц., Янь Лу и других исследователей, посвятивших свои работы изучению процессов взаимодействия европейской и китайской музыкальных культур.

Результаты и их обсуждение

История европейской камерной музыки развивалась веками, взяв начало еще в эпоху Средневековья и Возрождения. Именно в этот период небольшие группы музыкантов начали активно экспериментировать с различными инструментальными сочетаниями, осваивая новые формы музыкального самовыражения и совершенствуя искусство ансамблевой игры. Постепенно камерная музыка эволюционировала, достигнув пика своего развития в эпоху барокко, когда она превратилась в изысканный и утонченный вид искусства [10, С. 4]. Величайшие композиторы той эпохи – Иоганн Себастьян Бах, Георг Фридрих Гендель и Антонио Вивальди – создали непревзойденные шедевры камерного жанра, которые по сей день считаются эталоном музыкального мастерства и служат образцом для подражания современным композиторам. Их произведения заложили прочный фундамент для дальнейшего развития камерной музыки и определили её дальнейшее направление.

Китайская цивилизация, обладающая богатейшим культурным наследием, развивалась обособленно от остального мира, что нашло отражение и в музыкальной сфере. Музыкальное искусство формировалось здесь по уникальным законам, создавая неповторимую систему выразительных средств и форм. Ван Нань указывает, что разнообразие китайской музыкальной культуры проявлялось в различных направлениях: от изысканных дворцовых оркестров «шёлкового бамбука» до разнообразных форм традиционной оперы и музыки, сопровождавшей народные празднества [1, С. 47].

Согласно исследованиям И.-Ши.Не, система профессиональной подготовки струнных исполнителей в музыкальных вузах Китая построена на двух последовательных образовательных этапах. Первый этап представляет собой четырёхлетнее обучение в рамках бакалавриата, где студенты получают фундаментальные знания и навыки игры на инструменте. По завершении этого этапа талантливые музыканты имеют возможность продолжить образование в магистратуре, срок обучения в которой варьируется от двух до трёх лет [7, С. 194]. Подобная двухуровневая структура образовательного процесса обеспечивает максимально глубокое погружение в специфику исполнительского мастерства и позволяет выпускникам достичь высокого профессионального

уровня. Такая система подготовки способствует не только техническому совершенствованию, но и всестороннему развитию личности музыканта, что в итоге приводит к формированию высококвалифицированных специалистов в области струнного исполнительства.

Исследование, проведённое Ши Фанем и Хэ Чаном, показало, что зарождение и развитие струнных музыкальных инструментов в традиционной китайской культуре тесно переплетается с историческим периодом правления династии Мин, охватывающим XVII век [11]. Именно в это время, ставшее переломным для всего китайского музыкального искусства, произошло не только становление, но и активное развитие самобытной традиции исполнения на струнных инструментах, что оказало решающее влияние на дальнейшее формирование музыкальной культуры Китайской империи.

К серьёзным проблемам в сохранении культурного наследия привело отсутствие систематического подхода к документированию и теоретическому осмыслению музыкальных произведений вплоть до XX века. Большинство музыкальных сочинений передавалось исключительно устным путём, что привело к безвозвратной утрате значительного пласта культурного наследия. Серьёзный урон культурному достоянию Китая нанесли военные конфликты конца XIX – начала XX века, в результате которых были безвозвратно утрачены не только рукописи и партитуры, но и уникальные национальные музыкальные инструменты, представлявшие огромную историческую и культурную ценность.

Проникновение западной музыкальной теории в китайское искусство развернуло процессы развития национального музыкального наследия буквально на 360°. Наиболее значимые изменения произошли в сфере камерных музыкальных форм. Благодаря внедрению современных композиторских методов, китайские музыканты начали создавать новые произведения, опираясь на богатые традиции народного творчества. Это привело к переосмыслению возможностей камерных ансамблей и появлению инновационных подходов к инструментальной композиции.

Вань Нань уточняет, что традиционная монодическая система обогатилась элементами подголосочной и контрастной полифонии, а мелодии стали звучать в сопровождении гомофонно-гармонической фактуры. Произошло органичное слияние жанров китайской народной музыки с архитектурными принципами, разработанными в западноевропейской композиторской школе, что дало мощный импульс развитию национального музыкального искусства [1, 47].

«Струнный квартет ре мажор» – произведение, которое по праву считается одним из первых образцов

китайской камерной музыки. Его автор – Сяо Юмэй (1884–191940), один из «пионеров» профессионального музыкального образования в Китае, получивший европейское музыкальное образование. Созданный в 1915–1916 годах квартет стал важной вехой в развитии китайского музыкального искусства. В этом произведении композитор мастерски соединил западноевропейскую композиторскую технику с национальными традициями. Используя классическую европейскую форму, Сяо Юмэй совершил грандиозный творческий прорыв, сумев органично вписать иностранную музыкальную структуру в самобытную систему китайских ладоинтонационных принципов.

За полувековой период обучения китайских композиторов в ведущих музыкальных центрах Западной Европы, США и СССР было создано множество выдающихся произведений камерной музыки. Репертуар обогатился скрипичными сонатами, ансамблями для скрипки и фортепиано, струнными трио, квартетами и квинтетами. Важнейшую роль в становлении композиторского искусства Китая сыграли такие мастера, как Сиань Синхай, Тан Сяолин (особенно активный в 1940-е годы), Сан Тонг, У Цзюцян, Цюй Вэй, Чжу Цзяньэр, Хэ Чжаньхао, Ши Юнканг и Дин Шаньдэ [2]. Их творчество относится к раннему периоду развития китайской камерной музыки, которому было присуще активное заимствование зарубежных композиторских техник и методов. Несмотря на кажущуюся формальность такого подхода, именно он заложил фундаментальные основы для дальнейшего развития композиторского мастерства в стране.

Существенный поворот в развитии музыкального искусства Китая произошел в 1980-х годах, когда политическая ситуация способствовала новому витку проникновения западной музыки. Началось активное освоение форм западноевропейской камерной музыки, которое стало катализатором формирования самобытного китайского композиторского стиля, и постепенно произведения китайских авторов обретали собственную художественную индивидуальность, отклоняясь от первоначальных заимствованных образцов. В этом эволюционном процессе зародился уникальный путь синтеза двух ведущих традиций: западноевропейской архитектурной композиции и исконно китайских музыкальных жанров. Примечательно, что на начальном этапе интеграции использовались преимущественно мелодические и ладовые элементы национальной традиции, тогда как впоследствии произошло более глубокое взаимопроникновение различных музыкальных систем.

Ли Хуэй в своем исследовании уточняет, что с 1978 года в китайском музыкальном искусстве наблюдается возрождение и активное развитие скрипичного концерта как самостоятельного жанра. Этот период отмечен растущим интересом композиторов к данному направ-

лению, что определено особой ролью концертного жанра в популяризации музыкального искусства и формировании инновационных звуковых концепций в сфере инструментальной музыки, в частности, скрипичной [6, С. 9].

Программность становится базой современного скрипичного концерта, что не только способствует более глубокому восприятию музыки широкой публикой, но и открывает новые горизонты для развития инструментального творчества. Эта тенденция получила яркое воплощение в ряде новаторских произведений, получивших высокую оценку профессионального музыкального сообщества Китая. В данном контексте следует упомянуть работы современных композиторов: «Из Пекинской оперы» (1987) авторства Тань Дуня и «Туюнь» (1990) Го Вэньцзина, которые демонстрируют успешное воплощение новых художественных идей в рамках концертного жанра и подтверждают его значимый и глубокий творческий потенциал.

В основе большинства современных китайских скрипичных концертов лежат яркие образы и мотивы, почерпнутые из богатейшего пласта традиционной национальной культуры. Это находит отражение в названиях и содержании произведений, каждое из которых несёт в себе особый культурный код. Ицзюань в своем диссертационном исследовании, на которое ссылается Ли Хуэй, приводит знаковые работы «Родной город национальности Донг» (1980) Ху Хайлиня, «Дочь горы» (1982) Чжай Сяосуна, «Седая девушка» (1982) Лю Юйси. Особого внимания заслуживает концерт для скрипки и камерного оркестра «В ожидании осени» (1985) Сюй Шуя. Глубоким эмоциональным содержанием наполнены «Жертва Таншаня» (1986) Чен Цянбиня, «Лю Хулань» (1999) Ян Юнцзе [4]. Современные произведения представлены «Огненным небом» (2004) Чжао Си, «Вечной рекой» (2007) Ян Баочжи и «Чуаньцзян Вон» (2008) Сон Минчжу. Этот список совершенно не исчерпывает всё многообразие китайских скрипичных концертов, опирающихся на национальные традиции и создающих уникальный синтез классического европейского и традиционного музыкального мышления и воображения.

С. Синь в своей статье говорит, что с начала 1990-х годов в поисках уникального национального звучания китайские музыканты значительно расширили понимание ансамблевой музыки [8]. В этот период наблюдается появление новых форм инструментальных составов, выходящих за рамки традиционных классических ансамблей, в том числе нетрадиционные сочетания в квартетных ансамблях. Композиторы активно экспериментируют с тембровыми сочетаниями, создавая новые музыкальные коллективы, и в этом процессе особенно интересной становится тенденция к объединению инструментов западноевропейской и китайской национальных тради-

ций в рамках одного ансамбля, что позволяет создавать неповторимые звуковые палитры и открывает новые горизонты для развития музыкального искусства.

М. Цюаньчжи глубоко проанализировал работы китайского исследователя Шэнь Вэя и определил феномен бурного развития скрипичной музыки в современном Китае как закономерный результат масштабных творческих поисков новых музыкальных форм и выразительных средств [9, С. 416]. Мы соглашаемся, что эти процессы коренным образом изменили традиционное восприятие западноевропейских классических жанров, привнеся в них свежий поток национального колорита и новаторских решений. Наиболее красочно трансформация музыкальных форм проявилась в развитии квартетного жанра, который постепенно начал приобретать черты камерного концерта благодаря внедрению в традиционный состав солирующих инструментов. Этот инновационный подход обозначил новые перспективы для музыкального выражения и позволил появиться уникальным произведениям, органично сочетающим в себе традиции и современность. Ли Хуэй уточняет, что среди самых значимых произведений для этого направления отмечены работы современных китайских композиторов [6, С. 10]. Так, квартет № 3, ор. 32 для струнного квартета с партией бамбуковой флейты (1999) авторства Го Вэньцзина – яркий пример успешного объединения европейских традиций и традиционно китайских элементов. Не менее впечатляющим является квартет Вэнь Дэцина «Ветер и снег в ночи» (2002), где композитор искусно соединил звучание струнных инструментов с соло китайского национального инструмента пипа, благодаря чему получилась неповторимая музыкальная палитра.

Подобные эксперименты с жанровыми формами и инструментальными составами не только обогатили китайскую музыкальную культуру новыми выразительными средствами, но и привели к формированию уникального авторского стиля современных китайских композиторов, органично сочетающих в своём творчестве элементы восточной и западной музыкальных традиций.

Значимое переплетение китайской и европейской музыкальных традиций проявилось в активном освоении китайскими композиторами и исполнителями западных музыкальных техник и концепций. Согласно исследованию Янь Лу, в свои произведения они успешно включают такие приемы европейской музыкальной культуры, как контрапункт, гармонические построения и модуляции [12]. Более того, традиционные западные формы, включая фугу и вариационные циклы, были творчески переосмыслены и адаптированы к специфике китайского музыкального мышления и жанровой системы.

Процесс взаимопроникновения музыкальных куль-

тур оказал глубокое влияние на развитие китайского музыкального искусства, обогатив его новыми выразительными средствами, техническими возможностями и композиционными формами. Реакция китайской публики на эти изменения была неоднозначной. Сторонники модернизации приветствовали обновление традиционной музыкальной культуры, видя в нём возможность расширения творческих перспектив как исполнителей, так и слушателей. Они отмечали появление новых звуковых палитр, фактурных решений и новаторских подходов, привнесённых европейскими инструментами и музыкальными стилями в китайскую струнную музыку. Однако существовала и противоположная точка зрения. Ли И. приводит факты, что ряд критиков выражал серьёзную озабоченность тем, что активное заимствование европейских музыкальных традиций может привести к утрате самобытности китайского музыкального искусства и классического китайского квартета [5, С. 296]. По их мнению, приоритетным направлением должно стать сохранение и развитие традиционных форм и стилей. Некоторые представители консервативного направления даже рассматривали процесс европеизации китайской музыки как форму культурного доминирования, опасаясь, что это может привести к постепенному исчезновению уникального музыкального опыта Китая.

Мы не разделяем консервативную позицию и придерживаемся концепции межкультурного диалога и взаимного обогащения музыкальных культур и квартетного жанра. Так, Дун Ш. приводит пример, как настоящим открытием в мире классической музыки стало произведение «Баллада о реке Янцзы», где традиционный струнный квартет предстал в совершенно новом образе. Композитор Го Вэньцзин совершил революционный шаг, переосмыслив устоявшиеся представления о квартетных тембрах и создав произведение практически «с нуля». В этом произведении струнные инструменты звучат по-особенному, по-китайски, демонстрируя богатый арсенал выразительных средств: от мелизматического глиссандирования до трепетного мерцания звуков, избегающих строгой фиксации. Всё это гармонично сочетается с ладовой системой юнь-гун-дяо – стройной и колоритной структурой, придающей произведению неповторимый национальный характер [3]. Важно отметить, что в произведении отражён не просто внешний облик народной музыки, а глубинный дух древней китайской культуры. Здесь феномен программности, известный в европейской музыке, получает собственное уникальное воплощение в квартете с помощью особых средств выразительности, обладающих непревзойдённой живописной силой.

Заключение

Проведённое исследование позволяет привести

ряд важных выводов о взаимодействии европейской и китайской традиций в области струнного квартетного жанра. Анализ показал, что процесс интеграции двух музыкальных культур стал длительным, сложным и многосторонним явлением, в котором традиционные формы обогащаются новыми выразительными средствами.

Изучение истории развития камерной музыки в Китае демонстрирует, как западноевропейские музыкальные формы, в частности струнный квартет, трансформируются под влиянием самобытной китайской музыкальной культуры. Научно-практическую значимость обретает тот факт, что китайские композиторы не просто заимствуют европейские техники, но творчески переосмысливают их, создавая уникальные по своему звучанию произведения, в которых органично сосуществуют элементы обеих традиций.

Исследование выявило, что в современных китайских квартетах происходит активное освоение западных музыкальных техник: контрапункта, гармонии, фуги и вариационных форм. При этом композиторы благополучно адаптируют их к национальным особенностям, используя традиционные ладовые системы и специфические приёмы звукоизвлечения.

Обратим внимание на процесс расширения инструментального состава китайских квартетов, где тради-

ционные западные инструменты сочетаются с национальными. Это приводит к появлению неповторимых тембровых сочетаний и открывает множество новых возможностей для музыкального выражения. То есть, анализ показал, что взаимодействие двух музыкальных культур не является односторонним процессом. Китайские композиторы не только осваивают европейские техники, но и обогащают их собственными традициями, создавая неповторимый синтез, который сохраняет национальную идентичность при одновременном расширении выразительных возможностей.

Важным результатом исследования стало подтверждение того, что современные китайские квартеты представляют собой новый этап в развитии камерной музыки, где свойственные Китаю программность и иллюстративность сочетаются с традиционными европейскими формами, создавая особый художественный язык.

Таким образом, исследование подтверждает, что процесс взаимодействия европейской и китайской музыкальных традиций в области квартетного жанра приводит к появлению самобытного художественного явления, которое сохраняет национальные корни при одновременном обогащении новыми выразительными средствами. Это открывает широкие перспективы для дальнейшего развития стилей камерной музыки в условиях межкультурного диалога и взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван Н. Западноевропейское и национальное в струнной музыке Китая: пути взаимовлияния // Культура и искусство. 2024. №8. С. 46-51.
2. Ван Н. Особенности развития скрипичного искусства и образования в Китае XX века // Университетский научный журнал. 2022. № 69. С. 133-139.
3. Дун Ш. Особенности стиля камерно-инструментальных сочинений Го Вэньцзина «Музыка «Ба» для виолончели и фортепиано» и струнного квартета «Баллада о реке Янцзы» // Научные высказывания. 2023. №18. С. 12-17.
4. Ицзюань Х. Становление и развитие музыкального образования в Китае: автореф. дис. ... канд. иск. Минск, 2010. 23 с.
5. Ли И. Обоснование хронологии китайской симфонической музыки // Манускрипт. 2019. №11. С. 269.
6. Ли Хуэй Анализ жанрово-стилистических особенностей китайской национальной скрипичной школы // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 8А. С. 5-13. DOI: 10.34670/AR.2023.42.79.001.
7. Не И.-Ши Особенности китайской скрипичной школы // Гуманитарное пространство. 2021. №2. С. 193-198.
8. Синь С. Основные тенденции в развитии жанра скрипичного концерта в творчестве китайских композиторов 1940-1980-х годов // Манускрипт: Грамота. 2021. Том 14. Вып. 12. С. 2797-2802.
9. Цюаньчжи М. Влияние международных контактов на становление скрипичной культуры в Китае // Музыка в диалоге культур и цивилизаций. Нижний Новгород, 2016. Т. 1. С. 413-419.
10. Чжао Ц. Сравнение эстетики камерной музыки Китая и Запада. // Philharmonica. International Music Journal 2021. № 6. С. 1-8.
11. Ши Ф. Этапы и специфика обучения игре на скрипке в кружках при начальных и средних школах в Китае / Ши Фань, Хэ Чан // Педагогическое образование в России. 2024. № 3. С. 212-220.
12. Янь Лу Влияние европейского камерного музыкального искусства на китайскую камерную музыку // Вестник науки. 2023. №6. С. 1111- 1117.

© У Юйчжэнь (381562668@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЯТИЕ ФИНАНСОВЫХ РЕШЕНИЙ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Архимандритова Юлиана Андреевна

Независимый исследователь

arkh.work@yandex.ru

FINANCIAL DECISION-MAKING AS A MANIFESTATION OF THE PSYCHOLOGY OF PERSONAL ECONOMIC BEHAVIOR

Ju. Archimandritova

Summary: This article attempts to theoretically model financial decision-making as a manifestation of the psychology of individual economic behavior based on a generalization of the achievements of modern domestic and foreign scientific literature devoted to the study of this issue from the standpoint of economic psychology and behavioral economics. The article presents key approaches to financial decision-making, analyzes the internal and external determinants of such decisions, describes personality profiles and systematizes types of financial behavior, and identifies key factors influencing financial decision-making in the context of modern social change. The key results of the article are the developed model of financial decision-making "Subject-motivation-alternatives-cognition-choice-consequence" and the visualized classification of factors influencing such decisions.

Keywords: personality psychology, economic behavior, financial behavior, financial decisions, decision-making.

Аннотация: В данной статье предпринята попытка теоретического моделирования принятия финансовых решений как проявления психологии экономического поведения личности на основе обобщения достижений современной отечественной и зарубежной научной литературы, посвящённой изучению данного вопроса с позиций экономической психологии и поведенческой экономики. В статье представлены ключевые подходы к принятию финансовых решений, проведён анализ внутренних и внешних детерминант таких решений, описаны личностные профили и систематизированы типы финансового поведения, а также установлены ключевые факторы, влияющие на принятие финансовых решений в контексте современных общественных изменений. Ключевыми результатами статьи являются разработанная модель принятия финансовых решений «Субъект–мотивация–альтернативы–когниция–выбор–последствие» и визуализированная классификация влияющих на такие решения факторов.

Ключевые слова: психология личности, экономическое поведение, финансовое поведение, финансовые решения, принятие решений.

Введение

В настоящее время принятие финансовых решений (далее — ПФР) становится всё более сложной темой [13], лежащей в плоскости междисциплинарных научных исследований, включая пересечение поведенческой экономики (англ. behavioral economics), микроэкономики личности (У.С. Джевонс, Л. Вальрас, К. Менгер) и управления личными финансами (англ. PFMB — personal financial management behavior). Являясь значимым и интересным событием в развитии экономической науки, теоретическое, а затем и экспериментальное проникновение психологии в настоящее время позволяет в целом говорить об экономической психологии и психологии экономического поведения личности. Начавшись с трудов Г. Тарда, Г. Мюнстберга и Дж. Катоны в начале и середине XX века и продолжившись открытием одноимённого журнала в конце XX века (англ. Journal of Economic Psychology), современная экономическая психология отражает широкий спектр проблем и, вместе с тем, является довольно раздробленной наукой [4]. При этом на ПФР как один из прикладных вопросов психологии экономического (финансового) поведения влияет

множество факторов (социально-психологические, социально-экономические, социально-культурные, социально-демографические, социально-технологические, а также личный финансовый опыт, финансовая грамотность и мн. др. [11]), что увеличивает неопределённость и вариативность научного объяснения финансового поведения, которые также усиливаются под влиянием современных экономических кризисов на психологическое благополучие личности [6].

Актуальность работы

Данное исследование направлено на разработку авторской модели ПФР как проявления психологии экономического поведения личности с учётом современных тенденций поведенческой экономики для того, чтобы облегчить понимание детерминант и социально-психологических механизмов финансовых решений, принимаемых современными потребителями в контексте общественных изменений, включая экономические кризисы. Данная работа также отражает и обобщает достижения современной отечественной и зарубежной научной литературы в области изучения и анализа ПФР, представленные в высокоуровневых научных журналах.

Материалы и методы

Настоящее исследование носит теоретико-разведывательный характер. В качестве основных методов исследования использованы анализ научной литературы, обобщение, сравнение, дедукция. Для создания авторских моделей используются релевантные труды отечественных учёных, опубликованные в ядре РИНЦ, а также труды зарубежных авторов, опубликованные в ведущих научных журналах.

Результаты и их обсуждение

Проблематика финансовых решений занимает устойчивое место в рамках психологии экономического поведения и выступает в качестве содержательной части её предметного поля. В отличие от классического понимания экономического поведения как рационального действия в условиях дефицита ресурсов, психологический подход фиксирует значимость мотивационных, установочных, волевых и когнитивных компонентов в рамках ПФР, что было последовательно обосновано в рамках поведенческой экономики [2]. Финансовое решение в данном контексте трактуется как индивидуальный выбор, направленный на управление ресурсами, который осуществляется на основе субъективной оценки возможных альтернатив [10], последствий и ограничений [12]. Следует подчеркнуть, что центральным понятием здесь выступает именно решение, а не действие [13] — внимание сосредоточено не на внешне наблюдаемом поведении, а на процессе внутреннего выбора, детерминированного сложной системой психологических факторов [8].

В рамках современной научной традиции ПФР рассматривается как проявление более широкой категории экономического поведения личности, что позволяет соотносить его с теоретико-методологическими основаниями социальной психологии. Передовыми являются исследования, посвящённые внутренним причинам ПФР, включая установки, цели, личностные диспозиции и типичные искажения восприятия, влияющие на оценку вероятностей и рисков [7], [11]. В этом смысле формируется понимание финансового решения как акта, опосредованного когнитивной переработкой информации, ситуативной значимостью последствий и динамикой самооценки. В поведенческой экономике интерпретация существенно расширена за счёт интеграции экспериментальных данных и построения моделей субъективной рациональности, в рамках которых финансовое поведение перестаёт рассматриваться как функция исключительно экономических стимулов [6]. На основании релевантной научной литературы можно выделить основные направления исследований в области ПФР (табл. 1).

Анализ литературы также позволяет выделить основные подходы к анализу ПФР в психологии экономического поведения личности (табл. 2). Из таблицы видно, что понимание ПФР в рамках психологии экономического поведения личности опирается на многоплановое концептуальное поле, и каждый из подходов раскрывает уникальные механизмы ПФР.

В поведенческом подходе исследуется отступление от логических норм выбора под влиянием контекстуальных условий. Когнитивный подход сосредоточен на внутренней структуре оценки и переработки информации, отражающей субъективную интерпретацию вероятностей. Мотивационный подход связывает ПФР с иерархией целей и направленностью внутриличностного развития. Личностно-типологическая интерпретация выводит ПФР из устойчивых поведенческих стратегий, закреплённых индивидуальным опытом. Социокультурный подход обращает внимание на нормативное давление среды, а онтогенетический подход выявляет возрастные трансформации целей и ограничений при ПФР. Институционально-психологический подход задаёт рамки допустимого поведения через правила и систему санкций, а рационально-нормативный — задаёт эталонный вектор ПФР при заданной определённости условий.

Понимание различий между этими подходами обостряет вопрос о конкретных детерминантах, за счёт которых формируется и стабилизируется поведенческий паттерн ПФР. Так, внутренние детерминанты соотносятся с устойчивыми личностными конструктами, когнитивными схемами и доминирующими установками, способными направлять выбор в условиях неопределённости. Как отмечают В.П. Иваницкий и С.А. Александров, экономическое поведение формируется на основе усвоенных представлений об условиях рационального поведения и ожидаемых последствиях, когда установка выступает формой латентной оценки значимости возможных альтернатив [2]. Для контекста повседневных решений существенным оказывается и уровень самоконтроля, отражающий способность субъекта корректировать финансовое поведение в пользу отложенной выгоды, что подтверждено в научных исследованиях, обращающих внимание на различие между мотивацией избегания финансовых потерь и стремлением к достижению благополучия [12] [14]. На макроуровне значимыми оказываются нормативные паттерны внешней среды, включая культурные образцы и институциональные ограничения, которые задают ожидаемые модели поведения [3] и формируют рамки допустимого выбора [11].

Таким образом, внутренние детерминанты ПФР интегрируются в более широкий контекст правил социального (финансового) поведения и информационного давления, что предопределяет реальный характер ПФР.

Таблица 1.

Основные направления исследований в области ПФР в психологии экономического поведения личности.

Направление исследования	Содержание
Психология выбора и предпочтений	Исследование механизмов оценки альтернатив, субъективной полезности и последствий выбора
Влияние установок и целей на ПФР и финансовое поведение	Анализ роли устойчивых установок, внутренних стимулов, целей и мотивационных конфликтов
Ограниченная рациональность и типовые нарушения	Выявление систематических ошибок мышления при оценке риска, доходности, будущего
Психология саморегуляции и самоконтроля	Изучение влияния силы воли, отсроченного удовлетворения и планирования на финансовые решения
Личностные детерминанты ПФР и финансового поведения	Влияние индивидуальных различий (импульсивности, тревожности, склонности к риску и рациональности и др.)
Типология и профили финансового поведения	Выделение поведенческих паттернов (например, избегающий, рациональный, потребительский и др.)
Психология семейных и ролевых сценариев в ПФР	Исследование распределения ролей, гендерных и статусных различий в управлении личными финансами
Психология предпринимательской деятельности и финансового риска	Изучение ПФР как функции инициативности, ориентации на прибыль и готовности к неопределённости
Влияние социокультурных норм и институциональной среды на ПФР	Роль воспитания, культуры, медиасреды, этнических различий и институционального окружения
Динамика финансового поведения в жизненном цикле личности	Изучение изменения финансовых решений в динамике периодов жизни (семья, карьера, пенсия)

Источник: составлено автором на основе [2-5], [8-13], [15]

Таблица 2.

Ключевые подходы к анализу ПФР в психологии экономического поведения личности.

Название подхода	Основная идея	Методологическая основа
Поведенческий подход	ПФР как поведение, отклоняющееся от нормативно-рационального	Экспериментальные данные, концепции ограниченной рациональности
Когнитивный подход	ПФР как результат переработки информации, субъективной оценки рисков	Модели восприятия, памяти, оценки вероятностей и последствий
Мотивационный подход	ПФР как реализация целей, потребностей и установок личности	Теории мотивации, целеполагания, ожиданий и усиления
Личностно-типологический подход	ПФР как функция устойчивых личностных характеристик	Дифференциально-психологические модели, профили индивидуальных различий
Социокультурный подход	ПФР как результат влияния среды, норм, культуры, семейного опыта	Теории социализации, норм поведения, культурных сценариев
Циклично-жизненный (онтогенетический) подход	ПФР как динамическое поведение, изменяющееся на разных этапах жизни	Модели жизненного цикла, возрастной периодизации и ролевых ожиданий
Институционально-психологический подход	ПФР как отклик на институциональные правила, нормативную среду	Психология регуляции, финансовое воспитание, нормативные ожидания
Рационально-нормативный подход	ПФР как результат логически последовательного выбора при известных условиях	Теории рационального выбора, полезности, ожиданий

Источник: составлено автором на основе [1-2], [6], [8], [10-13].

Следовательно, для обоснования структуры ПФР требуется переход от анализа отдельных когнитивных и мотивационных факторов к целостной модели, отражающей последовательность психических актов, направленных

на оценку и выбор экономически значимого действия. Такая модель предложена ниже (рис. 1).

Авторская модель концептуализирует ПФР как процесс, возникающий на пересечении индивидуального

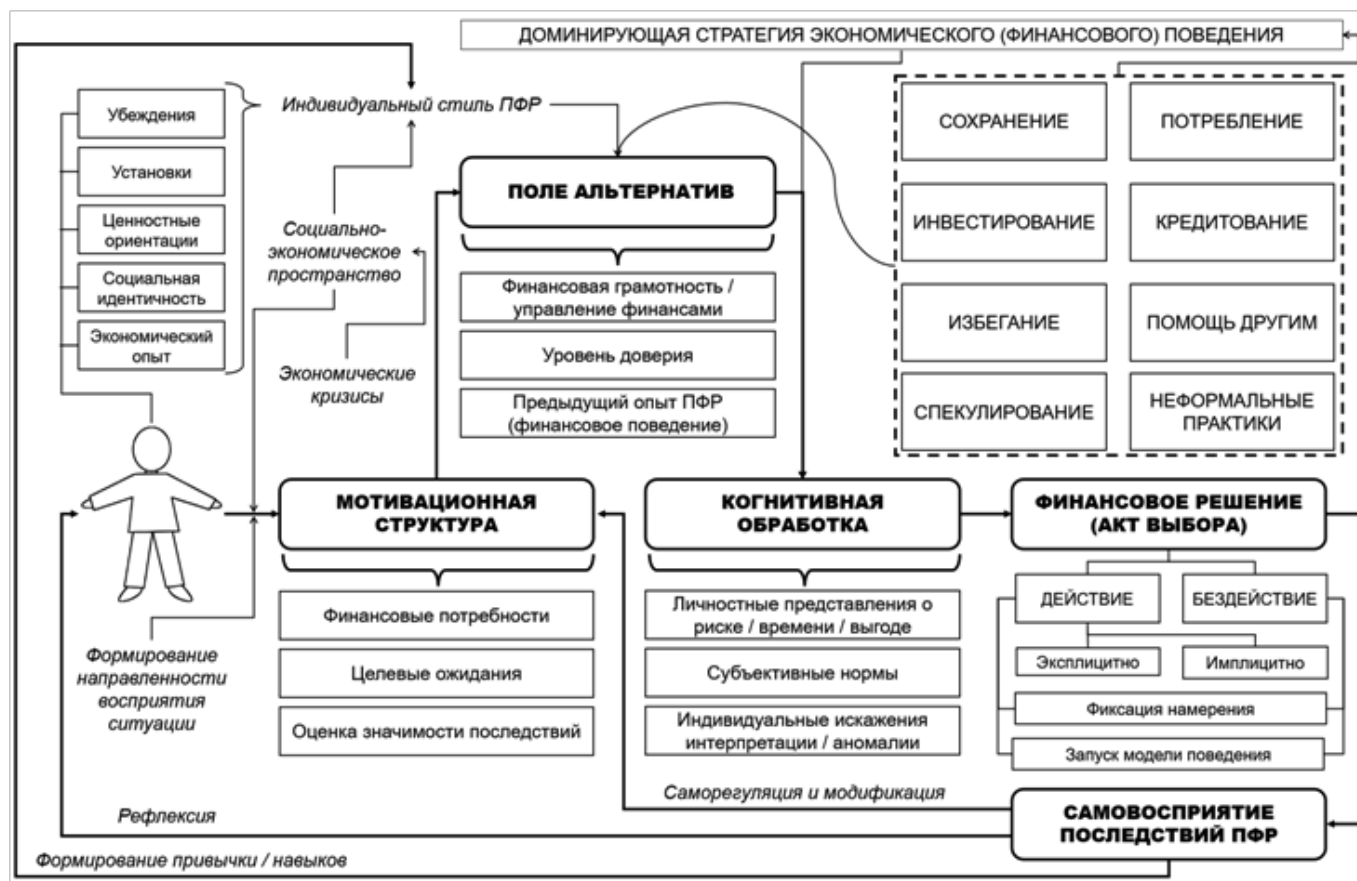

Рис. 1. Авторская модель ПФР в психологии экономического поведения личности
«Субъект–мотивация–альтернативы–когниция–выбор–последствие»
Источник: авторская разработка

Таблица 3.

Типы финансового поведения личности в рамках ПФР.

Тип поведения	Характеристика поведения
Рационально-осознанный	Последовательная обработка информации и соотнесение последствий и рисков
Импульсивно-потребительский	Стремление к немедленному удовлетворению и нарушение саморегуляции
Тревожно-избегающий	Избегание ПФР под давлением неопределённости
Конформно-нормативный	Подчинение внешним установкам, ожиданиям, культурным и семейным нормам
Демонстративно-символический	Ориентация на социальный имидж и символическое потребление
Латентно-избегающий	Вытеснение ПФР и снижение вовлечённости
Ситуативно-адаптивный	Зависимость от контекста и внешнего давления
Автоматически-рутинный	Использование привычных схем, отсутствие осознания и устойчивость поведенческой модели

Источник: составлено автором на основе [1-2], [6], [8], [10-13].

опыта, устойчивых установок и ценностей, специфики восприятия альтернатив, а также когнитивной обработки условий ситуации. Исходным элементом выступает субъект, обладающий системой убеждений, ценностных ориентаций и личным экономическим опытом, что формирует направленность восприятия. На этой основе активизируются мотивационные структуры, задающие

рамки ожиданий и оценки значимости последствий. При этом поле доступных альтернатив определяется как объективными экономическими условиями, так и уровнем доверия, финансовой грамотностью и предыдущим опытом предыдущих решений. Когнитивная обработка выражается в субъективной интерпретации рисков, норм и выгод, влияющей на намерение и выбор действия (или

Рис. 2. Ключевые факторы, влияющие на ПФР в психологии экономического поведения личности

бездействия). Завершающим этапом в модели является самовосприятие последствий, в дальнейшем участвующее в закреплении стиля ПФР и рефлексивно возвращающееся в структуру мышления субъекта. Модель объясняет, как в динамике социально-экономического давления формируется доминирующая стратегия финансового поведения личности.

Тем не менее, психологические механизмы, структурирующие внутреннее пространство выбора, проявляются неравномерно в зависимости от доминирующих личностных черт. Так, параметры индивидуальной предрасположенности к определённым стратегиям ПФР формируют устойчивые личностные профили, оказывающие воздействие на восприятие альтернатив и оценку последствий. Как отмечено в эмпирических исследованиях, на степень ПФР в условиях неопределённости непосредственно влияет склонность к риску, задающая порог допустимых потерь и ожидаемой выгоды [13]. Импульсивность в свою очередь отражается в снижении когнитивного контроля, что приводит к повышенной вероятности иррационального распределения ресурсов [12]. Тревожность задаёт искажения в интерпретации временного горизонта и усиливает субъективную зна-

чимость негативных последствий [14], тогда как рациональность связана с повышенной чувствительностью к логике целей и нормативным ожиданиям [6]. Формирование доминирующего профиля происходит на основе взаимодействия когнитивных, эмоциональных и социальных факторов, что фиксирует траекторию предпочтений вне зависимости от формального экономического расчёта [15]. Разнообразие типов финансового поведения отражает специфику внутренней регуляции и устойчивых стратегий ориентации в ситуации выбора. В целом, можно обобщить типы финансового поведения в рамках ПФР (табл. 3).

Рационально-осознанный тип поведения основывается на оценке последствий и опоре на когнитивные представления о целесообразности. Импульсивно-потребительские действия возникают в условиях снижения произвольного контроля и доминирования эмоционального импульса. Тревожно-избегающий тип характеризуется склонностью субъекта уходить от неопределённых или потенциально стрессогенных решений. В логике конформно-нормативного типа наблюдается ориентация на внешние ожидания и усвоенные образцы поведения. Финансовое поведение с выра-

женным демонстративно-символическим типом формируется под влиянием потребности в статусной самоидентификации. Латентно-избегающий тип выражается в уменьшении вовлечённости и снижении значимости финансовых решений. Наконец, ситуативно-адаптивный тип определяется ситуативной конфигурацией, а автоматически-рутинное поведение предполагает устойчивые поведенческие паттерны ПФР.

В завершении также необходимо обозначить что на ПФР в психологии экономического поведения личности могут влиять не только внутренние факторы, но и внешние (рис. 2).

Визуализированная модель показывает, каким образом социальная макросреда воздействует на ПФР. Конфигурация включает в себя три взаимосвязанных блока — семья и ближайшее окружение, цифровизация экономики, а также индивидуальный опыт и интериоризация норм — каждый из которых отражает конкретный механизм трансляции норм, образов, ожиданий и сценариев поведения. Источником этих блоков выступает социальная макросреда, внутри которой взаимодействуют нормативные предписания, культурные образы, государство как институт власти и права, цифровая среда, СМИ и медиаинформация, а также оценочные дискурсы. Указанные элементы обеспечивают формирование референтных практик, нормативных установок, когнитивных ориентиров и поведенческих реакций, которые впоследствии интернализуются и становятся

частью субъектной когнитивной обработки в процессе ПФР. Данная логика обуславливает включение авторской схемы в общую концептуальную логику модели «субъект–мотивация–альтернативы–когниция–выбор–последствие» как внешнего слоя, обеспечивающего нормативно-ценностную заданность внутренних процессов ПФР.

Заключение

Проведённое исследование позволяет системно осмыслить ПФР в логике психологии экономического поведения личности, включая как внутреннюю структуру субъективного выбора, так и воздействие внешней среды на когнитивные и мотивационные процессы. Теоретическое обоснование авторской модели «субъект–мотивация–альтернативы–когниция–выбор–последствие» позволило зафиксировать последовательность психологических актов, в рамках которых формируется тот или иной поведенческий паттерн, а также определить типологию финансового поведения на основе доминирующих личностных характеристик. Концептуальная взаимосвязь между личностными профилями, установками, механизмами регулирования поведения и социальными условиями расширяет интерпретацию ПФР за пределы нормативной рациональности и подчёркивает значимость культурных, институциональных и медийных источников в формировании устойчивых стратегий финансового поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Белехова Г.В. Регулирование финансового поведения населения современной России: формирование нормативной среды и воспитание человека // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2020. — Т. 13. — № 3. — С. 111-128.
- Иваницкий В.П., Александров С.А. Формирование поведенческих финансов как закономерный этап эволюции модели человека в экономике // Экономика региона. — 2017. — Т. 13. — № 3. — С. 658-671.
- Макар С.В., Ярашева А.В., Марков Д.И. Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 3. — С. 157-168.
- Мандель, Б.Р. Экономическая психология: учебное пособие / Б.Р. Мандель. — 2-е изд., стер. — Москва: ФЛИНТА, 2020. — 293 с.
- Масленников В.В., Ларионов А.В., Гагарина М.А. Факторы формирования типов финансового поведения экономических субъектов // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 2. — С. 88-103.
- Нестик Т.А. Психологические механизмы экономического оптимизма в условиях кризиса // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 1 (202). — С. 23-34.
- Никишина Е.Н., Иванов В.В., Маркова О.А. Поведенческие аномалии экономических решений и возможности их преодоления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 3 (181). — С. 15-41.
- Управителей А.А. Неоклассические корни поведенческой экономики // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2023. — № 1 (58). — С. 110-141.
- Gnevanov M. et al. Psychological foundations of decision-making in the field of financial activity // Linguistics and Culture Review. — 2021. — Vol. 5. — No. 1. — P. 376-383.
- Goyal K. et al. The psychological antecedents of personal financial management behavior: a meta-analysis // International Journal of Bank Marketing. — 2022. — Vol. 40. — No. 7. — P. 1413-1451.
- Goyal K., Kumar S., Xiao J. J. Antecedents and consequences of Personal Financial Management Behavior: a systematic literature review and future research agenda // International journal of bank marketing. — 2021. — Vol. 39. — No. 7. — P. 1166-1207.
- Greenberg A.E., Hershfield H.E. Financial decision making // Consumer Psychology Review. — 2019. — Vol. 2. — No. 1. — P. 17-29.

13. Hilary G., McLean D. Financial decision making: an overview // Handbook of Financial Decision Making. — 2023. — P. 2-14.
14. She L. et al. Psychological beliefs and financial well-being among working adults: the mediating role of financial behaviour // International Journal of Social Economics. — 2022. — Vol. 49. — No. 2. — P. 190-209.
15. Shi W., Ali M., Leong C. M. Dynamics of personal financial management: a bibliometric and systematic review on financial literacy, financial capability and financial behavior // International Journal of Bank Marketing. — 2024. — Vol. 43. — No. 1. — P. 125-165.

© Архимандритова Юлиана Андреевна (arkh.work@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕСТО ПСИХОБИОГРАФИИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Иванов Михаил Васильевич

доктор филологических наук, Петербургский
государственный университет путей сообщения

Императора Александра I

mvifp@mail.ru

THE PLACE OF PSYCHOBIOGRAPHY
IN THE SYSTEM OF MODERN SCIENCE

M. Ivanov

Summary: The article examines the scientific status of psychobiography based on the synthesis of natural and humanitarian approaches for a methodologically complete analysis of personality within the framework of psychological knowledge. The comparison mechanism ensures the identification of results independently obtained in psychology (experimental and theoretical) and the humanities, allowing to create a three-dimensional image of personality in a time perspective - in psychobiography. The stages of scientific research of biographies by outstanding psychologists who created the categorical fund of psychobiography are described, and the concepts of humanists from the field of philology, linguistics, cultural studies associated with understanding the inner world of man are involved. Such a union of sciences creates great opportunities for achieving a common goal, disposing to the improvement of each of them. Psychology of personality, entering the humanitarian zone, brings greater accuracy to it, and the humanities allow to more fully saturate the biographical analysis with meaning.

Keywords: psychobiography, personality, creativity, meaning, independent verification, self-actualization.

Аннотация: В статье рассматривается научный статус психобиографии на основе синтеза естественных и гуманитарных подходов для методологически полноценного анализа личности в рамках психологического знания. Механизм сличения обеспечивает отождествление результатов, независимо полученных в психологии (экспериментальной и теоретической) и гуманитарных науках, позволяя создать объемный образ личности во временной перспективе – в психобиографии. Описаны этапы научного исследования биографий выдающимися психологами, которые создали категориальный фонд психобиографии, и привлечены концепции гуманистов из области филологии, лингвистики, культурологии, связанные с пониманием внутреннего мира человека. Такой союз наук создает большие возможности для достижения общей цели, располагая к совершенствованию каждой из них. Психология личности, входя в гуманитарную зону, приносит в нее большую точность, а гуманитарные науки позволяют полнее насытить смыслом биографической анализ.

Ключевые слова: психобиография, личность, творчество, смысл, независимая проверка, самоактуализация.

Введение

Появление такой научной дисциплины, как психобиография, отражает рост практического и теоретического интереса к статусу личности в контексте масштабных социальных и культурных процессов в мире. В области человекознания явно возрастает роль психологии, ибо она продемонстрировала успехи научно обоснованного подхода большей точности в исследовании внутреннего мира людей на основе естественнонаучного подхода. Но выделение смысловых структур сознания и поведения неизбежно требует учета опыта гуманитарных наук. И в настоящее время необходима их диалогическая связь с психологией для объемного исследования личности на базе формирующейся в рамках исторической психологии психобиографии.

Биография как форма письменного документа появилась в начале нашей эры («Сравнительные» жизнеописания Плутарха, «Жизнь двенадцати цезарей Светония, «О философах» Диогена Лаэртского). Затем последовали новые своды биографий и мемуары, а в наше время даже стали выходить серии аналитических книг (скажем, «Жизнь замечательных людей»). Весь этот корпус материалов представляет исключительный интерес, несет

поучительную информацию, но воспринимается скорее как беллетристический, исторический или публицистический. И хотя речь идет о событийной и душевной канве человеческого бытия, психологи до сих пор меньше всего участвуют в создании таких произведений.

Дело в том, что психология зарождалась как естественная наука (с опорой на физику, биологию, медицину), а биография нуждается в гуманитарном осмыслении (создании целостной, синтетической, «образной» картины – в противовес аналитическому, экспериментальному методу естественных наук). И подготовка специалистов была направлена на овладение практическими методиками с опорой на бихевиористскую традицию проведения эксперимента. Потребность же в специалистах по «объемному», всестороннему изучению личности все возрастала.

Главная причина повышения практического интереса к проблемам формирования и развития личности заключается в том, что увеличилась роль личности в ее влиянии на социальную и культурную ситуацию в широком масштабе. В связи с необходимостью открытия новых идей и разработкой новых практик требуется много творчески ориентированных личностей. Деструктивное

влияние личности вызывается ее примитивизацией, удобной для получения массового конформного исполнителя команд, но опасной тем, что «человекоробот» способен употребить не доступные ему ранее колоссальные разрушительные средства. Межнациональные и межгосударственные конфликты проходят с ориентацией сторон на события своего прошлого, имевшего своих героев и антигероев. Поэтому образы исторических личностей в угоду сиюминутным политическим интересам часто обрастают мифологическими оборотами, как бы серьезные историки ни пытались охладить пыл и внести ноту объективности в воссоздание картины прошлого. И психологи могут внести немалую лепту в установление более достоверного образа исторического персонажа методами психобиографического анализа, а тем самым и помочь в создании более адекватной картины прошлого.

Кризисное состояние истории и психологии вызвано осознанием сложности и многофакторности сил, влияющих на результат событий в жизни и групп и отдельной личности. Серьезный методологический подход позволяет увеличивать достоверность научного исследования через расширение согласованности построений разных дисциплин, добывающих результаты независимым способом. Рост согласованности на основе установления тождественности позиций одной научной отрасли с позициями «научных соседей» подтверждает объективность и перспективность выводов каждого участника совместного поиска истины. При этом некоторая аморфность их теоретического подхода будет снижаться, открывая путь к более строгим теоретическим построениям. Отдаленным образом, позволяющим понять сказанное, будет пример создания фундамента здания. Так, Исаакиевский собор стоит на болоте – полужидком, рыхлом природном основании. Но в болото вогнаны заостренные деревянные сваи, которые разделяются небольшими промежутками. Сваи так сильно сдавливают топкий грунт, что превращают его в крепчайший состав, который с той же силой давит и на сваи, которые не гниют. А в результате создается стойкое, прочное основание, на котором неколебимо стоит здание огромной тяжести.

Полноценная психобиография возможна только при учете фактов и теорий, которыми располагают психология, история, искусствоведение, культурология, этнография, религиоведение, входящие в область гуманитарных наук, которые в первую очередь обращены к человеку. А значит, признают его носителем сознания, способным на основе свободы воли осуществлять осознанный выбор. Такие факторы, как контекст, персональный опыт и, самое главное, – самосознание, обеспечивают его суверенность. И при этом психология, также входя и в гуманитарную зону, приносит в нее большую точность, ибо способна проводить эксперимент. Эксперимент же формировался в естественных науках, где главной ценностью считалась

реализация принципа жесткого детерминизма: естественные науки стремились к предельной точности (в терминологии, формулировании законов, желательному математическому подкреплению выводов).

В результате научная психология, вышедшая из лона физики, медицины, биологии, физиологии, оказалась между двух огней. «Двусмысленность гуманитарного статуса оттеняется трудностями с «ближайшими родственниками»... Гуманитарий обретает «экологическую нишу», хотя и продолжает находиться в тисках двойного стандарта» [22, С.46]. И желание избежать такой двойственности толкает ученых отодвигать в тень одну из сторон познания. Организационный основатель психологии как признанной научной дисциплины Вильгельм Вундт отмечал, что историки «не хотят ничего знать о психологии, представляющейся им в виде особой формы исторических построений... При нужде они сочиняют себе свою собственную психологию» [5, С. 1-3].

Проследить становление психобиографии как научной дисциплины можно, лишь начиная с эпохи, когда стали фиксироваться и анализироваться данные силами специалистов в области психологии (наиболее полный обзор дан в работах [7, 10, 14]). Первоначально это были медики конца XIX – начала XX века, которые фиксировали анамнез психически больных людей. История болезни и стала тем профессионально запротоколированным документом, который реально стал кратким конспектом биографии человека, сжатым до хода душевного заболевания. Так как была активизирована для исторической психологии категория времени, то открылась возможность сделать анализ исторических личностей прошлых эпох с использованием патопсихологических моделей и описания акцентуаций характера. Материалы историков соединились с опытом врачей-психиатров. В России портреты знаменитых государственных деятелей и писателей создали представили медицины: ученик Вундта, Бернгейма и Шарко В.Ф. Чиж П.И. [20] и основатель первого в нашей стране журнала по психиатрии П.И. Ковалевский [11]. Крупные теоретики представили свое понимание исторической личности на основе своих концепций. З. Фрейд (создатель психоанализа) написал психобиографии Леонардо да Винчи и Вудро Вильсона [16, 17]; Э Кречмер (автор теории, установившей связь строения тела и характера) – портреты «гениальных личностей» [12]; Э. Фромм в рамках концепции деструктивного и конструктивного типов личности описал характеры нацистских вождей [18]; предложивший типологию акцентуаций А.И. Личко опубликовал книгу «История глазами психиатра. Иван Грозный, Сталин, Гитлер, Гоголь и другие» [13]. Если в этих случаях акцент чаще делался на формах психической жизни, отклоняющихся от нормы, то в исследованиях жизненного пути и жизненных этапов норма превращалась в знак, а патология – в фон, в возможную деградацию личности. Таковы исследования Г. Стэнли Холла «Юность» (1904) [25], Шарлотты Бюлер

«Жизненный путь человека как психологическая проблема» (1933) [24], Э. Эриксона «Молодой Лютер» (1958) [23]. Значительную помощь в осмыслении биографии сыграли и исследования в области возрастной психологии: развития интеллекта Ж. Пиаже [15] и нравственного роста Л. Колберга [26]. Формировался концептуальный аппарат психобиографии.

Теперь можно обратиться к рассмотрению нескольких ее фундаментальных проблем. Попытка бихевиористов отменить сознание закончилась печально, и психологи, подходя к решению проблем человека, останавливались перед пропастью между естественнонаучным детерминизмом и гуманитарной свободой воли. Необходимость строить соединяющий расщелину мост стала осознаваться лишь после попыток перескочить ее в один прыжок, т.е. просто вывести из постулатов признанных наук своеобразие психологии. Физик и физиолог Г. Гельмгольц заявил, что в мозгу нет никаких копий внешнего мира и электро-физиологическая нервная связь имеет знаковую природу. Но тем самым признал, что знаки не находятся в полной зависимости от внешних, физических воздействий (при ношении искажающих очков человек со временем «возвращается» к нормальному восприятию предметов; «почему»? - осталось без ответа). Впечатляющий пример дает У. Джемс. Он получил медицинское образование и, обозрев свои болезни, решил, что медицина его приговорила к худшему на основе однозначного физиологического подхода. В ответ он спас себя, приняв свободу воли как очевидный факт. «Я не вижу, почему бы определение свободной воли...должно быть определением иллюзии. Первый акт моей свободной воли – это верить в свободную волю. Я сделаю шаг дальше – не только действовать по своей воле, но и верить в мою индивидуальную реальность и креативную силу» [19, С.195.]. Пусть философы разбираются в детерминистских переходах от материи к сознанию. А он, Джемс, воспринимает Вселенную как «великий цветущий, жужжащий беспорядок» [19, С.93]. «Креативная сила» Джемса подразумевала появление новых явлений, а не неожиданных конфигураций путем перетасовывания жестко детерминированных процессов. Возникла идея творчества.

Даже ориентированные на сверхдетерминизм психологи совершали вторжение в гуманитарные зоны, делая попутно очень полезные для науки о человеке открытия, ибо выдвигали оригинальные модели личности. Например, Фрейд описал анализ намеков сознанию со стороны бессознательного, безапелляционно дав однозначное толкование объектов сновидений). Он же описал действие механизмов психологической защиты, которые объясняют нерациональные или нелепые действия (описки, оговорки). Пригвожденность образов сновидений к фиксированным порочным желаниям была отвергнута психологами и большинством гуманистов. Но проблематика бессознательного, анализ за-

щитных механизмов, процедуры психотерапевтических сеансов были приняты и учтены при описаниях личности. Фрейд дал и одно из первых описаний этапов психологического созревания личности, которое опиралось на предложенные им стадии сексуального развития. Их обоснование сочли неубедительными даже многие психоаналитики следующих поколений. И коррекцию, снятие жестких ограничений сделал ученик дочери Фрейда Анны Э. Эриксон в своей эпигенетической теории личностных кризисов, принятой в гуманитарной среде как полезный ориентир при анализе успешного или ущербного личностного развития.

Основатели гештальтпсихологии исходили из поиска прямолинейного соответствия заложенной в вещи целостной структуры и образа, возникающего в психике (в обоих случаях - гештальтов), опираясь на построения в теории физики (связь осмыслили по аналогии с соотношением реального устройства местности и ее географической карты). Познание определялось как смена неудачного внутреннего гештальта на удачный. Прямые установки из физики в дальнейшем потеряли свою убедительность. А вот принцип целостности, лежавший в основе гештальта, оказался плодотворным (общая структура определяет значение элементов, а не наоборот). И тогда открывался путь к пониманию творчества: инсайтом (озарением) была названа моментальная смена в сознании «слепого», плохого гештальта на «прегнанный» (продуктивный). Тогда личность в самосознании человека предстала как образ, а ее развитие сопровождалось уточнением или даже сменой гештальта. Личность творила себя. Символические же интеракционисты ввели социальный критерий: самосознание зарождалось и развивалось в процессе межличностной коммуникации. Реакции «других» формировали при общении с ними представление о социальных ролях, и их соединение в единый образ порождало Я-концепцию. Ее структурирование реализовывалось на основе доминирования самой важной, эталонной роли. Но при этом роль определялась не в качестве причины поведения, а как социально принятый ориентир, облегчающий выбор планов и действий человека. Т. Шибутани писал: «Роли суть модели поведения, которое составляет желаемый вклад данных участников в групповое действие. Но даже в стабильных обществах люди не являются автоматами, слепо выполняющими конвенциональные роли. Именно тот факт, что отклонение оказывается возможным, показывает, что модели не являются причиной поведения» [21, С. 51]. Независимый внутренний выбор личности – проявление свободы воли, сущность которой анализируется в гуманитарной научной области. Трудно переоценить такой вклад психологии в фонд психобиографии.

Психологи выработали концептуальные идеи и терминологию, прямо приложимые к анализу жизненного пути человека. Основным источником являются такие

разделы, как историческая, социальная, возрастная, педагогическая психология и психология личности. В общекультурный фонд вошли понятия: «фигура и фон», «когнитивный диссонанс», «деструктивная личность», «интроверсия», «самоактуализация», «защитный механизм», «лидерство».

Но и другие, гуманитарные науки занимались не просто адаптацией психологических знаний, пригодных для историко-культурного подхода к психобиографии. Они решали свои вопросы и тогда, когда психология мало что могла предложить им, и брали на себя ответственность в рамках достоверности своих методологических границ. История, этнография, филология, религиоведение, искусствоведение, социология даже не представимы без взаимоучета достигнутых результатов. У каждой науки просто была своя доминанта, а от каждого из «соседей» они получали дружескую поддержку и сигнал соответствия или несоответствия своим установкам. Формировалась как бы общая критически выверенная, устойчивая структура знания о человеке и его социальном окружении. Начну только с одного примера. Свои открытия американская гуманитарная психология в оформленном виде представила научному сообществу в 1950-годы. Идея самоактуализации А. Маслоу захватила широкий круг западной интеллигенции, но в СССР воспринималась властями как раздувание индивидуализма. И при этом фактически полное описание самоактуализирующей личности в 1946 году дал профессор нашего университета на Неве Г.А. Гуковский, - и не в теоретическом трактате по психологии, а в анализе трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери». Это было как бы мнение Пушкина, который в официально разрешенной характеристике был «наше всё»! Вот как филолог показал восхождение личности на вершину творчества, формально рассуждая о служении искусству: «Сальери...страдает при виде творческой свободы, творческой радости, творческой легкости Моцарта... это пьеса... о трагическом столкновении двух эстетических типов, за которыми стоят и две системы культуры вообще. Одна из этих систем... создает культ ремесла в творчестве, поверяет гармонию алгеброй, подавляет вдохновение ... зиждется на запретах и предписаниях, на подавлении воли, на духовном рабстве личности... Моцарт — это будущее, это свобода... Ему свойственно чувство простой человеческой жизни многогранности ее содержания, целостное ее восприятие ...творчество для него — это сама его жизнь, естественная и легкая» [6, С.305-308]. В полном тексте все, именно все характеристики самоактуализирующейся личности (по А. Маслоу), названы либо прямо, либо в синонимических конструкциях [9].

Проблема творчества и в гуманитарных науках, и в психологии оказывается одной из важнейших. После эпохального эйнштейновского пересмотра сути пространства и времени (с включением позиции наблюдателя) возникла трехчастная концепция хронотопа. Физиолог

А.А. Ухтомский рассматривал ее уместность в связи с исследованием доминанты, перейдя к вопросам уже психологии: «доминанте гения», - что означало обращение к феномену творчества. Прослушав лекцию Ухтомского, филолог и философ М.М. Бахтин перенес рассмотрение хронотопа (пространство-время-личность) в зону культуры. И в исследовании «Эпос и роман» [3] архаический ее тип (эпический) представлен как репродуктивный уровень мышления (господство памяти), а тысячелетний путь перехода к современному уровню (романному) завершается доминированием продуктивности (познанием). Личностная структура (герой) преобразуется: от последовательной ориентации на непререкаемую традицию происходит переход к обретению личной «идеологической инициативы». И психология вносит свое понимание цели и механизма творчества, гармонирующее с названными ранее подходами [8, С. 284-335]. В книге «Продуктивное мышление» М. Вертгеймер формулирует цель мышления как такового: улучшать ситуацию. И тогда креативность становится не характеристикой изолированного интеллекта, а функцией личности в ее полном бытии. «Я хочу заметить, что черты прямолинейности, честности, искренности, видимо, не являются второстепенными в таком процессе. ...Но даже те процессы, которые, по-видимому, являются чисто интеллектуальными, предполагают определенную установку человека — некую готовность рассматривать проблему, делать это открыто, честно и искренне...Хитрость и дух деспотизма, видимо, не лучшая установка в продуктивном мышлении» [4, С. 208-209]. И вот моцартианская свобода формирования образа сформулирована так: «по-видимому, понятие целого не поддается формальному описанию» [4, С. 139]. Современная психология и культура все больше склоняется к идее, что нормальное состояние любого человека должно обеспечиваться творческим построением собственной личности. Психологика, опирающаяся на традиции когнитивной психологии, утверждает, что сознание вообще возникает для решения творческих задач, ориентируя человека на свободный поиск смысла бытия. Отработанные тысячелетиями физиологические механизмы не нуждаются в сознании. А вот при столкновении с неожиданностями требуется иной, более совершенный механизм, которым обладает психика человека: выдвижение и проверка гипотез в условиях неопределенности. «Наше сознание при любой операции неизбежно порождает смыслы, насыщает мир этими смыслами. Тем самым естественнонаучный взгляд на сознание, развиваемый психологией, приводит к весьма важному для гуманистического мировоззрения выводу: сознание *конструирует* смыслы. Именно в этом конструировании сознание проявляет свою свободу... Стремление сознания догадаться о том, как устроен мир, позволяет... многое узнать... и о самом себе...Но свобода сознания в выборе догадок всегда оставляет возможности для ошибок, неточностей, неправильного понимания. Поиск истины не может закончиться» [1, С.501-502]. И в психобиографии человек уже предстает как творец себя и преобразова-

тель окружающего мира, использующий сознание для учета строгих закономерностей в поиске оптимального решения неопределенных ситуаций, наполняя мир и свою деятельность смыслом.

Такая встреча осуществляется на основе механизма сличения результатов исследования в независимых научных контурах, когда открывается возможность отождествления, во многом родственного метафорическому уподоблению. Но метафора является вполне признанным методом познания. Лингвист Н.Д. Арутюнова именует ее «интерпретируемой аномалией», источником творческого отклонения от устоявшейся нормы. «Метафора индивидуализирует предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке... Классическая метафора – это вторжение синтеза в зону анализа, представления (образа) в зону понятия, воображения в зону интеллекта, единичного в царство общего, индивидуальности в «страну» классов» [2, С. 149-150].

Заключение

Выработанный веками жанр биографии будет существовать всегда, тяготея к гуманитарным формам литературного и публицистического свойства. Психобиографический метод вносит в портрет личности большую точность и логическую выверенность, так как прежде сего опирается на теоретические построения психологии в ее естественнонаучной ипостаси. Но психобиография, как отрасль исторической психологии, безусловно, имеет и большие ограничения в области произвольного фантазирования по поводу жизни личности. А вот установление соответствия между гуманитарными и психологическими построениями с помощью механизма сличения позволяет повысить достоверность и надежность биографической информации. В перспективе такой путь изучения человека направлен на создание более органичной научной методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердов В.М. Сознание как парадокс – СПб.: ДНК, 2000.
2. Арутюнова Н.Д. Языковая метафора // Лингвистика и поэтика. – М.: 1979. С. 139-152.
3. Бахтин М.М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука. 2000.
4. Вертеймер М. Продуктивное мышление. – М.: Прогресс, 1987.
5. Вундт В. Миф и религия. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1910.
6. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Художественная литература, 1957.
7. Иванов М.В. Становление исторической психобиографии как научной дисциплины // Актуальные проблемы психологии, философии, конфликтологии, культурологии, права и образования. – СПб.: ПГУПС, 2023. С. 109-119.
8. Иванов М.В. Человек на берегу Леты. – СПб.: София, 2021.
9. Иванов М.В. Концепция личности в трудах Г.А. Гуковского // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. – СПб.: Скрипторий, 2011. С. 86-102.
10. Иванов М.В. Историческая психология личности. – СПб.: ПГУПС, 2006.
11. Ковалевский П.И. Психиатрические эскизы 2-х томах. – М.: Юрайт, 2020.
12. Кречмер Э. Строение тела и характер. – М.: Госдиздат, 1930.
13. Личко А.И. История глазами психиатра. – СПб.: 1996.
14. Логинова Н.А. Психобиографический метод исследований и коррекции человека. – Алматы: Казахский гос. университет, 2001.
15. Пиаже Ж. Психология интеллекта. – М.: Питер, 2003.
16. Фрейд З. Леонардо да Винчи. Воспоминания детства. – М.: Мысль, 1991.
17. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон. 28-й президент США. Психологическое исследование. – М.: Канон, 2017.
18. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.
19. Хант М. История психологии. – М.: АСТ, 2009.
20. Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. – М.: Республика, 2001.
21. Шибутани Т. Социальная психология. – М.: 1969.
22. Шкуратов В.А. Историческая психология. – М.: Смысл. 1997.
23. Эриксон Э.Г. Молодой Лютер. – М. Медиум, 1996.
24. Buhler, Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches probleme / Ch. Buhler. – Leipzig, 1933.
25. Hall G.S. Adolescence: Its Psychology and Its Relations to Psychology, Anthropology, Sociology, Sex, Crime, and Education, 2 vol. – New York: D. Appleton, 1904, 2 v.
26. Kohlberg Lawrence. Essays on Moral Development, Vol. I: The Philosophy of Moral Development. San Francisco, CA: Harper & Row, 1981.

© Иванов Михаил Васильевич (mvifp@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОЗДУШНЫЕ ТРЕВОГИ КАК ФАКТОР ХРОНИЧЕСКОГО СТРЕССОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОГО РЕАГИРОВАНИЯ, ДЕПРЕССИВНОЙ СИМПТОМАТИКИ И ВЫУЧЕННОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ

Кац Валери Алексеевна

ОЧУВО «Московская международная академия»

Katzval@mail.ru

AIR RAID ALERTS AS A FACTOR OF CHRONIC STRESS EXPOSURE: SPECIFIC FEATURES OF POST-TRAUMATIC RESPONSE, DEPRESSIVE SYMPTOMS, AND LEARNED HELPLESSNESS

V. Katz

Summary: This article presents the results of an empirical study examining neuropsychological and psycho-emotional responses of individuals from different age groups to prolonged exposure to air raid alerts as a form of chronic acoustic stress. The aim of the study was to conduct a comprehensive analysis of anxiety levels, manifestations of learned helplessness, and adaptive strategies under conditions of retraumatization. The research tools included the Impact of Event Scale – Revised (IES-R), adapted into Russian and Hebrew, along with a self-report questionnaire. The total sample comprised 134 participants (66 men and 68 women) aged 16 and above, including respondents from the 61+ age group. The results revealed a statistically significant positive correlation between anxiety and symptoms of post-traumatic stress disorder ($r = 0.892, p < 0.001$). A Student's t-test confirmed that women exhibited significantly higher levels of PTSD symptoms compared to men ($t = -4.741, p < 0.001$). An analysis of variance (ANOVA) indicated age-related differences in PTSD severity ($F = 2.804, p = 0.043, \eta^2 = 0.067$), with younger and older participants demonstrating predominantly emotional and cognitive forms of maladaptation, respectively. Furthermore, significant differences were found between participants who completed the questionnaire in Russian and those who responded in Hebrew: Russian-speaking respondents reported higher levels of PTSD symptoms ($t = 3.146, p = 0.002$; Cohen's $d = 0.588$). These findings may inform the development of psychological support programs and strategies for preventing chronic stress reactions under prolonged threat exposure.

Keywords: anxiety disorder, learned helplessness, neuropsychology, adaptation, chronic stress, retraumatization, depression, somatization, affective disorders, psychological maladjustment, neurasthenia.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования нейropsychологических и психоэмоциональных реакций представителей различных возрастных групп на длительное воздействие воздушных тревог как формы хронического акустического стресса. Целью работы являлся комплексный анализ уровней тревожности, проявлений выученной беспомощности и особенностей адаптационных стратегий в условиях ретравматизации. В качестве инструмента исследования использовался опросник IES-R (Impact of Event Scale – Revised), адаптированный на русском и иврите, а также анкетирование с элементами самоотчёта. Общая выборка составила 134 человека (66 мужчин и 68 женщин) в возрасте от 16 лет и старше, включая респондентов старшей возрастной группы (61+). Результаты анализа выявили статистически значимую положительную корреляцию между тревожностью и симптомами посттравматического стрессового расстройства ($r = 0.892, p < 0.001$). С использованием t-критерия Стьюдента установлено, что женщины демонстрируют значительно более высокие показатели ПТСР по сравнению с мужчинами ($t = -4.741, p < 0.001$). Дисперсионный анализ показал возрастные различия по шкале ПТСР ($F = 2.804, p = 0.043, \eta^2 = 0.067$), при этом у младших и старших респондентов преобладают соответственно эмоциональные и когнитивные формы дезадаптации. Кроме того, выявлены значимые различия между участниками, проходившими опрос на русском и иврите: русскоязычные респонденты показали более высокие уровни посттравматической симптоматики ($t = 3.146, p = 0.002$; Cohen's $d = 0.588$). Полученные данные могут быть использованы при разработке программ психологической помощи и профилактики хронического стрессового реагирования в условиях длительной тревожной нагрузки.

Ключевые слова: тревожное расстройство, выученная беспомощность, нейрпсихология, адаптация, хронический стресс, ретравматизация, депрессия, соматизация, аффективные расстройства, психологическая дезадаптация, неврастения.

Введение

В условиях современного общества влияние различных стрессовых факторов на психическое здоровье населения приобретает всё больше возрастающее значение [2, 3]. Крайне значимым становится тот фак-

тор, который приобретает характер длительного и повторяющегося акустического стресса, в особенности, фактор наличия опыта перенесения стресса, связанного с воздушными тревогами, которые стали постоянным элементом жизни за последние десятилетия преобладающей части населения, в особенности в странах, подвер-

гающихся военным угрозам со стороны приграничных государств и группировок [7, 9].

Продолжительное воздействие таких стрессовых условий, оказывают значительное влияние на психоэмоциональное и нейрофизиологическое состояние индивида. Подобный опыт может отражаться на качестве жизни как острая стрессовая реакция, так и иметь более вредоносный и продолжительный характер, как пример, отразиться в более усугублённых синдромах: посттравматическое стрессовое расстройство, тревожные расстройства различной степени тяжести, неврастения и так далее [2, 11].

Осложняющим обстоятельством является постоянное воздействие воздушных тревог в населённых пунктах, которым подвергаются различные возрастные группы населения, что вызывает вынужденную ретравматизацию.

Ретравматизация — это неосознанное или вызванное иными воздействиями воспоминания о прошедшем травмирующем событии, которое по неволе возвращает в психоэмоциональное состояние, в котором находился индивид во время прошлого стресса. Таким образом, человек, который неоднократно прокручивает в памяти случившееся с ним ранее, допустим, в попытках выяснить причины произошедшего, намеренно вовлекает себя с повторную травматизацию и тем самым усугубляет своё психоэмоциональное и нейрофизиологическое состояние [10].

Маркерами симптоматики являются: учащённое сердцебиение – тахикардия; головные боли; тремор – непроизвольные движение различных частей тела, вследствие мышечных сокращений [3, 6, 8].

Крайне необходимо своевременно оказать качественную и высококвалифицированную психологическую помощь, дабы избежать последующего медикаментозного лечения и как следствие – ухудшение состояния пострадавшего [6, 10].

В данной работе автор продемонстрирует проведённое им исследование и сопоставит полученные им эмпирические данные, проанализировав уже имеющиеся исследования, касающиеся данной тематики.

Цель исследования

Целью настоящего исследования является изучение выраженности посттравматических реакций, депрессивной симптоматики и проявлений выученной беспомощности у взрослого населения, находящегося в условиях регулярных воздушных тревог, с акцентом на влияние пола, возраста и языка анкетирования как потенциальных модераторов переживаемого стресса.

Данная цель обусловлена актуальностью изучения последствий повторяющегося и неконтролируемого стрессогенного воздействия, которое, по данным современных исследований [1, 4, 9, 12], может вызывать стойкие нарушения в эмоциональной регуляции, когнитивных функциях и системе адаптивного реагирования.

Гипотеза исследования

Предполагается, что выраженность посттравматического стрессового расстройства (ПТСР), депрессии и выученной беспомощности у взрослой выборки варьирует в зависимости от пола, возраста и языка, на котором участники проходят анкетирование.

Ожидается, что:

1. Женщины продемонстрируют более высокие значения по шкалам ПТСР и беспомощности по сравнению с мужчинами.
2. Различия между возрастными группами будут выражаться в большей тревожности у младших участников и большей соматизации у старших.
3. Респонденты, проходящие анкету на русском языке, покажут более высокий уровень посттравматических симптомов, по сравнению с теми, кто заполняет анкету на иврите, что может быть связано с лингвистической и социокультурной спецификой восприятия травматических стимулов.

Задачи исследования

1. Провести количественную оценку выраженности ПТСР, депрессии и беспомощности у респондентов, подвергающихся регулярным воздушным тревогам.
2. Выявить различия в уровне указанных состояний между мужчинами и женщинами.
3. Проанализировать влияние возрастного фактора на характер и интенсивность посттравматических реакций.
4. Сравнить выраженность симптоматики у респондентов, проходящих анкетирование на русском и иврите, с целью выявления межъязыковых различий.
5. Проверить надёжность и внутреннюю согласованность применяемых психодиагностических шкал (по Кронбаху) для оценки корректности интерпретации результатов.

Основные результаты

На сегодняшний день разработаны различные методики оценки развития и последующих нарушений психоэмоционального и физиологического состояния населения в различных регионах, в частности, в тех, где население систематически подвергается особо травматичным эпизодам, что значительно нарушает их качество жизни и как неизбежность, влечёт за собой запуск механизма самозащиты психического состояния [7, 9].

При этом данные психотравматические последствия не всегда проявляются непосредственно после эпизода: в ряде случаев она также может быть отложена, развиваясь в течение длительного времени и приводя к более долгосрочным нарушениям эмоционального реагирования, а также к искажению воспоминаний о ранее пережитом стрессе.

Деформированное восприятие, а также повторяющийся характер событий, неизбежно влекут за собой повторную травматизацию [3, 10], что является отдельным фактором усиления ранее нарушенной адаптивной модели поведения, и называется – ретравматизация.

Проведённое исследование основывается на конкретной причине возникновения вышеперечисленных симптомов и состояний, а конкретно на беспомощности и хронической ретравматизации. Воздушные тревоги являются особым триггером и способствуют развитию ПТСР на почве страха перед неизбежностью и беспомощности влияния на происходящие события.

Автор провёл эмпирическое исследование, в котором приняло участие 134 человек: 68 из которых - женщины и 66 - мужчины, в раздельных возрастных группах: 16 – 30, 31 – 45, 46 – 60 и старше 61. Исследование было разделено также на две подгруппы, где одна включает в себя людей, которые имеют опыт переживания воздушной тревоги, и вторая группа, в которой респонденты не имеют того же опыта.

В качестве инструмента оценки симптоматики в настоящем исследовании применялся метод самостоятельного опроса IEL Impact of Event Scale – Revised, IES R (шкала воздействия событий). Данная методика позволяет качественно оценить наличие симптоматики соответствующей последующей реакции индивида на конкретное травмирующее событие. От респондента требуется ответить на 22 утверждения, составленных с акцентом на три основных направления, отражающие основные симптомы посттравматического стрессового расстройства: выученная беспомощность и как

следствие избегающий тип личности, навязчивые воспоминания (интрузии), а также симптомы повышенной психофизиологической реактивности, проявляющиеся, в частности, в виде раздражительности, нарушений сна, повышенной настороженности и трудностей с концентрацией внимания.

Описание исследования

В исследовании приняли участие 134 респондента, 76 из которых, прошли опрос на русском языке и 46 респондентов на иврите. Из общей суммы опрошенных – 68 женщин и 66 мужчин, проживающих в условиях частых воздушных тревог. Возрастной состав включал группы: 16–30 лет, 31–45 лет, 46–60 лет и старше 61 года. Для оценки уровня тревожности и посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) был использован опросник, составленный на основе шкалы IES-R (Impact of Event Scale – Revised), адаптированный для русскоязычной и ивритоязычной выборки. Опросник включал 22 утверждения, оцениваемые по 4-балльной шкале:

0 («никогда»), 1 («редко»), 2 («иногда»), 3 («часто»).

Для анализа тревожности были выделены 7 утверждений, касающихся нарушений сна, концентрации внимания, повышенной настороженности, раздражительности и физиологических реакций. Остальные 15 утверждений относились к симптомам ПТСР: навязчивым воспоминаниям, избеганию и эмоциональному онемению. (Таб. 1, 2, 3)

Показатели выученной беспомощности напрямую не оценивались, однако на основании косвенных шкал можно сделать вывод о наличии у ряда участников избегания, пассивных реакций и трудностей в эмоциональной регуляции.

По всем шкалам тревожности и ПТСР женщины демонстрируют более выраженные симптомы по сравнению с мужчинами. Различия статистически значимы и клинически важны.

Таблица 1.

Сравнение результатов опроса по возрасту (анализ ANOVA).

Показатель	F-критерий	p-значение	η^2 (размер эффекта)	Интерпретация
IES-R (ПТСР)	2.804	0.043	0.067	Различия между возрастными группами статистически значимы. Размер эффекта — средний.

Таблица 2.

Сравнение результатов опроса по гендеру (t-критерий Стьюдента).

Шкала	t (статистика)	p-значение	Разница средних	SE разницы	Интерпретация
IES-R (ПТСР, общее)	-4.741	< .001	-12.328	2.6	Женщины набирают значимо больше баллов
IESR Intrusion (вторичный)	-4.631	< .001	-4.574	0.988	Женщины выражают больше навязчивых переживаний

Таблица 3.

Сравнение результатов опроса на русском языке и на иврите.

Шкала	t (статистика)	p-значение	Разница средних	Cohen's d	Интерпретация
IES-R (ПТСР, общее)	3.146	0.002	+8.84	0.588	Участников с русской версией опроса выраженность симптомов выше
IESR Intrusion	3.119	0.002	+3.319	0.583	Аналогичная тенденция по подшкале навязчивости
IESR Avoidance	3.506	< .001	+3.686	0.655	Значимые различия по избеганию

Установленные различия в уровне выраженности посттравматических симптомов между русскоязычной и ивритоязычной версиями опросника, вероятно, обусловлены совокупностью лингвистических, социокультурных и психосемантических факторов. Наиболее вероятным объяснением представляется влияние эмоциональной окрашенности формулировок в русской версии анкеты, а также специфических культурных моделей переработки травматического опыта, характерных для респондентов с русскоязычным бэкграундом [5]. Кроме того, использование родного языка, по-видимому, способствует снижению коммуникативного барьера, что может повышать степень откровенности и субъективной включённости испытуемых. Указанные особенности следует учитывать при интерпретации межъязыковых различий в психологических исследованиях, ориентированных на многоязычные выборки.

Однако, русскоязычные участники продемонстрировали статистически значимо более высокие уровни ПТСР по всем подшкалам. Это может указывать на особенности восприятия формулировок или глубину травматического опыта.

Вывод

Результаты проведённого исследования позволяют сделать следующие обобщения. Во-первых, установлены достоверные различия в уровне выраженности посттравматических симптомов (ПТСР) в зависимости от пола и возраста респондентов. Женщины демонстрируют более высокие значения по всем шкалам, связанным с травматическим стрессом, что согласуется с существующими данными о большей эмоциональной вовлечённости и уязвимости женской выборки в стрессогенных условиях. У представителей младшей возрастной группы (до 30 лет) наблюдаются более высокие значения ПТСР, однако, как показал дисперсионный анализ, статистически значимыми являются лишь отдельные межгрупповые различия, что может свидетельствовать о неоднородности механизмов совладания в разных возрастных когортах.

Во-вторых, выявлены значимые расхождения в уровнях ПТСР между респондентами, заполнившими анкету на русском и иврите: в русскоязычной подгруппе показатели тревожности, вторжения и избегания были статисти-

чески выше. Полученные данные свидетельствуют о наличии влияния лингвистических и социокультурных факторов на характер самоотчётной симптоматики. Эти результаты подчёркивают необходимость учёта культурно-языковой специфики при разработке и интерпретации психологических инструментов, особенно в условиях многоязычного контингента.

В-третьих, надёжность используемых шкал была подтверждена высокими значениями коэффициента альфа Кронбаха (в большинстве случаев $\alpha > 0.8$), что указывает на внутреннюю согласованность методик в обеих языковых версиях. Однако отдельные подшкалы в русскоязычной версии демонстрируют пограничные или низкие значения α , что требует дальнейшего психометрического уточнения и возможной адаптации формулировок.

Гипотетические положения о когнитивной дезадаптации у респондентов среднего возраста и о выученной беспомощности требуют дополнительной операционализации и включения специализированных шкал в последующих этапах исследования.

Таким образом, выявлены значимые особенности психоэмоционального реагирования различных возрастных и гендерных групп на длительное воздействие воздушных тревог как формы хронического акустического стресса. Полученные данные могут быть использованы при разработке дифференцированных программ психологической помощи, профилактики ретравматизации и хронической дезадаптации.

Данное исследование подтверждает факт необходимости в проведении углублённого исследования на большей выборке, а также анализ конкретных случаев, где на индивида оказывается воздействие воздушных тревог, что ведёт к незамедлительным последствиям, таким как: сердечный приступ, инсульт, инфаркт, панические атаки и так далее.

Разумеется, что воздушная тревога является лишь одним из факторов, которые способствуют развитию приведённых выше последствий. Необходимо учитывать физическое и психическое здоровье пострадавшего до травматизации, общий анамнез и опыт переживания подобных случаев ранее

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамсон Л.Ю., Селигман М.Е.П., Тисдейл Р.С. Наученная беспомощность у человека: критика и реформация // Журнал аномальной психологии. — 1978. — Т. 87, № 1. — С. 49–74.
2. Ахмедова Э.М., Кац В.А. Диагностика и теоретический анализ беспомощности при посттравматическом воздействии боевых действий // Вестник Московской международной академии. — 2025. — № 1. — С. 44–49. — ISSN 2541-8343.
3. Баум А., Поллак М., Гаравалья С. Хронический стресс и здоровье: психофизиологические механизмы // Журнал общей психологии. — 2014. — Т. 71, № 2. — С. 189–206.
4. Бек А.Т., Кларк Д.А. Тревожные расстройства и фобии: когнитивная перспектива. — Нью-Йорк: Бэйсик Букс, 2010. — 368 с.
5. Гояева Д.Э., Обухова Т.С., Овсянникова Т.М., Рытикова А.М., Павлова А.А., Джигоева Ц.Г., Кокоев Т.И., Николаева А.Ю. Особенности фонематического восприятия речи у обучающихся с билингвизмом // Экспериментальная психология. — 2023. — Т. 16, № 4. — С. 129–142. — DOI: 10.17759/exppsy.2023160409.
6. Карвасарский Б. Д. Психотерапевтическая энциклопедия. — СПб.: Питер, 2000. — 736 с.
7. Лебедева И.М. Психологическая помощь при посттравматическом стрессе. — М.: Институт психотерапии, 2008. — 224 с.
8. Макьюэн Б. Стресс, адаптация и болезни мозга // Вестник психотерапии. — 2017. — № 63. — С. 5–17.
9. Старшенбаум Г.В. Актуальные направления изучения хронического стресса и психосоматических нарушений // Психологическая наука и образование. — 2018. — № 1. — С. 23–30.
10. Ван дер Колк Б. Тело помнит всё: мозг, разум и тело в исцелении от травмы. — Нью-Йорк: Пингвин Букс, 2014. — 464 с.
11. Херман Дж. Л., Табризи М.А. Травма и восстановление: последствия насилия — от домашнего абьюза до политического террора. — Нью-Йорк: Бэйсик Букс, 2020. — 336 с.
12. Селигман М.Е.П. Беспомощность: о депрессии, развитии и смерти. — Сан-Франциско: В.Х. Фриман, 1975. — 432 с.

© Кац Валери Алексеевна (Katzval@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АУТОАГРЕССИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ У ПОДРОСТКОВ, ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И СПЕЦИАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

Королёв Даниил Михайлович

Северо-Кавказский Федеральный Университет
mr.korolev22@mail.ru

AUTOAGGRESSIVE BEHAVIOR IN ADOLESCENTS STUDYING IN SECONDARY EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND SPECIAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

D. Korolev

Summary: The relevance of the study of autoaggressive behavior in adolescents studying in secondary and special educational institutions is determined by the high prevalence of this phenomenon among adolescents, its negative impact on psychoemotional development and social adaptation, as well as insufficient study of the specific mechanisms of autoaggression formation in the educational environment, taking into account individual-personal and situational factors. The novelty of the study lies in the review of the forms and motivational aspects of autoaggression, including verbal, physical, disguised and indirect manifestations, which are determined by a complex of psychological, social and neurobiological factors. The leading methodology of the study is a systems approach integrating the principles of psychological and social analysis for a comprehensive study of autoaggressive behavior in adolescents using research methods that allow identifying patterns, determinants and mechanisms of formation of this phenomenon in the educational environment. The results of an empirical study conducted using the questionnaire of E.V. Yanovskaya, the Bass-Darkey method and the CES-D scale of depressive states. Statistically significant correlations between the severity of autoaggression, the level of depressive symptoms and self-esteem are established. Social and psychological risk factors characteristic of the educational environment of secondary vocational education are discussed, and recommendations for prevention are formulated.

Keywords: autoaggression, adolescents, secondary vocational education, verbal autoaggression, physical self-harm, depressive symptoms, risk factors, prevention.

Аннотация: Актуальность исследования аутоагрессивного поведения у подростков, обучающихся в образовательных учреждениях среднего образования и специальных учебных заведениях, детерминирована высокой распространенностью данного феномена в подростковой среде, его негативным влиянием на психоэмоциональное развитие и социальную адаптацию, а также недостаточной изученностью специфических механизмов формирования аутоагрессии в условиях образовательной среды с учётом индивидуально-личностных и ситуационных факторов.

Новизна исследования заключается в обзоре форм и мотивационных аспектов аутоагрессии, включая вербальные, физические, замаскированные и опосредованные проявления, которые детерминируются комплексом психологических, социальных и нейробиологических факторов. Ведущей методологией исследования является системный подход, интегрирующий принципы психологического и социального анализа для комплексного изучения аутоагрессивного поведения подростков с применением методов исследования, позволяющих выявить закономерности, детерминанты и механизмы формирования данного феномена в образовательной среде. Описаны результаты эмпирического исследования, проведенного с применением опросника Е.В. Яновской, методики Басса–Дарки и шкалы депрессивных состояний CES-D. Установлены статистически значимые корреляции между выраженностью аутоагрессии, уровнем депрессивных симптомов и самооценкой. Обсуждаются социально-психологические факторы риска, характерные для образовательной среды СПО, и формулируются рекомендации по профилактике.

Ключевые слова: аутоагрессия, подростки, среднее профессиональное образование, вербальная аутоагрессия, физические самоповреждения, депрессивная симптоматика, факторы риска, профилактика.

Введение

В подростковой возрастной группе на протяжении последних лет сохраняется устойчивая проблема аутоагрессивного поведения, включающего преднамеренные действия, направленные на причинение вреда собственному телу или здоровью, с разной степенью летальности. По данным Росстата, уровень смертности от умышленных самоповреждений среди лиц 15–19

лет в России в 2022 году составил 6,5 случая на 100 тысяч населения, что ниже показателя 2018 года (8,2 на 100 тыс.) [8]. Однако сведения Минздрава РФ указывают на рост числа госпитализаций подростков с несмертельными самоповреждениями, фиксируемый в ряде регионов на уровне 8–10 % в год [7]. По данным Всемирной организации здравоохранения, самоповреждения входят в пятерку ведущих причин смертности среди подростков в возрасте 15–19 лет на глобальном уровне, составляя в

2022 году 7,4 случая на 100 тыс. населения данной возрастной группы [16].

Отметим, что учреждения среднего профессионального образования формируют особую социальную среду, в которой подросток сталкивается с резкой сменой привычных межличностных связей, возрастанием академической и социальной автономии и необходимостью интеграции в более зрелое сообщество. Учащиеся в возрасте 15–17 лет оказываются в переходной позиции между школьной и взрослой жизнью, что сопровождается перестройкой системы ценностей, изменением круга общения, изменением уровня родительского контроля [11, с. 93]. Приведенные выше факторы при дефиците психологической поддержки и наличии личностных уязвимостей способны усиливать риск формирования аутоагрессивных паттернов.

Сравнительные исследования доказывают, что подростки, осваивающие образовательные программы среднего профессионального звена, могут чаще демонстрировать эпизоды вербальной или физической аутоагрессии, чем их сверстники, продолжающие обучение в школах. В исследовании Г.Ш. Ташбулатовой выявлены статистически значимые различия в уровне самоповреждающего поведения у учащихся СПО и школьников, что автор связывает с влиянием новой микросоциальной среды и более ранним выходом из-под непосредственного контроля семьи [9, с. 140]. Аналогичные выводы подтверждаются зарубежными исследованиями, в которых фиксируется рост распространенности самоповреждений у подростков в условиях социальной перестройки и изменения образовательной среды [13; 14].

Аутоагрессивное поведение у подростков рассматривается как комплекс действий, направленных на причинение себе физического или психического вреда, при этом мотивация может варьировать от демонстративной до импульсивной или хронической [3, с. 5]. В научной литературе выделяют несколько форм аутоагрессии: немедленные (прямое самоповреждение – порезы, ожоги, удары), замаскированные (отказ от питания, злоупотребление психоактивными веществами, рискованное вождение, участие в драках) и опосредованные (сознательное игнорирование медицинских рекомендаций, систематическое пребывание в травмирующих ситуациях) [1, с. 26-27].

Суицидальное поведение – крайняя форма аутоагрессии. Представляется аксиоматичным, что необходимо различать собственно суицидальные действия и парасуицидальные акты, которые носят демонстративно-шантажный или саморегулирующий характер [1, с. 27]. Отметим, что подростковая аутоагрессия часто носит кумулятивный характер, и ранние эпизоды значительно повышают риск последующих суицидальных попыток. В

контексте российских СПО ситуация осложняется возрастной спецификой – учащиеся находятся в переходном периоде от школьной зависимости к относительной автономии, но при этом сохраняют уязвимость в эмоциональной регуляции [10, с. 266]. Психологический климат в учебных группах, конфликты с педагогами и условия проживания в общежитиях формируют дополнительный стрессовый фон.

В рамках настоящего исследования предполагается выявить формы и частотность аутоагрессивного поведения у подростков, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, а также проанализировать взаимосвязь этого явления с социально-психологическими характеристиками личности и особенностями образовательного пространства.

Методы

Эмпирическая база исследования формировалась на основе выборки, включающей 212 подростков в возрасте от 15 до 18 лет, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования двух регионов Российской Федерации. В исследование включались учащиеся как первого, так и третьего года обучения, что позволило учитывать влияние периода адаптации и динамики образовательного процесса. Гендерный состав выборки был сбалансирован: 102 юноши и 110 девушек. Отбор участников проводился по принципу добровольного согласия с обязательным информированием о целях исследования и гарантиях анонимности, в соответствии с этическими стандартами, закрепленными в Хельсинкской декларации.

Для диагностики аутоагрессивного поведения применялся «Опросник аутоагрессии» Е.В. Яновской, позволяющий оценивать частотность и форму проявлений самоповреждающего поведения, включая вербальные и физические компоненты. Для дополнительной оценки эмоционально-личностных характеристик использовалась адаптированная русскоязычная версия опросника Басса–Дарки, а также шкала депрессивных состояний CES-D. Применение нескольких инструментов обеспечивало комплексное выявление как поведенческих, так и эмоциональных аспектов аутоагрессии.

Сбор данных проводился в условиях группового анкетирования на территории образовательных учреждений в присутствии психолога и исследователя, что минимизировало риск искажения ответов за счет внешнего давления или влияния однокурсников. Заполненные опросники обрабатывались с использованием программного пакета SPSS Statistics 26. Для анализа данных применялись методы описательной статистики, U-критерий Манна–Уитни для выявления межгрупповых различий, а также коэффициент корреляции Спирмена

для оценки взаимосвязей между переменными.

Приведенное сочетание количественных и качественных методов позволяло не только зафиксировать распространенность аутоагрессивного поведения в исследуемой выборке, но и установить связи между его выраженностью и социально-психологическими характеристиками учащихся.

Результаты

Анализ собранных данных показал, что признаки аутоагрессивного поведения в той или иной форме продемонстрировали 38,2% участников исследования. Наиболее распространенной формой выступало вербальное самоуничижение и самообвинение, о чём сообщили 27,8% подростков, тогда как физические самоповреждения различной степени выраженности встречались у 14,6%. В 8,0% случаев участники указывали на наличие в прошлом эпизодов, требовавших медицинской помощи.

Сравнение по полу выявило статистически значимые различия: девушки чаще сообщали о вербальной аутоагрессии ($U = 3987$, $p < 0,01$), тогда как у юношей относительно выше была доля физических самоповреждений, в том числе связанных с рискованной поведением ($U = 4265$, $p < 0,05$). Возрастной анализ показал тенденцию к росту частоты аутоагрессивных проявлений к третьему году обучения, что может быть связано с накоплением стрессовых факторов образовательного и социального характера. Корреляционный анализ продемонстрировал положительную связь между уровнем депрессивных симптомов по шкале CES-D и частотой физической аутоагрессии ($r = 0,46$, $p < 0,01$), а также умеренную связь между низкой самооценкой и вербальной аутоагрессией ($r = -0,39$, $p < 0,01$).

Приведенные результаты систематизируем в виде следующей сводной таблицы (табл. 1):

В ходе эмпирической части другого исследования ($n=124$, учащиеся 1–3 курсов СПО, возраст 15–19 лет) применялись опросник суицидального риска А. Бека, методика Басса–Дарки для оценки агрессивности и шкала депрессии CES-D. Уровень умеренной и высокой склонности к аутоагрессии выявлен у 28,2% опрошенных, при этом у девушек он оказался выше (31,5%), чем у юно-

шей (24,1%). Корреляционный анализ ($r=0,42$, $p<0,01$) показал статистически значимую связь между уровнем депрессивных симптомов и выраженностью аутоагрессивных тенденций. Наибольшая частота эпизодов самоповреждений наблюдалась среди студентов, проживающих в общежитии и не поддерживающих регулярные контакты с семьей. Кроме того, учащиеся первого курса демонстрировали более высокий уровень демонстративно-шантажной аутоагрессии, тогда как у старших курсов чаще встречались скрытые формы.

Полученные данные позволяют утверждать, что в исследуемой группе учащихся среднего профессионального образования аутоагрессивное поведение имеет заметную распространенность, при этом его структура демонстрирует гендерные особенности и коррелирует с эмоциональным состоянием подростков [5, с. 521].

Обсуждение. Полученные результаты подтверждают выводы как отечественных, так и зарубежных исследований о том, что аутоагрессивное поведение является значимым феноменом подросткового возраста и нередко связано с переходными социальными и психологическими условиями [13]. Доля учащихся среднего профессионального образования, демонстрирующих признаки аутоагрессии, в нашем исследовании составила 38,2%, что сопоставимо с данными метаанализа, проведенного Р. Плениер и коллегами (2021), где средняя распространенность немедицинских самоповреждений у подростков в выборках из разных стран колебалась в пределах 17–46% [14].

Выявленные гендерные различия согласуются с наблюдениями исследователей, согласно которым девушки чаще демонстрируют вербальные формы аутоагрессии, а юноши – более рискованные физические действия [15]. Такое распределение может быть связано как с особенностями эмоциональной регуляции, так и с социальными нормами, влияющими на способы выражения деструктивных импульсов. Тенденция к увеличению частоты аутоагрессивных проявлений у старших курсов обучения в СПО находит подтверждение в исследовании S. Whitlock (2018), показавшем, что длительное пребывание в стрессовой образовательной и социальной среде без адекватных механизмов поддержки повышает вероятность развития устойчивых паттернов самоповреждающего поведения. В условиях СПО под-

Таблица 1.

Частотность и формы аутоагрессивного поведения в исследуемой выборке.

форма аутоагрессии	общая частота (%)	девушки (%)	юноши (%)	U-критерий	p-значение
вербальная аутоагрессия	27,8	34,5	20,6	3987	$< 0,01$
физическое самоповреждение	14,6	12,7	16,7	4265	$< 0,05$
эпизоды, требовавшие медпомощи	8,0	7,3	8,8	–	н/з*

* н/з – незначимые различия

ростки часто сталкиваются с необходимостью ранней профессиональной самоидентификации, резким изменением окружения, а также снижением уровня родительского контроля [15; 4, с. 27].

Связь депрессивной симптоматики с физическими формами аутоагрессии, обнаруженная в нашем исследовании ($r = 0,46$), совпадает с выводами A. Hamza и M. Willoughby (2020), которые указывают, что депрессивные состояния могут не только усиливать деструктивные импульсы, но и снижать субъективную ценность сохранения физического благополучия [12]. Обнаруженная отрицательная корреляция между самооценкой и вербальной аутоагрессией ($r = -0,39$) также согласуется с работами отечественных психологов (Киселева, 2020), подчеркивающих роль негативного самовосприятия в формировании аутоагрессивных сценариев поведения. Полученные данные согласуются с выводами отечественных авторов [2, с. 719; 6, с. 142] о высокой роли депрессии и социальной изоляции в формировании аутоагрессивного поведения у подростков. В отличие от школьной среды, СПО характеризуется меньшей степенью внешнего контроля и большей возможностью уклоняться от формального надзора, что способствует закреплению деструктивных стратегий совладания.

Обнаруженные гендерные различия в частоте и форме аутоагрессии соотносятся с зарубежными исследованиями [14], в которых установлено, что девушки чаще используют аутоагрессию как способ эмоциональной разрядки, а юноши – как элемент рискованного поведения. Сопоставление полученных данных с мировой статистикой позволяет предположить, что профилактические программы в СПО должны учитывать не только

психологическое состояние подростков, но и особенности их социального окружения, включая условия проживания и доступ к неформальным группам поддержки.

Результаты исследования по конкретным формам аутоагрессии представлены в виде следующей диаграммы (рис. 1):

Выводы

Новизна проведенного исследования заключается в том, что оно рассматривает аутоагрессивное поведение в конкретной социальной среде среднего профессионального образования, где совокупность академических, межличностных и личностных факторов формирует особый профиль риска. Полученные результаты позволяют уточнить представления о распространенности и формах аутоагрессии у данной группы, а также выявить статистически значимые связи с депрессивными симптомами и самооценкой, что может быть использовано при разработке адресных профилактических программ.

Проведенное исследование показало, что аутоагрессивное поведение встречается у значительной части подростков, обучающихся в учреждениях среднего профессионального образования, при этом выявлены гендерные различия в его формах: девушки чаще демонстрируют вербальные проявления, а юноши склонны к физическим действиям, сопряженным с риском для здоровья. Установлена положительная корреляция между уровнем депрессивной симптоматики и частотой физических самоповреждений, а также отрицательная связь между самооценкой и вербальной аутоагрессией.

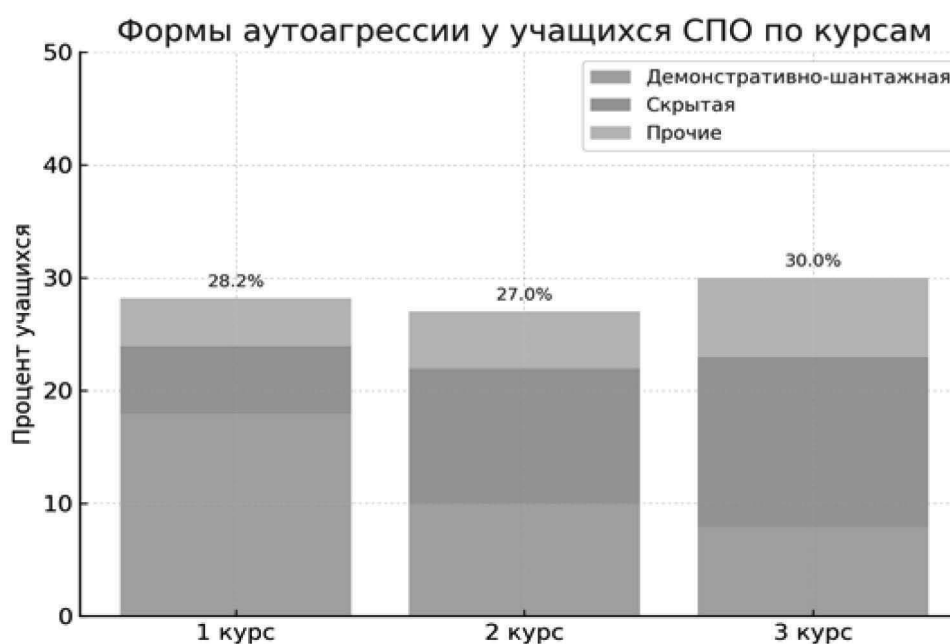

Рис. 1. Формы аутоагрессии у учащихся СПО по курсам.

Данные закономерности согласуются с результатами как отечественных, так и зарубежных исследований и указывают на необходимость разработки специализированных программ психологической поддержки для подростков СПО. Полученные резуль-

таты позволяют уточнить представления о социально-психологических механизмах аутоагрессии в данной группе и могут служить эмпирической основой для профилактических и коррекционных мероприятий в образовательной среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бибилова З.Л., Казиева А.Т. Аутоагрессивное поведение подростков: теоретические аспекты и социальные последствия // *Universum: психология и образование*. 2025. №5 (131). С. 26–28.
2. Волкова Е.Н. Профилактика агрессивного поведения детей и подростков в образовательной среде: направления работы на основе результатов исследования // *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*. 2021. № 4. С. 715–720.
3. Голубь А.В. Аутоагрессивное поведение детей и подростков как объект исследований в образовательной практике // *Психология и педагогика: актуальные вопросы науки и практики*. 2024. № 6. С. 3–8.
4. Горюнова Н.И., Добряков Д.А. Аутоагрессивное поведение как фактор суицидального риска у подростков // *Тюменский медицинский журнал*. 2013. №3. С. 27
5. Гузнародова А.С., Костенко А.А. Психолого-педагогическая профилактика аутоагрессии в подростковом возрасте // *Экономика и социум*. 2023. №4-1 (107). С. 518–522.
6. Курочкина В.Е., Васильева М.И. Смыслоразнозначные ориентации подростков с аутоагрессивным поведением // *Педагогика: история, перспективы*. 2021. Т. 4, № 3. С. 139–148.
7. Минздрав РФ. Отчёт о состоянии психического здоровья детского и подросткового населения РФ за 2022 год. – М.: Минздрав РФ, 2022. – 96 с.
8. Росстат. Здравоохранение в России. 2023: Статистический сборник. – М.: Росстат, 2023. – 174 с.
9. Ташбулатова Г.Ш. Аутоагрессивное поведение детей и подростков как социальная и психолого-педагогическая проблема // *Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы*. 2020. №1 (53). С. 137–146
10. Чернова Н.В., Ким А.В. Обзор российских и зарубежных исследований аутоагрессии у подростков // *Психология и педагогика: актуальные вопросы науки и практики*. 2022. № 6. С. 262–271
11. Яковлев Б.П., Литовченко О.Г. Аутоагрессивные тенденции современных подростков // *Фундаментальные исследования*. 2004. № 3. С. 92–94
12. Hamza C.A., Willoughby T. Nonsuicidal self-injury and suicidal behavior: A latent class analysis among youth // *Journal of Adolescence*. – 2020. – Vol. 80. – P. 19–27. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.02.008
13. Muehlenkamp J.J., Claes L., Havertape L., Plener P.L. International prevalence of adolescent nonsuicidal self-injury and associations with mental health // *Child and Adolescent Psychiatry and Mental Health*. – 2022. – Vol. 16, No. 1. – P. 4. DOI: 10.1186/s13034-021-00439-7
14. Plener P.L., Schumacher T.S., Munz L.M., Groschwitz R.C. The longitudinal course of nonsuicidal self-injury and deliberate self-harm: a systematic review of the literature // *Borderline Personality Disorder and Emotion Dysregulation*. – 2021. – Vol. 8. – P. 16. DOI: 10.1186/s40479-021-00164-4
15. Whitlock J., Muehlenkamp J., Eckenrode J. Variation in nonsuicidal self-injury: identification and features of latent classes in a college population of emerging adults // *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2018. – Vol. 47, No. 2. – P. 234–247. DOI: 10.1080/15374416.2015.1105137
16. World Medical Association. World Medical Association Declaration of Helsinki: ethical principles for medical research involving human subjects // *JAMA*. – 2013. – Vol. 310, No. 20. – P. 2191–2194. DOI: 10.1001/jama.2013.281053.

© Королёв Даниил Михайлович (mr.korolev22@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАБОТА В МАЛЫХ ГРУППАХ КАК МЕТОД ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛогоВ

Павленко Алексей Николаевич

Аспирант, Московский институт психоанализа;
Директор, Институт групповой терапии «Интеграция»,
(г. Москва)
panpavlenko22@gmail.com

SMALL GROUP WORK AS A METHOD OF FORMING PROFESSIONAL IDENTITY OF PSYCHOLOGY STUDENTS

A. Pavlenko

Summary: The article deals with the technology of team teaching as a method of forming professional identity of psychology students. A detailed analysis of the structure and methodological foundations of the technology is presented, which includes four fundamental elements: strategic team building, systematic feedback, practice in solving professional problems, and a system of mutual evaluation. The sequence of six key stages of technology realization in the educational process is described. The effectiveness of team-based learning technology for the development of professional identity of future psychologists through the creation of conditions for active professional interaction, solving practical problems and developing professional competencies is substantiated. The results of empirical research confirming the advantages of this technology over traditional training formats both in the aspect of academic performance and in the context of professional development of students are presented.

Keywords: team teaching technology, professional identity, psychology students, small groups, professional competencies, mutual evaluation, feedback, practice-oriented learning, team interaction.

Аннотация: В статье рассматривается технология командного обучения как метод формирования профессиональной идентичности студентов-психологов. Представлен подробный анализ структуры и методологических основ технологии, включающей четыре основополагающих элемента: стратегическое формирование команд, систематическую обратную связь, практику решения профессиональных задач и систему взаимного оценивания. Описана последовательность шести ключевых этапов реализации технологии в образовательном процессе. Обоснована эффективность технологии командного обучения для развития профессиональной идентичности будущих психологов через создание условий для активного профессионального взаимодействия, решения практических задач и развития профессиональных компетенций. Представлены результаты эмпирических исследований, подтверждающие преимущества данной технологии перед традиционными форматами обучения как в аспекте академической успеваемости, так и в контексте профессионального становления студентов.

Ключевые слова: технология командного обучения, профессиональная идентичность, студенты-психологи, малые группы, профессиональные компетенции, взаимное оценивание, обратная связь, практико-ориентированное обучение, командное взаимодействие.

Актуальность исследования работы в малых группах как метода формирования профессиональной идентичности студентов-психологов обусловлена несколькими важными факторами. В современных условиях развития высшего образования особую значимость приобретает подготовка высококвалифицированных психологов, способных эффективно решать профессиональные задачи и осознающих себя как представителей профессионального сообщества. Формирование профессиональной идентичности является ключевым аспектом становления будущего специалиста, однако традиционные методы обучения не всегда обеспечивают достаточный уровень её развития. Работа в малых группах представляет собой перспективный метод активного обучения, который создает условия для моделирования профессиональных ситуаций, развития профессионально важных качеств и навыков межличностного взаимодействия. При этом в научной литературе недостаточно изучены механизмы влияния групповой работы на формирование профессиональной идентичности студентов-психологов, что определяет необходимость

более глубокого исследования данной проблемы. Кроме того, современные требования к компетенциям психолога предполагают развитие навыков командной работы и коллаборации, которые наиболее эффективно формируются именно в условиях малых групп. Исследование данной темы также актуально в контексте цифровизации образования и необходимости адаптации методов групповой работы к условиям дистанционного и смешанного обучения. Решение этих вопросов позволит повысить качество профессиональной подготовки психологов и способствовать более успешному формированию их профессиональной идентичности.

С целью анализа содержания понятия «работа в малых группах» мы обратились к концепции, которая наиболее распространена в работах зарубежных исследователей – к «командному обучению» (с англ. «Team-Based Learning»).

Технология командного обучения (далее – ТБЛ) представляет собой инновационную стратегию активного

обучения и групповой работы, обеспечивающую студентам возможность практического применения теоретических знаний посредством структурированной последовательности учебных активностей, включающих самостоятельную подготовку, командное взаимодействие и оперативную обратную связь [10]. Данная методология была создана и впервые внедрена профессором Ларри Майклсеном в 1980-х годах в США для оптимизации образовательного процесса в бизнес-школах. Разработка ТБЛ стала ответом на вызовы, связанные с увеличением численности обучающихся и снижением эффективности традиционного лекционного формата в больших аудиториях [7].

ТБЛ позволяет организовать увлекательный образовательный процесс для значительного контингента студентов, обеспечивая своевременную обратную связь, вовлечение обучающихся в процесс принятия решений и стимулируя продуктивные дискуссии как в малых группах, так и на уровне всей аудитории. Существенным преимуществом данной технологии является её направленность не только на трансляцию информации, но и на формирование навыков применения знаний через решение концептуальных и практических задач [9].

В последнее десятилетие ТБЛ получила широкое распространение в системе психологического образования как ресурсоэффективная, студентоцентрированная педагогическая технология, зачастую рассматриваемая в качестве альтернативы проблемно-ориентированному обучению (далее – ПБО) [4]. Сохраняя преимущества групповых форм обучения, ТБЛ отличается меньшей потребностью в преподавательском составе. В настоящее время наблюдается тенденция к расширению применения ТБЛ в различных образовательных контекстах и направлениях подготовки психологов.

ТБЛ представляет собой инновационный подход к студентоцентрированному обучению, эффективно интегрируясь с технологией «перевернутого класса» в психологическом образовании. Аудиторные занятия в формате ТБЛ реализуются как интерактивное обучение под руководством компетентных специалистов, позволяющее организовать работу значительного числа студентов в малых группах для решения практико-ориентированных задач.

В структуре технологии командного обучения (ТБЛ) можно выделить следующие ключевые этапы [3, с. 200-202]:

1. Предварительная самостоятельная подготовка (продолжительность 1-2 часа). Данный этап предполагает самостоятельное освоение студентами учебных материалов, включая изучение литературы и просмотр видеолекций, размещенных на образовательной платформе. Материалы предоставляются обучающимся заблаговременно, как

правило, за неделю до аудиторного занятия, и содержат базовые теоретические концепции, необходимые для эффективного участия в последующих этапах;

2. Индивидуальное тестирование готовности (ИТГ) (10 минут). Данная процедура направлена на стимулирование предварительной подготовки студентов и включает 10 тестовых заданий множественного выбора с пятью альтернативами и одним оптимальным ответом. Тестирование проводится в дистанционном формате до начала аудиторного занятия, при этом результаты не предоставляются студентам непосредственно после выполнения;
3. Групповое тестирование готовности (ГТГ) (15 минут). На этом этапе студенты в командах повторно отвечают на идентичные тестовые задания. В процессе коллективного обсуждения участники должны достичь консенсуса относительно каждого ответа;
4. Оперативная обратная связь и разъяснение материала (25 минут). Преподаватель, используя подготовленные презентационные материалы, анализирует результаты командной работы. На основе сопоставления результатов ИТГ и ГТГ определяется глубина и фокус обратной связи, особое внимание уделяется вопросам, вызвавшим затруднения или разногласия;
5. Решение практического психологического кейса (95 минут). Данный этап направлен на развитие профессионального мышления и навыков принятия решений в контексте будущей профессиональной деятельности. Команды одновременно работают над анализом аутентичного психологического случая, связанного с темой занятия. Формат предполагает активное межгрупповое взаимодействие, где каждая команда представляет и аргументирует свои решения, опираясь на научно-обоснованный подход;
6. Подведение итогов (5 минут). Заключительный этап предоставляет возможность для рефлексии образовательных результатов, устранения возможных неясностей и проведения финальной оценки понимания материала. Эффективным приемом завершения занятия является формулирование ключевых выводов либо коллективно, либо посредством представления каждой командой одного значимого вывода по изученной теме.

Данная структурированная последовательность этапов обеспечивает системность и эффективность образовательного процесса, сочетая индивидуальную и групповую работу с активной обратной связью и практическим применением полученных знаний.

ТБЛ принципиально отличается от традиционных

образовательных подходов своей фундаментальной направленностью на практическое применение теоретических концепций в процессе решения профессиональных задач, выходя за рамки простой трансляции учебного материала. Многочисленные эмпирические исследования убедительно демонстрируют эффективность данной технологии, фиксируя значимые позитивные эффекты в образовательных результатах обучающихся [5], [11].

Современные метааналитические исследования и систематические обзоры подтверждают преимущества ТБЛ в сравнении с традиционными лекционными форматами как в аспекте субъективного опыта студентов, так и в отношении объективных показателей академической успешности [8]. Интерактивная природа данной технологии создает оптимальные условия для развития коммуникативных компетенций и навыков профессиональной коллаборации будущих психологов, что представляет особую ценность в контексте их профессионального становления.

Архитектура ТБЛ позволяет эффективно решать актуальные проблемы ресурсного обеспечения современного высшего образования. Ключевым преимуществом технологии является возможность организации групповой работы значительного контингента обучающихся при минимальном количестве преподавателей-фасилитаторов. Встроенные в структуру ТБЛ механизмы контроля предварительной подготовки обеспечивают высокую мотивацию студентов к самостоятельному освоению теоретического материала, что соответствует принципам «перевернутого обучения» и позволяет оптимизировать использование аудиторного времени.

Существенная часть контактной работы отводится на развитие навыков решения профессиональных задач и критического мышления, что способствует более глубокому усвоению учебного материала и формированию устойчивых профессиональных компетенций. Таким образом, ТБЛ представляет собой научно обоснованную и практически валидизированную образовательную технологию, отвечающую современным требованиям к подготовке специалистов-психологов.

В структуре ТБЛ можно выделить следующие четыре основополагающие элемента:

1. Стратегическое формирование и координация команд [12]

Распределение студентов по командам должно осуществляться посредством прозрачной процедуры, исключающей формирование групп на основе существующих межличностных связей и обеспечивающей гетерогенность состава по ключевым характеристикам (академическая успеваемость, гендерный состав, об-

разовательный бэкграунд, уровень предварительной подготовки). При этом случайное распределение, хотя и предотвращает создание групп по принципу личных предпочтений, не всегда гарантирует оптимальную диверсификацию характеристик участников в каждой команде. Методологически обоснованным является поддержание стабильного состава команд на протяжении длительного периода обучения, что способствует развитию групповой динамики, формированию доверительных отношений, расширению ресурсного потенциала группы и укреплению командного духа.

2. Систематическая и оперативная обратная связь [2].

Механизм обратной связи реализуется на этапах индивидуального и группового тестирования готовности к последующим детальным разбором результатов и необходимыми разъяснениями со стороны фасилитаторов. Своевременная обратная связь является интегральным компонентом ТБЛ, обеспечивающим осознание студентами уровня освоения учебного материала. Преподаватели, используя проблемные вопросы вместо прямого информирования, способствуют развитию критического мышления обучающихся. Качественная обратная связь оказывает существенное влияние на процессы усвоения и закрепления знаний, а также на динамику командного развития.

3. Практика решения профессиональных задач [6].

В процессе анализа психологических случаев команды активизируют коллективный интеллектуальный потенциал, применяя теоретические знания, профессиональные рассуждения, этические принципы и ценностные установки для решения комплексных профессиональных задач, моделирующих реальные ситуации практической деятельности психолога. Работа с кейсами повышенной сложности способствует как индивидуальному профессиональному развитию, так и совершенствованию командного взаимодействия.

В методологии ТБЛ традиционно рекомендуется следовать принципу «четырёх S» при конструировании проблемных заданий: значимость проблемы, единство задания для всех команд, конкретность выбора и синхронность отчетов. Однако современные исследования указывают на потенциальные ограничения принципа «конкретного выбора» (единственного правильного решения) в контексте психологического образования, поскольку это может сужать пространство для профессиональной дискуссии и развития критического мышления. Некоторые исследователи отмечают, что адаптация ТБЛ к специфике психологического образования может потребовать модификации ряда изначально заданных методологических элементов.

4. Система взаимного оценивания обучающихся [1].

В методологии ТБЛ рекомендуется имплементация процедуры взаимного оценивания, предполагающей активное участие студентов в оценке деятельности своих коллег посредством предоставления количественной и качественной обратной связи членам команды. Однако следует учитывать, что оценка коллег не всегда демонстрирует достаточную валидность и надежность в оценке профессионального поведения обучающихся. В связи с этим данный инструмент целесообразно использовать преимущественно для формативной оценки, а не в качестве элемента итогового контроля.

Процедура взаимного оценивания выполняет мотивационную функцию, стимулируя конструктивное участие студентов в групповой работе и способствуя развитию персональной ответственности. Более того, опыт предоставления и получения конструктивной обратной связи представляет собой значимую профессиональную компетенцию будущих психологов. Практика взаимного оценивания способствует формированию профессиональных навыков и подготовке к будущей деятельности в качестве специалистов, которым предстоит участвовать в процессах профессиональной супервизии и интервизии. Систематическая и эффективная обратная связь содействует закреплению профессиональных паттернов поведения, развитию рефлексивных способностей и профессиональной осознанности.

Методологически обоснованная система взаимного оценивания, включающая механизмы предоставления и получения обратной связи, рассматривается как один из ключевых факторов эффективности ТБЛ. В научной литературе представлены различные подходы к организации процедуры взаимного оценивания, преимущественно ориентированные на оценку вклада студентов в командную работу и групповую продуктивность, а не на оценку их предметных знаний.

Среди существующих моделей оценки в контексте ТБЛ можно выделить «метод Коулза», интегрирующий количественную и качественную обратную связь [13]. Особенностью данного метода является то, что итоговая оценка формируется с учетом как качества работы студента (оцениваемого коллегами), так и качества предоставляемой им обратной связи. Такой комплексный подход способствует развитию профессиональных компетенций в области предоставления и получения конструктивной обратной связи, что имеет особую значимость в контексте подготовки специалистов-психологов.

Полагаем, что ТБЛ способствует формированию профессиональной идентичности студентов-психологов через несколько взаимосвязанных механизмов и компонентов.

Во-первых, организация работы в гетерогенных командах с постоянным составом создает микросреду профессионального сообщества, где студенты развивают навыки профессиональной коммуникации и коллаборации. Длительное взаимодействие в стабильных командах способствует формированию доверительных отношений, развитию групповой динамики и профессиональной рефлексии, что является важным аспектом профессиональной идентичности психолога.

Во-вторых, работа с аутентичными психологическими кейсами позволяет студентам погружаться в реальный контекст профессиональной деятельности. В процессе анализа сложных случаев они активизируют теоретические знания, развивают профессиональное мышление, осваивают профессиональную этику и ценности, что способствует интериоризации профессиональной роли психолога.

В-третьих, система взаимного оценивания формирует важнейшие профессиональные компетенции психолога - навыки предоставления и получения конструктивной обратной связи. Этот опыт особенно ценен для будущей профессиональной деятельности, где специалистам предстоит участвовать в процессах супервизии и интервизии. Практика взаимного оценивания развивает профессиональную рефлексия и способствует формированию профессионального самосознания.

Особую роль играет командное решение профессиональных задач, где студенты учатся применять коллективный интеллектуальный потенциал, вырабатывать согласованные профессиональные решения, аргументировать свою позицию с опорой на научно-обоснованный подход. Это способствует формированию профессионального мышления и освоению профессионального дискурса.

Важно отметить, что ТБЛ создает условия для активного конструирования профессиональной идентичности через моделирование реальных ситуаций профессиональной деятельности, развитие профессионально важных качеств и навыков межличностного взаимодействия. Технология способствует не только усвоению профессиональных знаний, но и формированию целостного представления о профессии психолога, осознанию себя как части профессионального сообщества.

Кроме того, интерактивная природа ТБЛ и её направленность на практическое применение теоретических концепций создают оптимальные условия для развития профессиональной компетентности и уверенности в своих профессиональных возможностях, что является важным компонентом профессиональной идентичности. Систематическая работа в формате ТБЛ способствует закреплению профессиональных паттернов поведения, развитию рефлексивных способностей и профессиональной

осознанности, что в совокупности формирует устойчивую профессиональную идентичность будущих психологов.

На основании вышеизложенного приходим к следующим выводам:

- Технология командного обучения (ТБЛ) представляет собой инновационную студентоцентрированную стратегию активного обучения, обеспечивающую практическое применение теоретических знаний через структурированную последовательность учебных активностей. ТБЛ эффективно интегрируется с технологией «перевернутого класса» и позволяет организовать продуктивную работу значительного числа студентов в малых группах;
- Структура ТБЛ включает в себя шесть последовательных этапов: предварительная самостоятельная подготовка, индивидуальное тестирование готовности, групповое тестирование готовности, оперативная обратная связь и разъяснение материала, решение практического психологического кейса, подведение итогов;
- В основе ТБЛ лежат четыре основополагающих элемента: стратегическое формирование и координация гетерогенных команд с поддержанием

их стабильного состава, систематическая и оперативная обратная связь, практика решения профессиональных задач, система взаимного оценивания обучающихся;

- ТБЛ способствует формированию профессиональной идентичности студентов-психологов через: создание микросреды профессионального сообщества в стабильных командах, моделирование реальных профессиональных ситуаций при работе с кейсами, развитие навыков профессиональной коммуникации и коллаборации, формирование опыта конструктивной обратной связи, активизацию профессионального мышления и рефлексии, освоение профессиональных ценностей и этических принципов, развитие критического мышления и навыков принятия решений

Эмпирические исследования подтверждают эффективность ТБЛ как в отношении академической успеваемости, так и в аспекте развития профессиональных компетенций будущих психологов. Технология создает оптимальные условия для формирования целостной профессиональной идентичности через интеграцию теоретических знаний с практическим опытом в контексте активного профессионального взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеев С.В., Войлокова Е.А., Курукалова Е.С., Тепкеева В.В. Особенности использования приема взаимного оценивания для развития гибких навыков у студентов неязыковых вузов // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 2. – С. 74–80.
2. Барина Ю.М. Педагогическая коммуникация в условиях цифровизации образования // В сборнике: Устойчивое развитие: геополитическая трансформация и национальные приоритеты. Материалы XIX Международного конгресса с элементами научной школы для молодых ученых. В 2-х томах. Отв. редакторы выпуска: А.В. Семёнов, П.Н. Кравченко. Москва. – 2023. – С. 526–538.
3. Психология и педагогика: учебник для вузов / В.А. Сластенин [и др.]; под общей редакцией В.А. Сластенина, В.П. Каширина. — Москва: Издательство Юрайт. — 2024. — 520 с.
4. Тихонова Т.А. Педагогическая стратегия командного обучения в преподавании дисциплины «анатомия человека» студентам - клиническим психологам // В сборнике: Современные проблемы науки и образования. Материалы международных научных конференций, проведенных Академией Естественных наук (Международной ассоциацией ученых, преподавателей и специалистов). Москва. – 2023. – С. 64–66.
5. Bleske B.E., Remington T.L., Wells T.D., Klein K.C., Guthrie S.K., Tingan J.M., Marshall V.D., Dorsch M.P. A randomised crossover comparison of Team-based learning and lecture format on learning outcomes // Am J Pharm Educ. – 2016. № 80(7). – Article 120.
6. Burgess A., Bleasel J., Haq I., Roberts C., Garsia R., Robertson T., Mellis C. Team-based learning (TBL) in the medical curriculum: better than PBL? // BMC Med Educ. – 2017. – № 17. – Pp. 240–243.
7. Burgess A., McGregor D., Mellis C. Applying established guidelines to team-based learning programs in medical schools: a systematic review // Acad Med. – 2014. – № 89. – Pp. 678–688.
8. Fatmi M., Hartling L., Hillie T., Campbell S., Oswald A.E. The effectiveness of team-based learning on learning outcomes in healthprofessions education: BEME Guide No. 30 // Med Teach. – 2013. – № 35. – 12 p.
9. Huggett K.N., Jeffries W.B. SpringerLink. An introduction to medical teaching // 2nd ed: Dordrecht, Springer Netherlands. – 2014. – Pp. 69–71.
10. Parmelee D., Michaelsen L.K., Cook S., Hudes P.D. Team-based learning: a practical guide: AMEE guide no 65 // Med Teach. – 2012. – № 34. – Pp. 275–287.
11. Reimschisel T., Herring A.L., Huang J., Minor T.J. A systematic review of the published literature on team-based learning in health professions education // Med Teach. – 2017. – № 39. – Pp. 1227–1237.
12. Roberts C., Jorm C., Gentilcore S., Crossley J. Peer assessment of professional behaviours in problem-based learning groups // Med Educ. – 2017. – № 51. – Pp. 390–400.
13. Roberts C., Jorm C., Gentilcore S., Crossley J. Peer assessment of professional behaviours in problem-based learning groups // Med Educ. – 2017. – № 51. – Pp. 390–400.

© Павленко Алексей Николаевич (panpavlenko22@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕФОРМАЦИЯ ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ, ПРИЧИНЫ, ПРОФИЛАКТИКА

Распопин Евгений Владимирович

кандидат психологических наук, доцент, Уральский
юридический институт МВД России (г. Екатеринбург)
ev73@mail.ru

PROFESSIONAL DEFORMATION OF THE PERSONALITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: FEATURES OF MANIFESTATION, CAUSES, PREVENTION

E. Raspopin

Summary: The purpose of the study was to study the features of the manifestation and causes of professional deformity in law enforcement officers, to consider ways of their psychological correction and prevention. The study was conducted on a sample of 40 employees. To collect empirical material on the causes of occupational deformity and ways to prevent it, a written survey of employees was conducted, the results of which were processed using content analysis. It was found that the main forms of deformity are indifference to people and their problems, nervousness and emotional instability, rudeness and harshness in communication, workaholicism, etc. The main causes of deformation are high workloads, communication with disadvantaged citizens, incompetence of managers, problems in the team, etc. The main ways to correct and prevent deformity are individual work with a psychologist, careful professional selection of managers, psychological work with a team, active personal and family life, rest and physical recovery, etc.

Keywords: professional deformation, psychological correction, psychological prevention, professional activity, law enforcement officers.

Аннотация: Целью исследования выступило изучить особенности проявления и причины профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел, рассмотреть способы их психологической коррекции и профилактики. Исследование проводилось на выборке сотрудников в количестве 40 человек. Для сбора эмпирического материала о причинах деформации и способах ее профилактики был проведен письменный опрос сотрудников, результаты которого обрабатывались при помощи контент-анализа. Было установлено, что основными формами проявления деформации выступают равнодушие к людям и их проблемам, нервозность и эмоциональная неустойчивость, грубость и резкость в общении, трудоголизм и т.д. Основными причинами деформации являются высокие служебные нагрузки, общение с неблагополучными гражданами, некомпетентность руководителей, проблемы в коллективе и др. В качестве основных способов коррекции и профилактики деформации выступают индивидуальная работа с психологом, тщательный профессиональный отбор руководителей, психологическая работа с коллективом, активная личная и семейная жизнь, отдых и физическое восстановление и т.д.

Ключевые слова: профессиональная деформация, психологическая коррекция, психологическая профилактика, служебно-профессиональная деятельность, сотрудники органов внутренних дел.

Введение

Проблема профессиональной деформации является одним из основных факторов, оказывающих негативное влияние на состояние психологического здоровья сотрудников органов внутренних дел и эффективность их служебно-профессиональной деятельности [2, 3, 6].

В целом, профессиональная деформация представляет собой изменение профессиональных возможностей и личности сотрудника в асоциальную сторону, возникающее в результате негативных особенностей содержания, организации и условий служебной деятельности [1].

Также деформация представляет собой постепенно накопившиеся изменения структуры деятельности и личности, негативно сказывающиеся на продуктивности труда и взаимодействии с другими участниками этого процесса, а также на развитии самой личности [9].

Основными факторами риска профессиональной деформации являются эмоциональные перегрузки, стрессогенный характер службы, общение с представителями групп риска и т.д. [5].

Особенности профессиональной деформации проявляются в следующем:

- грубость и резкость в общении;
- неискренность, подозрительность, презрительное отношение к окружающим;
- шаблонность, стереотипность мышления, склонность к обвинениям в адрес окружающих, уверенность в собственной правоте;
- произвольное толкование закона;
- необоснованное привлечение лиц к уголовной или административной ответственности;
- коррупция [10].

Таким образом, профессиональная деформация затрагивает нравственную, интеллектуальную, эмоциональную

и собственно профессиональную сферу сотрудника [7].

Исходя из этого, профилактика профессиональной деформации должна быть направлена на формирование устойчивости к негативным факторам оперативно-служебной деятельности, конфликтным ситуациям и овладение сотрудниками приемами и методами психологической саморегуляции [8].

Отмечается, что для профилактики профессиональной деформации необходимо расширять штат психологической службы, развивать наставничество, разрабатывать программы профилактики профессиональной деформации применительно к конкретным подразделениям с учетом специфики их служебной деятельности [4].

В качестве конкретных мер профилактики профессиональной деформации могут рассматриваться:

- плановые переводы на другую работу (смена сфер деятельности, один раз в 5-10 лет);
- возможность реального продвижения по служебной лестнице;
- материальное и моральное стимулирование на основе индивидуального подхода;
- планирование и обеспечение служебной перспективы;
- систематическая самоподготовка и самообразование;
- выработка привычки соблюдать закон [11].

Таким образом, проблема профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел сохраняет высокую степень актуальности. В связи с этим, **целью** исследования выступило изучить особенности проявления и причины профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел, рассмотреть способы их психологической коррекции и профилактики.

Методы

Для сбора эмпирического материала о причинах профессиональной деформации и способах ее профилактики был проведен письменный опрос сотрудников, который включал следующие вопросы:

1. Какие негативные черты и качества личности появились у Вас за время службы (по Вашему мнению и/или по мнению окружающих)?
2. Какие причины, по Вашему мнению, приводят к негативным изменениям личности и характера у сотрудников ОВД за время службы?
3. Какие, по Вашему мнению, существуют способы психологической профилактики и коррекции развития негативных черт личности и характера у сотрудников ОВД за время службы?

Опрос проводился на выборке сотрудников в количестве 40 человек. Стаж службы сотрудников составляет

от 2 до 19 лет.

Результаты опроса обрабатывались при помощи контент-анализа. Процедура контент-анализа сводилась к выделению основных тематических категорий и подсчету процентного содержания этих категорий в ответах респондентов. Также был использован корреляционный анализ (применялся бисериальный коэффициент корреляции).

Результаты

По результатам опроса были выявлены следующие негативные качества личности, которые сформировались у сотрудников под влиянием профессиональной деятельности:

1. равнодушие, безразличие, черствость к людям и их проблемам (этот вариант отметили 20 % респондентов);
2. нервозность, раздражительность, эмоциональная неустойчивость (18 %);
3. грубость, жесткость, резкость в общении (15 %);
4. трудоголизм, неспособность отвлекаться от работы (10 %);
5. категоричность суждений и мышления, избыточная придирчивость и строгость, дотошность (8 %);
6. агрессивность (5 %);
7. тревожность, депрессивность (5 %);
8. лень, апатия, безразличие к делу, отсутствие мотивации (5 %);
9. низкая культура речи, мат, ненормативная лексика (5 %);
10. повышенная утомляемость (5 %);
11. пессимизм, отсутствие веры в людей и в справедливость (3 %);
12. лживость, неискренность, склонность скрывать правду (3 %);
13. равнодушие к себе, потеря себя, своей индивидуальности и идентичности (3 %).

25 % опрошенных отметили, что негативных качеств за время службы у них не развилось.

При этом чем больше стаж службы, тем чаще отмечается такое качество, как лживость, неискренность ($r = 0,32$ при $p \leq 0,05$).

В качестве причин профессиональной деформации сотрудники выделяют:

1. высокие нагрузки, переработки, ненормированный рабочий день, дефицит отдыха (35 %);
2. общение с неблагополучными лицами, негатив со стороны граждан и общества (30 %);
3. некомпетентность руководителей (хамство и грубость, невнимание к личному составу, низкие личностные и управленческие качества и т.д.) (23 %);

4. проблемы в коллективе (неблагоприятный климат, проблемные сотрудники, конфликты и т.д.) (23 %);
5. стрессы, нервное напряжение, эмоциональные нагрузки, риск (20 %);
6. дефекты системы, приводящие к нивелированию, обесцениванию личности сотрудников (избыточный контроль и давление, тотальное подчинение и дисциплина, подавление воли и личности сотрудников, ориентация на наказания, а не на поощрения) (13 %);
7. нехватка личного времени и времени на общение с семьей, нарушение баланса работа – дом (8 %);
8. низкая заработная плата (8 %);
9. дефицит кадров (5 %);
10. формализм, избыток бессмысленной и бесполезной работы (статистика, отчетность и т.п.) (5 %).

При этом чем больше стаж службы, тем чаще сотрудники называют такие причины, как дефицит кадров ($r = 0,47$ при $p \leq 0,01$) и нехватка личного времени ($r = 0,41$ при $p \leq 0,01$).

Наконец, сотрудники предлагают следующие способы профилактики и коррекции профессиональной деформации:

1. индивидуальная работа с психологом (психологические консультации, психологическое просвещение, психотерапия) (28 %);
2. тщательный профессиональный отбор руководителей (20 %);
3. психологическая работа с коллективом, направленная на его сплочение, формирование благоприятного социально-психологического климата (20 %);
4. хобби и увлечения, активная личная и семейная жизнь (15 %);
5. отдых и физическое восстановление, наличие свободного времени для отдыха (13 %);
6. стабильный рабочий график (10 %);
7. оптимизация методов управления и организации труда, грамотное распределения нагрузки и обя-

занностей, совершенствование системы поощрений и мотивации (10 %);

8. саморазвитие, самоконтроль и саморегуляция, самостоятельная мотивация (8 %);
9. смена деятельности, разнообразие на службе, переобучение и периодическая смена профиля работы (8 %);
10. повышение заработной платы (5 %);
11. решение кадрового вопроса (решение проблемы дефицита кадров, тщательный отбор на службу) (3 %);
12. повышение доверия и уважения к сотрудникам со стороны граждан и общества (3 %);

При этом 18 % опрошенных считают, что способов профилактики и коррекции профессиональной деформации не существует.

Заключение

Таким образом, проблема профессиональной деформации в деятельности сотрудников органов внутренних дел сохраняет высокую степень актуальности.

По результатам исследования было установлено, что основными формами проявления деформации выступают равнодушие к людям и их проблемам, нервозность и эмоциональная неустойчивость, грубость и резкость в общении, трудоголизм и т.д. Основными причинами деформации являются высокие служебные нагрузки, общение с неблагополучными гражданами, некомпетентность руководителей, проблемы в коллективе и др. В качестве основных способов коррекции и профилактики деформации выступают индивидуальная работа с психологом, тщательный профессиональный отбор руководителей, психологическая работа с коллективом, активная личная и семейная жизнь, отдых и физическое восстановление и т.д.

Полученные результаты могут использоваться для организации психологической работы по профилактике и коррекции профессиональной деформации у сотрудников органов внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Диденко-Чинтимур Д.С. Гаврилова Т.В. Влияние процессов профессиональной деформации на формирование девиантного поведения сотрудников органов внутренних дел, психологическая профилактика девиантного поведения // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 5. – С. 35–40.
2. Дроздова В.М. Негативные проявления профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Молодой ученый. – 2024. – № 3 (502). – С. 356–359. – URL: <https://moluch.ru/archive/502/110334/> (дата обращения: 24.06.2025).
3. Корнеева Я.А., Симонова Н.Н. Профессиональная личностная деформация сотрудников органов внутренних дел // Организационная психология. – 2020. – Т. 10. – № 2. – С. 80–106.
4. Корсун К.И., Задорина М.А. Профилактика профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел: психолого-педагогический и организационно-правовой аспекты // Полицейская деятельность. – 2022. – № 6. – С. 49–61. DOI: 10.7256/2454-0692.2022.6.39456 EDN: UFIMYJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39456 (дата обращения: 24.06.2024).
5. Лапшин В.Е., Шаманин Н.В. Профессиональная деформация сотрудников органов внутренних дел с различным стажем работы на примере инспектора

- по делам несовершеннолетних // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 3(52). – С. 76–84.
6. Пашкин С.Б., Черных А.Н., Саркисова Е.А. Особенности профессиональных деформаций сотрудников органов внутренних дел // Актуальные проблемы военно-научных исследований. – 2022. – № 3 (23). – С. 228–245.
 7. Секретева К.С. О психологических предпосылках формирования профессионализма и профессиональной деформации личности у сотрудников органов внутренних дел // Современные гуманитарные исследования. – 2011. – № 2. – С. 190–193.
 8. Сорокина Ю.Н. О деформации правосознания и профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Научная сокровищница образования Донетчины. – 2021. – № 2. – С. 95–99.
 9. Стригуненко И.К. Профессиональная деформация личности сотрудника органов внутренних дел: анализ, причины и пути преодоления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 12. – С. 123–126.
 10. Творогова Н.Н. Проблема профессионально-нравственной деформации личности сотрудников органов внутренних дел как девальвация морали и нравственности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 4 (14). – С. 346–352.
 11. Шелепова М.А. Актуальные вопросы профилактики профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2020. – № 2. – С. 53–57.

© Распопин Евгений Владимирович (ev73@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОПИНГ-СТРАТЕГИИ И ВОЛЕВОЙ РЕСУРС ПОДРОСТКА В СИТУАЦИИ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БУДУЩЕГО

Фещенко Евгений Константинович

кандидат психологических наук, доцент, Институт
ядерной энергетики (филиал) СПбПУ в г. Сосновый Бор;
Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого,
feshenko_ek@spbsru.ru

COPING STRATEGIES AND VOLITIONAL RESOURCE OF A TEENAGER IN A SITUATION OF UNCERTAINTY OF THE PROFESSIONAL FUTURE

E. Feshchenko

Summary: The current situation on the labor market, characterized by high dynamism and uncertainty, creates significant difficulties for the professional self-determination of adolescents. The study of the relationship between the volitional sphere of the individual and the mechanisms of coping behavior in the context of professional choice is an urgent task of developmental and educational psychology. The work uses a set of theoretical research methods: a comparative analysis of scientific literature on the problems of volitional regulation and coping behavior, structural and functional modeling to establish relationships between the components of will and specific coping strategies, as well as the method of interdisciplinary synthesis. It has been established that volitional qualities suppress maladaptive forms of behavior and mediate their influence through an increase in the level of self-efficacy of the individual. Two opposite coping profiles are identified and described: «proactive subject of choice» and «passive object of circumstances». Developed volitional regulation transforms the perception of professional uncertainty from a threat into a field of opportunities, providing a basis for conscious and active construction of a professional trajectory. The obtained results substantiate the need to shift the emphasis in psychological and pedagogical support of career guidance from the information component to the targeted development of the volitional sphere of adolescents as a key condition for their successful adaptation to modern challenges of the labor market.

Keywords: volitional regulation, coping strategies, professional self-determination, professional choice, adolescence, uncertainty, coping behavior.

Аннотация: Современная ситуация на рынке труда, характеризующаяся высокой динамичностью и неопределённостью, создаёт значительные трудности для профессионального самоопределения подростков. Исследование взаимосвязи между волевой сферой личности и механизмами совладающего поведения в контексте профессионального выбора представляет собой актуальную задачу возрастной и педагогической психологии. В работе применён комплекс методов теоретического исследования: сравнительно-сопоставительный анализ научной литературы по проблемам волевой регуляции и копинг-поведения, структурно-функциональное моделирование для установления взаимосвязей между компонентами воли и специфическими стратегиями совладания, а также метод междисциплинарного синтеза. Установлено, что волевые качества подавляют дезадаптивные формы поведения и опосредуют своё влияние через повышение уровня самоэффективности личности. Выявлены и описаны два противоположных копинг-профиля: «проактивный субъект выбора» и «пассивный объект обстоятельств». Развитая волевая регуляция трансформирует восприятие профессиональной неопределённости из угрозы в поле возможностей, обеспечивая основу для осознанного и активного построения профессиональной траектории. Полученные результаты обосновывают необходимость смещения акцента в психолого-педагогическом сопровождении профориентации с информационной составляющей на целенаправленное развитие волевой сферы подростков как ключевого условия их успешной адаптации к современным вызовам рынка труда.

Ключевые слова: волевая регуляция, копинг-стратегии, профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, подростковый возраст, неопределённость, совладающее поведение.

Введение

Современный рынок труда характеризуется высокой динамичностью и неопределённостью, вызванными процессами глобализации, цифровизации и трансформации социально-экономических систем [1]. Эти изменения кардинальным образом усложняют процесс профессионального самоопределения для современных подростков, которые вынуждены делать жизненно важный выбор в условиях непредсказуемости запросов будущего. Ситуация неопределённости профессионально-

го будущего порождает значительный психологический стресс, требующий от старшеклассников мобилизации внутренних ресурсов для конструктивного преодоления возникающих трудностей [2].

Ключевым психологическим механизмом совладения со стрессом являются копинг-стратегии, понимаемые как когнитивные и поведенческие усилия личности по управлению требованиями, оцениваемыми как превышающие её ресурсы [3]. В контексте профессионального выбора эффективность совладающего поведения

напрямую зависит от уровня развития волевой регуляции, которая рассматривается как системообразующий ресурс личности [4]. Волевая регуляция, включающая процессы целеполагания, планирования, самоконтроля и коррекции действий, позволяет подростку не только пассивно адаптироваться к давлению обстоятельств, но и активно формировать свою профессиональную траекторию, преодолевая как внешние препятствия, так и внутренние сомнения.

Однако, несмотря на очевидную теоретическую взаимосвязь, эмпирические исследования, рассматривающие роль волевого ресурса в выборе конкретных копинг-стратегий при профессиональном самоопределении, остаются фрагментарными. Большинство работ анализируют данные феномены изолированно, и либо фокусируются на копингах [5], либо на волевых качествах [6] без изучения их интегративного влияния на успешность выбора.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения того, как развитые волевые качества детерминируют предпочтение активных, проблемно-ориентированных копинг-стратегий, позволяющих подростку эффективно справляться со стрессом неопределённости и трансформировать его в осознанный и самостоятельный профессиональный выбор.

Целью работы является выявление характера взаимосвязи между уровнем развития волевой регуляции и доминирующими копинг-стратегиями у старшеклассников в ситуации профессионального самоопределения.

Методы исследования

В соответствии с целью исследования, направленного на теоретико-аналитическое изучение взаимосвязи копинг-стратегий и волевого ресурса подростков в контексте профессионального выбора, применён комплекс методов, адекватных природе анализируемого знания.

Ведущим методом исследования выступил теоретический анализ научной литературы. В его рамках применён сравнительно-сопоставительный анализ для систематизации и критического осмысления различных психологических подходов к пониманию структуры волевой регуляции и классификаций копинг-поведения. Это позволило выявить общее и особенное в трактовке ключевых понятий и создать целостную концептуальную схему для их дальнейшего синтеза. Кроме того, для обеспечения глубины и всесторонности анализа задействован метод междисциплинарного синтеза, позволивший интегрировать знания из смежных областей: психологии личности, возрастной психологии, психологии труда и организационной психологии. Это способ-

ствовало более объёмному пониманию феномена профессиональной неопределённости как комплексного стресс-фактора. Все методы применялись системно, что обеспечило логическую строгость, обоснованность выводов и достижение цели исследования.

Результаты

Проведённый анализ позволил выявить комплекс взаимосвязей между структурными компонентами волевого ресурса подростка и спецификой предпочитаемых им копинг-стратегий в ситуации неопределённости профессионального будущего. Центральным результатом исследования стало построение интегративной модели, в которой волевая регуляция выступает не просто коррелятом, а системообразующим фактором, определяющим выбор и эффективность конкретных способов совладания.

Установлено, что ядро волевого ресурса, включающее целеполагание, инициативность, настойчивость и самоконтроль, формирует проактивную личностную позицию, необходимую для преодоления стресса, связанного с неопределённостью. В частности, способность к самостоятельному и реалистичному целеполаганию [7], прямо обуславливает выбор проблемно-ориентированных копингов, таких как «планирование решения проблемы» и «поиск информации» [8]. Подросток с развитым целеполаганием воспринимает профессиональную неопределённость не как угрозу, а как вызов, требующий анализа альтернатив и построения последовательных шагов, что смещает его копинг-поведение в конструктивное русло. Инициативность, понимаемая как готовность к активным действиям в новой ситуации, выступает ключевым предиктором стратегий, направленных на взаимодействие с социальным окружением (поиск социальной поддержки), и поиска инструментальной помощи (консультации психолога, профориентационные тесты), а не ухода в пассивное ожидание [4].

Важнейшим результатом является выявление роли настойчивости как фактора сопротивления деструктивным копинг-стратегиям. Подростки с низким уровнем настойчивости, столкнувшись с первыми трудностями (например, высокой конкуренцией в желаемой сфере или необходимостью дополнительной подготовки и обучения), демонстрируют склонность к стратегиям избегания и дистанцирования [9]. Напротив, развитая настойчивость позволяет сохранять приверженность выбранному курсу, рассматривающему неудачу как опыт и продолжать деятельность несмотря на внешние и внутренние препятствия, что соответствует копингу «принятие ответственности».

Самоконтроль и волевой самоконтроль эмоций [10] показали себя как критически важные компоненты для

регуляции эмоционального состояния в процессе совладания. Они напрямую подавляют импульсивные, дезадаптивные поведенческие реакции (например, агрессию или капитуляцию) и снижают интенсивность использования эмоционально-ориентированных стратегий, таких как «подавление эмоций» или «самообвинение». Это позволяет подростку сохранять когнитивные ресурсы для анализа ситуации и поиска решений, а не для борьбы с негативными переживаниями.

Кроме того, анализ подтвердил опосредованную роль волевого ресурса через повышение уровня самоэффективности [11]. Уверенность в своей способности достигать поставленных целей, которая формируется через успешное преодоление трудностей благодаря волевым усилиям, сама по себе становится мощным психологическим ресурсом. Высокая самоэффективность напрямую связана с выбором активных копингов и снижением тревожности перед лицом неопределённости [12]. Сравнительная характеристика копинг-профилей в ситуации профессиональной неопределённости приведена в таблице 1.

Таким образом, результаты теоретического анализа демонстрируют, что развитый волевой ресурс не просто сопутствует, а является фундаментальной основой для формирования адаптивного копинг-поведения. Он позволяет подростку трансформировать пассивное переживание стресса от неопределённости в активный, осознанный и целенаправленный процесс поиска и построения своего профессионального пути, минимизируя риски дезадаптации, импульсивного выбора или полного отказа от принятия решения.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ подтвердил центральную гипотезу о том, что волевой ресурс выступает системообразующим фактором, детерминирующим выбор и

эффективность копинг-стратегий подростка в ситуации профессиональной неопределённости. Полученные результаты позволяют утверждать, что развитая волевая регуляция не просто коррелирует с адаптивным поведением, а трансформирует саму воспринимаемую природу стресс-фактора, из непреодолимой угрозы неопределённости превращается в поле возможностей, требующее активного исследования и планирования [13]. Это перекликается с положениями ресурсного подхода Хобфолла [14], согласно которому личностные ресурсы, к которым относится воля, позволяют индивиду не только сохранять психологическое благополучие, но и порождать новые ресурсы в процессе совладания, создавая «восходящую спираль» адаптации.

Обнаруженная специфическая связь между отдельными компонентами воли и конкретными копинг-стратегиями имеет важное значение. Так, выявленная роль целеполагания как предиктора планирования и поиска информации согласуется с моделью осознанного выбора, где именно этап целеобразования является отправной точкой для осмысленной профессиональной деятельности. Это также подтверждает данные работы [3] о том, что волевая регуляция начинается с создания и поддержания образа будущего результата. С другой стороны, установленная ключевая роль настойчивости в противодействии избеганию расширяет понимание дезадаптивного копинга. Получается, что избегание, это не просто недостаток активных стратегий, а прямое следствие неспособности противостоять фрустрации и сохранять приверженность цели при столкновении с первыми же трудностями, что актуализирует понятие «толерантности к неопределённости» как производной волевой устойчивости [15].

Заключение

Проведённое исследование позволяет утверждать, что волевой ресурс играет системообразующую роль в

Таблица 1.

Сравнительная характеристика копинг-профилей в ситуации профессиональной неопределённости.

Критерий	Профиль «Проактивный субъект выбора» (высокий уровень волевого ресурса)	Профиль «Пассивный объект обстоятельств» (низкий уровень волевого ресурса)
Доминирующий тип копинга	Проблемно-ориентированный, адаптивный	Эмоционально-ориентированный, дезадаптивный
Ключевые стратегии	Планирование, поиск информации, принятие ответственности, поиск инструментальной поддержки	Избегание, дистанцирование, самообвинение, подавление эмоций
Восприятие неопределённости	Как вызова и поля возможностей	Как угрозы и источника тревоги
Локус контроля	Внутренний: вера в то, что результат зависит от собственных усилий	Внешний: ожидание, что решение примут другие (родители, случай), или что ничего нельзя изменить
Роль самоэффективности	Высокая: уверенность в своей способности справиться с трудностями выбора	Низкая: ожидание неудачи, обесценивание своих способностей
Риски	Рациональный анализ может привести к откладыванию решения при избытке информации	Импульсивный, конформный или отсроченный выбор; профессиональная дезадаптация

процессе профессионального самоопределения подростков в условиях неопределённости. Анализ выявил взаимосвязи между компонентами волевой регуляции и выбором конкретных копинг-стратегий. Развитые волевые качества (целеполагание, инициативность, настойчивость и самоконтроль) формируют психологический фундамент для активного и осознанного преодоления трудностей профессионального выбора.

Ключевым практическим выводом работы является необходимость пересмотра традиционных подходов к профориентации. Вместо акцента на информировании

о профессиях, приоритет должен быть смещён в сторону развития личностного потенциала учащихся. Целенаправленное формирование волевой сферы через психолого-педагогические программы и тренинги позволит подросткам не пассивно ожидать решений, а активно конструировать свою профессиональную траекторию.

Таким образом, развитие волевого ресурса становятся стратегическим направлением подготовки молодёжи к осознанному профессиональному выбору в условиях быстро меняющегося рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Човдырова, Г.С. Копинг-стратегии личности при адаптации к стрессу / Г.С. Човдырова, О.А. Пяткина // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2021. – Т. 26, № 1 (84). – С. 41–47.
2. Красникова, Т.В. Социально-педагогические условия коррекции копинг-стратегий у подростков с акцентуациями характера / Т.В. Красникова // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – № 72-1. – С. 205–209.
3. Lazarus, R. S. Stress, Appraisal, and Coping / R. S. Lazarus, S. Folkman. – New York: Springer Publishing Company, 1984. – 456 p.
4. Симатова, О.Б. Копинг-ресурсы и копинг-стратегии как показатели адаптационного потенциала подростков / О.Б. Симатова // Akademicka Psychologie. – 2016. – № 1. – С. 50–57.
5. Пономарева, И.В. Защитно-совладающее поведение в подростковом и юношеском возрасте / И.В. Пономарева // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. – 2021. – Т. 10, № 2 (38). – С. 150–157.
6. Бодров, В.А. Проблема преодоления стресса. Ч. 3: Стратегии и стили преодоления стресса / В.А. Бодров // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 3. – С. 106–116.
7. Дубинина, А.С. Особенности копинг-стратегии у детей подросткового возраста / А.С. Дубинина // Молодой учёный. – 2019. – № 14 (252). – С. 60–64.
8. Косаткина, М.Н. Возрастные особенности подростков и методы организации образовательного процесса / М.Н. Косаткина, Е.С. Брыскина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2 (58). – С. 502–509.
9. Хломов, К.Д. Копинг-стратегии и образовательная среда подростков / К.Д. Хломов, А.А. Бочавер, А.А. Корнеев // Социальная психология и общество. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 180–199.
10. Моросанова, В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010. – № 1. – С. 36–45.
11. Бандура, А. Теория социального научения / А. Бандура. – Санкт-Петербург: Евразия, 2000. – 320 с.
12. Тарасова, Н.В. Проблема формирования копинг-стратегий по преодолению трудных жизненных ситуаций в студенческом возрасте / Н.В. Тарасова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2023. – Т. 13, № 4. – С. 212–228.
13. Станибула, С.А. Копинг-стратегии: развитие в онтогенезе / С.А. Станибула // Практическая социология, психология и педагогика. – 2017. – № 3. – С. 195–204.
14. Hobfoll, S.E. The Influence of Culture, Community, and the Nested-Self in the Stress Process: Advancing Conservation of Resources Theory / S.E. Hobfoll // Applied Psychology: An International Review. – 2001. – Vol. 50 (3). – P. 337–421.
15. Хиждова, О.П. Особенности копинг-стратегий и механизмов психологической защиты подростков / О.П. Хиждова // Актуальные исследования. – 2024. – № 48 (230). – С. 93–95.

© Фещенко Евгений Константинович feshenko_ek@spbsru.ru.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

COEVOLUTION OF MAN AND NATURE IN A MODERN TECHNOGENIC SOCIETY

T. Gumennikova

Summary: Human interaction with nature is a fundamental factor in the existence of human society. In today's technologically advanced society, this interaction takes on new forms due to the rapid development of technology. While technological advancements offer numerous opportunities for improving the quality of life and creating sustainable solutions for human civilization, unchecked use of modern technologies can also lead to significant environmental changes. The study of human-nature coevolution is crucial for understanding the interplay between these processes, particularly in the face of global environmental challenges.

Keywords: coevolution, sustainable development, society, technology, nature, civilization.

Гуменникова Татьяна Викторовна

аспирант, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный
педагогический университет» (г. Барнаул)
gumtavi@gmail.com

Аннотация: Взаимодействие человека с природой является основополагающим фактором существования человеческого общества. В условиях современного техногенного общества это взаимодействие приобретает новые формы, обусловленные быстрым развитием технологий. Технологический прогресс, с одной стороны, позволяет человечеству решать множество задач, связанных с улучшением качества жизни, способствует созданию устойчивых решений для развития человеческой цивилизации, однако при неконтролируемом использовании достижений современных технологий прогресс также является причиной значительных изменений в окружающей среде. Актуальность исследования коэволюции человека и природы заключается в необходимости понимания взаимного влияния этих процессов, что особенно важно в условиях глобальных экологических вызовов.

Ключевые слова: коэволюция, устойчивое развитие, общество, технологии, природа, цивилизация.

Коэволюция человека и природы является сложным процессом, включающим взаимное влияние и адаптацию. Современные технологии играют ключевую роль в этом процессе, выступая как инструмент для решения экологических проблем, так и причиной их возникновения. Технологический прогресс значительно изменил образ жизни людей, их социальные взаимосвязи и сформировал новые культурно-этические нормы. Но главное, прогресс изменил восприятие природы человеком, и способы взаимодействия с ней. Все эти изменения требуют глубокого анализа, чтобы понять, как минимизировать негативное воздействие человека на экосистемы. Здесь важным аспектом является изучение примеров успешного применения технологий для сохранения природных ресурсов, и параллельно с этим учитывать и формировать социальные и культурные взаимодействия человека с природой. Таким образом, изучение коэволюции человека и природы в условиях техногенного общества требует комплексного подхода, который будет учитывать экологические, экономические, социальные и культурные аспекты, а также будет отрицать роль технологий в этом процессе.

Термин «коэволюция» был впервые введен в научный обиход Полом Эрлихом и Питером Рейвеном в 1964 году для описания взаимного влияния эволюционных процессов различных видов друг на друга. Концепцию коэволюции уже в отношении общества и природы развил Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский в 1986 году, но наиболее значительный вклад в развитие дан-

ной темы внес Никита Николаевич Моисеев. В условиях техногенного общества это понятие, да и концепция коэволюции приобретает новое значение и новый смысл, охватывая взаимосвязь между развитием человеческой цивилизации и природой. Данная концепция опирается на необходимость понимания того, как человечество может взаимодействовать с природой, минимизируя негативные последствия своей деятельности и выстраивать пути устойчивого сосуществования.

Влияние технологий на восприятие природы неоднозначно: они могут как способствовать осознанию важности экологических проблем, так и усиливать отчуждение от природы. В этом контексте важно помнить, что «право человека на безопасную жизнь в экологически благоприятной окружающей среде» становится особенно актуальным в условиях изменения биосферы, подчеркивая необходимость этического подхода к взаимодействию человека с природой [1].

Целенаправленная деятельность человека, которую в данном контексте принято разделять на природоохранную и рекультивационную проявляется в изменении условий жизнедеятельности. Развитие возобновляемых источников энергии, таких как солнечные и ветровые электростанции способствуют снижению выбросов углекислого газа. В сельском хозяйстве внедрение умных систем управления водными ресурсами, таких как капельное орошение, позволяет сократить потребление воды на 30-60%, что особенно актуально в условиях ро-

ста численности населения и ограниченности водных ресурсов. В строительстве использование «зеленых» технологий, таких как здания с нулевым энергопотреблением, значительно снижает экологическую нагрузку на природу. Таким образом, влияние технологий на природные экосистемы может быть как деструктивным, так и созидательным, что требует осознанного подхода к их разработке и применению.

В 2025 году более 60% населения мира проживает в городах, что стало возможным благодаря развитию технологий, обеспечивающих комфортную городскую среду, но при этом это также отдаляет людей от природы. Вместе с тем такие технологии, как виртуальная реальность, цифровые платформы, социальные сети способны повышать осведомленность людей о природоохранных инициативах и применяться для повышения социальной активности населения в данном вопросе, создавать образовательные программы.

Современное общество все более осознает значимость гармоничного взаимодействия человеческой цивилизации и окружающей среды, что начинает отражаться в изменении социальных установок и приоритетов. Важную роль в формировании отношения к окружающей среде играют социальные факторы – доступ к информации, уровень образования, способность влиять на общественное мнение. Осознание экологических рисков способствует изменению поведения, направленного на сохранение природы, и стимулирует развитие технологий, минимизирующих вредное воздействие на окружающую среду. В этом контексте важно переосмыслить идеи коэволюции в современной науке, культуре и в обществе в целом. Обосновываясь на «диалогическом характере взаимодействия природы и общества в процессе коэволюции» [2]. Данное взаимодействие подчеркивает взаимосвязь социальных изменений и экологических вызовов, формируя новые подходы к решению актуальных проблем.

Концепция коэволюции – это исторический и социокультурный процесс, обусловленный технологиче-

ским развитием человеческого общества. Помимо всего данная концепция является следствием противоречия между научно-технической революцией и гармоничным сосуществованием человека и природы.

Идея коэволюции приобретает статус парадигмы и способствует преодолению антропоцентризма в современной техногенной цивилизации, где термин «антропоцен» амбивалентен, так как он отражает как возрастающую мощь человека, так и новое понимание его роли в природных процессах, где все взаимосвязано [3]. Все выше названные примеры демонстрируют, что технологии могут стать мощнейшим инструментом для достижения гармонии между человеком и природой.

Рассмотренные в статье аспекты коэволюции человека и природы в условиях современного техногенного общества подчеркивают необходимость комплексного подхода к изучению этой темы. Технологии играют двойственную роль, с одной стороны, стимулируют развитие общества, а с другой – оказывая значительное воздействие на природные экосистемы. Важным элементом коэволюции является осознание обществом своей ответственности за сохранение природы, что возможно через культурные и образовательные инициативы. Таким образом, гармоничное взаимодействие между человеком и природой возможно только при учете всех вышеуказанных факторов.

Но важно отметить, что общая стратегия ликвидации негативного воздействия от деятельности технологий еще не выработана. Но концепция коэволюции в системе человек — окружающая среда свидетельствует, что выход из критического состояния общества, связанного с использованием современных технологий, лежит в области смены технологий на рекультивационные и опоры на новые социально-культурные отношения. Но такая смена требует весьма крупных энергетических и материальных затрат у общества, но общество уже подталкивается к этому шагу естественным ходом развития человеческой цивилизации. Очевидно, и в обозримом будущем человечеству предстоит пройти через этот этап.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишаткина Т.В. Эколого-этические аспекты глобального изменения климата // Лесной вестник. — Минск, 2011. — №2. — С. 7-12.
2. Мангасарян В.Н. Коэволюционная парадигма взаимодействия общества и природы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2011. — № 3 (9): в 3-х ч. Ч. I. — С. 113-116. — ISSN 1997-292X. — URL: www.gramota.net/materials/3/2011/3-1/28.html.
3. Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В. Переосмысление социального развития в антропоцене: экономический рост и экологическая трансформация Китая // Международные отношения. — 2018. — С. 121–122.
4. Онкорова Н.Т. Цифровые технологии в экологической практике: инновационные подходы к управлению природными ресурсами // Экологический вестник Донбасса. — 2024. — № 3 (13). — С. 26–27.
5. Гуменникова Т.В. Современные стратегии и концепции взаимодействия природы и общества в условиях кризиса техногенной цивилизации // Серия: Познание. — 2024. — № 11. — С. 115. — DOI 10.37882/2500-3682.2024.11.04.

6. Бурак П.М. Козволюционная стратегия в формировании ценностных ориентаций современного общества // Наука. — 2018. — № 1. — С. 83–90.
7. Ковалев Ю.Ю., Степанов А.В., Бурнасов А.С. Концепция биофилии Э. Фромма и перспективы козволюции территориальных систем // Международные отношения. — 2019. — С. 102.
8. Сончик Д.А., Лукашевич А.В. Инновационные технологии в охране окружающей среды: маркетинговые исследования и онлайн-продвижение с использованием ИИ // 61-я Научная Конференция Аспирантов, Магистрантов и Студентов БГУИР. — Минск, 2025. — С. 1–455.
9. Царина М.А. Проблемы современной техногенной цивилизации // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. — 2018. — № 11(27). — С. [б. с.].

© Гуменникова Татьяна Викторовна (gumtavi@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: СУБЪЕКТНОСТЬ И СЕТЕВОЙ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Ланкина Мария Юрьевна

Соискатель, Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, (г. Новочеркасск)
lankinjohn@yandex.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF SELF-REGULATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: SUBJECTIVITY AND NETWORK INDIVIDUALISM

M. Lankina

Summary: This article is devoted to the socio-philosophical interpretation of self-regulation of the individual in the context of total digitalization and "networked individualism" (M. Castells), which have become key features of the late-modern risk society. The relevance of the study is determined by the growing cognitive and emotional strain caused by continuous information flows, algorithmically governed communication platforms, and the blurring of boundaries between the public and the private. The author proceeds from the premise that self-regulation, understood as a set of conscious and unconscious processes for maintaining internal balance, comprises not only neuropsychological mechanisms but also socially mediated practices, and therefore requires an integrative analysis that combines philosophical theories of subjectivity with empirical data from the humanities. The methodological basis of the study includes: critical theory of modernity (U. Beck, A. Giddens, Z. Bauman), which frames personal resilience as a response to systemic uncertainties; M. Foucault's concept of biopower and its development in the works of G. Agamben, which guide the analysis of power practices invading the body and psyche; M. Castells' network approach, describing the shift from collective identities to individualized network trajectories; and phenomenology and the holistic principles of Gestalt therapy, which introduce the category of «organismic» self-regulation. The scientific novelty of the article lies in clarifying the concept of subjectivity as a co-product of personal regulatory strategies and networked forms of socialization, as well as in introducing the category of «digital co-regulation» to describe collective mechanisms for supporting personal resilience. The practical significance lies in the development of recommendations for educational, social, and corporate policies aimed at enhancing critical media literacy, fostering emotional intelligence, and designing human-centered digital interfaces that minimize attention exploitation.

Keywords: subjectivity; self-regulation; digital environment; networked individualism; risk society; biopower; Gestalt practice; digital well-being; cognitive load; co-regulation; digital platforms; critical theory.

Аннотация: Статья посвящена социально-философскому осмыслению саморегуляции личности в условиях тотальной цифровизации и «сетевого индивидуализма» (М. Кастельс), ставших ключевыми чертами позднемоде́рного общества риска. Актуальность работы определяется ростом когнитивных и эмоциональных нагрузок, вызванных непрерывными потоками информации, алгоритмически управляемыми коммуникационными платформами и размыванием границ публичного и приватного. Автор исходит из того, что саморегуляция, понимаемая как совокупность сознательных и бессознательных процессов поддержания внутреннего равновесия, складывается не только из нейropsychологических механизмов, но и из социально опосредованных практик, — поэтому требует интегративного анализа, сочетающего философскую теорию субъектности и эмпирические данные гуманитарных исследований. Методологическую основу исследования образуют: критическая теория современности (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман), позволяющая рассматривать личную устойчивость как ответ на системные неопределённости; концепция биовласти М. Фуко и её развитие в работах Дж. Агамбена, задающие ракурс анализа властных практик, вторгающихся в тело и психику; сетевой подход М. Кастельса, описывающий переход от коллективных идентичностей к индивидуализированным сетевым траекториям; феноменология и холистические принципы гештальт-подхода, задающие категорию «организмической» саморегуляции. Научная новизна статьи состоит в уточнении понятия субъектности как со-продукта персональных регулятивных стратегий и сетевых форм социализации, а также в введении категории «цифровой ко-регуляции» для описания коллективных механизмов поддержки личной устойчивости. Практическая значимость заключается в разработке рекомендаций для образовательной, социальной и корпоративной политики, направленных на повышение критической медиаграмотности, развитие эмоционального интеллекта и создание человеко-центричных цифровых интерфейсов, минимизирующих эксплуатацию внимания.

Ключевые слова: субъектность; саморегуляция; цифровая среда; сетевой индивидуализм; общество риска; биовласть; гештальт-практика; цифровое благополучие; когнитивная нагрузка; ко-регуляция; цифровые платформы; критическая теория.

Введение

Цифровая революция последних двух десятилетий изменила не только инфраструктуру коммуникаций, но и сам способ социального бытия

субъекта. Онлайн-платформы, алгоритмические ленты и «экономика внимания» превратили повседневность в непрерывный поток уведомлений, самопрезентаций и быстрых оценочных реакций. В этих условиях человек получает беспрецедентный доступ к информации и

средствам самовыражения, но одновременно оказывается втянутым в систему постоянного внешнего стимулирования, которая подрывает устойчивость внимания и повышает уровень психоэмоционального стресса. Мануэль Кастельс описал этот сдвиг понятием «сетевой индивидуализм» – ситуацией, когда социальные связи конструируются вокруг личных интересов и целей, а принадлежность к традиционным коллективным образованиям (семье, «малой» общине, профсоюзу) теряет нормативную обязательность. В пространстве гибких и разреженных сетей свобода самоопределения сочетается с повышенной уязвимостью: субъекта больше никто «не держит», но и никто системно не страхует. Отсюда растущая актуальность саморегуляции – набора когнитивных, эмоциональных и поведенческих стратегий, позволяющих поддерживать целостность «я» и продуктивно взаимодействовать с многозадачной средой.

Проблема, которую ставит настоящая статья, носит социально-философский характер: каким образом в цифровой среде переопределяется связь между свободой и ответственностью, и какие социальные условия способствуют (или препятствуют) формированию эффективных механизмов саморегуляции? Вопрос принципиально шире психофизиологического или сугубо психологического измерения, поскольку цифровые технологии не просто воздействуют на мозг и нервную систему, а встраивают индивида в новые режимы власти, производства и потребления.

Цель исследования – обосновать саморегуляцию как центральный социально-философский ресурс конституирования субъектности в эпоху сетевого индивидуализма.

Для достижения цели решаются четыре взаимосвязанные задачи:

1. Проследить эволюцию понятия «субъект» от классики до постструктурализма и показать, как в нём укореняется идея внутренней (само)регуляции.
2. Проанализировать, каким образом цифровая среда реорганизует социальные предпосылки и практики саморегуляции.
3. Выявить парадоксальную диалектику свободы и уязвимости современного «сетевого индивида».
4. Описать институциональные и коллективные форматы поддержки (ко-регуляции), способные компенсировать риски индивидуализации.

Методологическая рамка объединяет:

- критическую теорию общества риска (У. Бек, Э. Гидденс, З. Бауман);
- концепт биовласти М. Фуко и его развитие у Дж. Агамбена, фиксирующие тонкие техники управления телом и психикой;
- сетевой подход М. Кастельса, объясняющий трансформацию социальных структур;

— феноменологические и холистические принципы гештальт-практики, вводящие категорию «организмической» саморегуляции.

Теоретико-методологические предпосылки

Классическая философия закрепила за субъектом статус автономного, рационально мыслящего «я». У Р. Декарта *cogito*, выведенное из акта сомнения, провозглашало несводимость внутренней рефлексии к внешнему миру [1]. И. Кант уточнил эту установку, описав «трансцендентальное единство апперцепции» — формальную способность сознания синтезировать чувственные данные в опыте [2]. Однако уже в XIX в. картезианско-кантовский образ начал расшатываться: у К. Маркса субъект приобретает историко-практическое измерение, реализуясь в коллективном преобразовании материальных условий; у Ф. Ницше раскрывается иррациональный «волевой» пласт субъективности, не поддающийся строгому рациональному контролю [3, 4].

Феноменология Э. Гуссерля и М. Шелера предложила видеть в субъекте центр намеренного переживания, включённого в реляционное поле «жизненного мира» [5, 6]. Экзистенциализм (М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр) сместил акцент на бытие-в-мире-с-другими, где свобода сопряжена с бременем выбора [7, 8]. Диалогическая философия М. Бубера и Л. Левинаса показала зависимость «я» от этического отношения к Другому [9, 10]. В постструктурализме (М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Дж. Батлер) субъект окончательно теряет статус неизменного ядра: он понимается как «эффект дискурса», конституируемый сетями власти-знания, языковыми структурами и социальными практиками [11, 12, 13, 14].

Эволюция концепта высвечивает растущее внимание к контекстуальным механизмам регуляции: от внутренней, суверенной рациональности к множественным внешним структурам, формирующим и направляющим субъективность. Это подводит к вопросу, каким образом субъект способен саморегулироваться, если сам уже вписан в регулирующие его социально-технические системы.

Под саморегуляцией в современной междисциплинарной литературе понимается комплекс когнитивных, аффективных и поведенческих процессов, обеспечивающих поддержание целостности и целеполагания личности во взаимодействии со средой. Психология рассматривает её через механизмы контроля внимания, подавления импульсов и управления эмоциями (Р. БаумаISTER, А. Бандура), нейронаука — через работу префронтальных сетей мозга. Социальная философия, в отличие от этих дисциплин, фокусируется не столько на внутриличностных механизмах, сколько на социальных предпосылках и ценностных матрицах, делающих саморегуляцию возможной или затруднённой [20].

В гештальт-подходе (Ф. Перлз, Л. Перлз, П. Гудман) ключевым является принцип «организмической саморегуляции»: организм спонтанно стремится к восстановлению равновесия через осознание актуальных потребностей «здесь-и-сейчас» [19]. Эта идея задаёт альтернативу линейным моделям волевого контроля — акцент переносится на согласование внутренней динамики с внешним полем контакта. В социальных терминах это означает, что личная саморегуляция опирается на качественный характер взаимодействия (диалогичность, признание, поддерживающая среда), а не только на усиление «силы воли».

Связь саморегуляции с ответственностью выводит проблему в нормативное измерение. Если субъектность понимается как способность отвечать за последствия своих действий, то устойчивые регулятивные навыки становятся необходимым условием моральной и гражданской дееспособности. При этом сама ответственность исторически меняет фокус: в эпоху неолиберального индивидуализма она всё чаще трактуется как сугубо личная «самоменеджерская» компетенция, что смещает системные риски (экономические, экологические, цифровые) внутрь психики индивида.

Исследование опирается на несколько взаимодополняющих теоретических перспектив.

1. Теория общества риска У. Бека и Э. Гидденса описывает современность как фазу, где индустриально произведённые риски (климатические, техногенные, цифровые) становятся глобальными и рефлексивными: общество вынуждено всё время осмысливать и управлять собственными побочными эффектами [15, 16]. Саморегуляция здесь выступает частным способом обращения с неопределённостью, тогда как сетевые институты перекладывают ответственность на «индивидуального потребителя безопасности».
2. Сетевой подход М. Кастельса фиксирует переход от «массового общества» к гибким сетям, где узлы (акторы) соединяются не по месту и классу, а по интересам и проектам. Концепт «сетевого индивидуализма» подчёркивает, что связи становятся более персонализированными, но менее устойчивыми. В такой архитектуре субъект вынужден самостоятельно администрировать своё участие в множестве слабосвязанных контуров, что повышает требования к когнитивной и эмоциональной регуляции [17].
3. Концепт биовласти М. Фуко, развитый Дж. Агамбен, обращает внимание на проникновение властных механизмов в телесность и психику, где «управление жизнью» переходит от дисциплинарных институтов к распределённым алгоритмическим режимам [11, 18]. Цифровые интерфейсы, управляемые метрик-ориентированными алго-

ритмами, не только собирают данные о поведении, но и формируют поведенческое поле, предлагая предиктивные выборы, режимы уведомлений и «геймифицированные» циклы дофаминовогоощерения. Рассматривать саморегуляцию без учёта этой структуры власти значит игнорировать фундаментальные условия её (не)возможности.

4. Феноменология и гештальт-практика снабжают исследование микроперспективой переживания: каким образом субъект осознаёт телесные сигналы, эмоции и когнитивные импульсы в момент цифрового взаимодействия, и как социальный контекст модулирует это осознание [5, 6, 19]. Здесь критически важна категория ко-регуляции — совместного поддержания эмоционального и смыслового равновесия, возникающего в диалоге и групповой динамике.

Цифровая среда как социокультурный фактор саморегуляции

Современные интерфейсы намеренно проектируются по принципу случайного подкрепления, открытого ещё Б.Ф. Скиннером в исследованиях бихевиористики. Каждое уведомление, красный бейдж иконки или автообновление ленты формируют короткий дофаминовый цикл ожидания вознаграждения. Нейроэргономические исследования фиксируют прямую зависимость между плотностью «дигитальных прерываний» и ростом уровня кортизола, а также снижением вариабельности сердечного ритма — биомаркёра стресса. Когнитивный компонент проявляется в необходимости обрабатывать сотни несущественных сигналов подрывает способность к продуманному выбору и планированию.

Не менее мощным стрессором выступает структурная трансформация публичности. Понятие *context collapse* (D. Boyd) фиксирует исчезновение привычных рамок аудитории: записывая «сторис» или «твит», субъект обращается одновременно и к коллегам, и к семье, и к случайным подписчикам. В ответ он вынужден конструировать наименьший общий образ — часто более поверхностный, чем его офлайн-идентичность. Механизмы «рыночного» учета внимания усугубляют ситуацию. Алгоритмическая лента ранжирует контент по параметрам вовлечённости, превращая лайки, комментарии и репосты в эквивалент социального капитала, а самопрезентацию — в непрерывный проект личного бренда.

Алгоритмическое управление становится формой распределённой биовласти: пользователь формально свободен, но де-факто встроен в систему нелинейных санкций/вознаграждений, не имея прозрачных правил. Для саморегуляции это означает необходимость развивать понимание вероятностной логики платформ и критическое отношение к собственным метрикам.

В контексте саморегуляции когнитивная гибкость становится стратегическим ресурсом выхода за пределы пузыря, требуя добровольного «подтопления» привычных потоков информации.

Для низковоходных групп и жителей регионов цифровой разрыв проявляется иначе: платформа становится почти единственным каналом социальных возможностей. Отказаться от неё — значит лишиться образовательных ресурсов, фриланс-подработок, а порой и инструментов локального активизма. Здесь человек осознаёт вред чрезмерного пользования, но не может «уйти с платформы» без потери социальных шансов.

Таким образом, цифровая среда одновременно повышает требования к внутренней устойчивости и сужает возможности её поддержания, особенно для уязвимых групп. Этот «ножницы-эффект» задаёт социально-философский контекст, а вызовы цифровизации пересобирают классические категории свободы, ответственности и власти.

Социально-философский анализ саморегуляции

Ульрих Бек описывал позднемодерное общество как рефлексивное общество риска: побочные эффекты индустриального прогресса (техногенные аварии, климат, цифровые утечки) становятся всеобщими и непредсказуемыми. Нормативные ориентиры классовой эпохи — профессия, партия, локальное сообщество — размываются; «гарантированные» биографии сменяются биографиями-конструкциями. Энтони Гидденс называет этот сдвиг *«institutionalised individualism»*: социальные институты по-прежнему задают рамки, но внутри рамок человек обязан сам проектировать карьеру, отношения, тело, психическое здоровье.

Саморегуляция легко воспринимается как позитивный ресурс: она позволяет погасить тревогу, сконцентрироваться, защититься от манипуляций. Однако неолиберальная логика превращает её в коммерческий артефакт. Техники майндфулнес, «цифрового детокса», приложения по отслеживанию фокуса и сна продаются как товары для повышения «индивидуальной эффективности». В этой оптике проблемы структурного происхождения (информационный перегруз, платформенный дизайн, нестабильный рынок труда) кодируются как личный менеджмент-дефицит.

Таким образом, саморегуляция оказывается амбивалентной практикой: она действительно расширяет свободу субъекта, но одновременно становится механизмом рыночного включения, дисциплинирующим под идеал «постоянно улучшай себя».

Выводы и дискуссия

Цифровая среда, рассмотренная в предшествующих

разделах, оказалась неоднозначным социокультурным фактором. С одной стороны, она увеличивает радиус личной свободы, предоставляя субъекту практически неограниченный доступ к информации, множеству сетей и инструментам самопрезентации; с другой — внедряет в повседневность алгоритмические схемы, которые дисциплинируют внимание и эмоции, а значит — подрывают ту самую свободу, которую декларируют. Это противоречие задаёт центральный вопрос статьи: можно ли сохранить автономию, не отказываясь от преимуществ сети?

Разговор о саморегуляции выводит проблему концентрации за пределы когнитивной психологии; фокус внимания становится политико-философским ресурсом, без которого невозможны ни критическое мышление, ни участие в публичном дискурсе. Если государственные и корпоративные акторы принимают дизайн «экономики кликов» как норму, то ответственность за поддержание этого ресурса фактически перелаживается на индивида. Наш анализ показал: в одиночку субъект способен лишь частично компенсировать алгоритмический прессинг. Даже самый дисциплинированный пользователь остаётся уязвимым перед конструктивной логикой платформ, поскольку та встроена в архитектуру социальных возможностей (работа, учёба, досуг). Следовательно, защита внимания — это не только вопрос личной силы воли, но и вопрос распределённой ответственности.

В свете вышеизложенного проступают два принципиально разных сценария.

Первый — неолиберально-индивидуалистский. Он исходит из предположения, что проблемы «цифровой усталости» решаются на рынке: одни пользователи покупают медитационные приложения, другие нанимают коуча, третьи переходят на «премиум-аккаунт» без рекламы. Достоинство сценария — в гибкости; его слабость — в том, что он усиливает неравенство и превращает базовый когнитивный ресурс в товар.

Второй — экологически-солидарный. Здесь внимание рассматривается как общее благо, требующее коллективного, институционального и правового регулирования, аналогично охране воздуха или воды. Такой подход стремится к минимизации «по умолчанию» вредных паттернов интерфейса, созданию зон цифровой тишины и внедрению эмоционально-медийной грамотности в обязательные образовательные стандарты. Главная трудность сценария — политическая: он сталкивается с интересами *Big Tech* и требует согласованных решений на межгосударственном уровне.

Эти сценарии не взаимоисключающи и, возможно, придётся искать гибридную модель: рыночные сервисы поддержки — да, но внутри нормативно очерченных границ, где алгоритм не вправе эксплуатировать базо-

вые уязвимости человеческой психики.

Заключение

Рассмотрев динамику цифрового общества сквозь призму саморегуляции, мы пришли к выводу, что внимательность и эмоциональная устойчивость сегодня превращаются из личной добродетели в подлинно общественную инфраструктуру. Потоки данных, алгоритмически управляемые социальные связи, рынки самопрезентации и снижение порога публичности делают способность «собраться в едино» столь же стратегической, как в индустриальную эпоху была грамотность чтения и счёта. Однако, подобно тому, как грамотность оказалась бессмысленной без всеобщей школы, саморегуляция оборачивается утопией, если её декларировать исключительно как приватный навык.

Цифровая среда создаёт парадоксальное поле: она обещает субъекту неограниченное многообразие выборов, но одновременно внедряет архитектуры, системно истощающие когнитивный ресурс, — от бесконечной прокрутки до лихорадочных бейджей уведомлений. В таком ландшафте саморегуляция действительно остаётся механизмом защиты свободы, однако её эффективность определяется не силой воли, а коллективными условиями.

Социальная политика, в свою очередь, могла бы сместить акцент поддержки психического здоровья с индивидуального «лечения симптома» на создание публичных пространств «цифровой передышки». Муниципальная библиотека, например, предоставляет не только *Wi-Fi*, но и зоны без сигналов, где уведомления автоматически отключаются — и доступ к такой зоне становится базовой социальной услугой, подобной общественному парку.

Будущие исследования могли бы сосредоточиться на долгосрочном мониторинге эффектов «тихих интерфейсов» и «пауз осознанности» в школах и корпоративных экосистемах; на кросс-культурном сравнении моделей в странах с разными уровнями рыночной и государственной вовлечённости; наконец, на создании открытых методик аудита алгоритмов с учётом их влияния на аффективное состояние пользователя.

В конечном счёте задача состоит не в возвращении к доцифровой «тишине» и не в подчёркивании опасностей сети, а в конструировании справедливой экологии внимания, где технологии усиливают человеческий потенциал, а не поглощают его. Лишь в такой среде свобода перестанет быть привилегией тех, кто может позволить себе «цифровой детокс», и станет повседневным опытом любого гражданина сетевого общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декарт Р. Рассуждение о методе / Р. Декарт. — М.: Мысль, 1994. — 189 с.
2. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. — М.: Наука, 1998. — 872 с.
3. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. Т. 3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М.: Политиздат, 1974. — С. 3–5.
4. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. — М.: Республика, 1997. — 320 с.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. — М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. — 456 с.
6. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер. — СПб.: Наука, 1994. — 150 с.
7. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — М.: Республика, 1997. — 620 с.
8. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто / Ж.-П. Сартр. — М.: АСТ, 2006. — 816 с.
9. Бубер М. Я и Ты / М. Бубер. — М.: Республика, 1993. — 180 с.
10. Левинас Э. Тотальность и бесконечность / Э. Левинас. — СПб.: ИФ РАН, 2000. — 376 с.
11. Фуко М. Надзирать и наказывать / М. Фуко. — М.: Наука, 1999. — 350 с.
12. Деррида Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. — М.: Академический проект, 2000. — 528 с.
13. Лакан Ж. Письма Фрейду: психоанализ и субъект / Ж. Лакан. — М.: Гнозис, 1995. — 432 с.
14. Батлер Д. Беспокойство гендера / Д. Батлер. — М.: Идея-пресс, 2020. — 288 с.
15. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.
16. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс. — М.: Академический проект, 2003. — 528 с.
17. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2016. — 408 с.
18. Агамбен Дж. Что такое современное? / Дж. Агамбен. — М.: Ад Маргинем, 2013. — 144 с.
19. Перлз Ф., Перлз Л., Гудман П. Гештальт-терапия: Возбуждение и рост в человеческой личности / Ф. Перлз, Л. Перлз, П. Гудман. — М.: Класс, 2000. — 480 с.
20. Баумайстер Р., Тирни Дж. Сила воли: Перегрузка энергии воли / Р. Баумайстер, Дж. Тирни. — М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 352 с.

© Ланкина Мария Юрьевна (lankinjohn@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНАЯ УНИФИКАЦИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

SOCIAL UNIFICATION: TRANSFORMATION OF SOCIAL RELATIONS IN THE ERA OF GLOBALIZATION (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT)

V. Skopa
M. Terekhova

Summary: In the modern world, globalization processes radically change the social structure and nature of interpersonal communications. Globalization leads to a significant transformation of social ties, where traditional social structures are unified under the influence of common communicative, economic and cultural standards. Social unification is becoming a key trend that blurs traditional cultural and social boundaries. Unification creates a fundamentally new reality, where individuality is subject to serious destruction. Traditional social institutions are transformed, losing their exclusivity and originality. The process of social unification is an irreversible trend of modern global reality. Its study requires a comprehensive interdisciplinary approach that takes into account sociological, philosophical, anthropological and cultural aspects.

Keywords: social unification, stratification, social institution, philosophy, society, globalization.

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

Терехова Мария Сергеевна

Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет (г. Барнаул)

Аннотация: В современном мире процессы глобализации кардинально меняют социальную структуру и характер межличностных коммуникаций. Глобализация приводит к существенной трансформации социальных связей, где традиционные общественные структуры унифицируются под влиянием единых коммуникативных, экономических и культурных стандартов. Социальная унификация становится ключевым трендом, который размывает традиционные культурные и социальные границы. Унификация создает принципиально новую реальность, где индивидуальность подвергается серьезной деструкции. Традиционные социальные институты трансформируются, утрачивая свою исключительность и самобытность. Процесс социальной унификации является необратимым трендом современной глобальной реальности. Его изучение требует комплексного междисциплинарного подхода, учитывающего социологические, философские, антропологические и культурологические аспекты.

Ключевые слова: социальная унификация, стратификация, социальный институт, философия, общество, глобализация.

В современном мире процесс социальной унификации становится все более заметным и влиятельным социокультурным феноменом. Глобализация, технологический прогресс и массовые коммуникации формируют принципиально новые условия взаимодействия социальных групп и индивидов.

Унификация технологических стандартов, программного обеспечения и коммуникационных протоколов формирует единое техносоциальное пространство. Важно отметить, что социальная унификация – это не только объективный процесс, но и сложное противоречивое явление. Параллельно с унификацией усиливаются процессы локальной идентификации и стремление к культурному разнообразию [4, 11].

В современных общественных системах наблюдается очевидная тенденция социальной нивелировки: стираются традиционные барьеры, формируется универсальное пространство взаимодействия, где средний класс становится потенциальным прообразом глобального граждан-

ства. Как отмечает Л. Гринин, подобно интеллектуальной общности XIX века, мировой средний класс может создать новые траектории глобальной интеграции [3].

Поверхностный взгляд предполагает неизбежность формирования идеального социума без конфликтов и противоречий. Маслов В. подчеркивает, что глобализация буквально «вытаскивает» различные социальные группы из изоляции, принуждая их переосмыслить собственную идентичность [10]. Однако критический анализ обнажает противоречивость этого процесса. Унификация не только нивелирует социальные различия, но и фрагментирует внутrigрупповые коммуникации. Социальные сообщества утрачивают четкие политические ориентиры, перенаправляя энергию в русло территориальной, культурной или религиозной консолидации [12].

Результатом становится социальная автономизация: индивидуумы погружаются в состояние дезориентации, формируя безличное массовое общество. Концепция «одномерного человека» Г. Маркузе и теория «извне-ори-

ентированной личности» Д. Рисмена убедительно иллюстрируют этот феномен [1, 9]. Современный человек всё больше становится объектом манипуляций, теряя внутреннюю автономность. Конформизм, некритическое восприятие стандартов и стереотипов замещают самостоятельность мышления, порождая социальную апатию и цинизм. Таким образом, процесс глобальной унификации имеет амбивалентную природу, некий баланс между прогрессивной интеграцией и риском потери индивидуальной самобытности.

В своих теоретических суждениях Эрих Фромм диагностирует тревожную тенденцию социальной эволюции: общество превращается в гигантский механизм самовоспроизводства, где люди утрачивают индивидуальность. Появляются «человеко-машины» – существа, технически совершенные, но внутренне опустошенные. Они функционируют безупречно, но утратили здоровую эмоциональность. Общество продуцирует унифицированных индивидов, которые комфортно существуют в системе, не задумываясь о глубинных смыслах [14].

Социальная структура становится подобием сложного алгоритма, где человек – лишь элемент программы. Прежние идентификационные маркеры размываются, социальные группы трансформируются в аморфные общности.

В данном контексте уместным будет являться выявление ключевых аспектов социальной унификации.

1. Информационное выравнивание

Интернет и цифровые технологии создают единое информационное пространство, где культурные различия постепенно нивелируются. Унифицированные стандарты коммуникации, медиапотребления и визуальной культуры стирают национальные и локальные особенности.

В эпоху тотальной цифровизации и глобальных коммуникативных систем информационное выравнивание становится ключевым инструментом социальной унификации. Этот процесс представляет собой целенаправленное выравнивание информационных потоков и коммуникативных практик в различных социальных группах [8, 13]. В этой связи можно выделить основные характеристики информационного выравнивания:

1. Унификация информационных каналов. Современные медиаплатформы и социальные сети создают единое информационное пространство, где различные социальные группы получают унифицированный контент. Это приводит к формированию общих смысловых конструкций и коллективных представлений.
2. Стандартизация коммуникативных моделей. Информационное выравнивание предполагает формирование стандартных коммуникативных моделей, которые становятся универсальными для

разных социальных страт. Язык, риторика и способы подачи информации унифицируются.

3. Технологические механизмы выравнивания. Алгоритмы рекомендательных систем, искусственный интеллект и машинное обучение играют ключевую роль в процессах информационного выравнивания, создавая персонализированные, но при этом типизированные информационные потоки.

В итоге социальные эффекты информационного выравнивания приводят к снижению социальной разобщенности; формированию общих культурных кодов; упрощению межгрупповой коммуникации и созданию единого смыслового пространства. В тоже время, несмотря на позитивные аспекты, информационное выравнивание несет определенные риски, куда можно отнести потерю культурного разнообразия; редукцию индивидуальных различий; возможность манипулятивного воздействия [5]. Таким образом отчетливо видно, что информационное выравнивание – это не просто технологический процесс, а сложный социокультурный механизм трансформации современного общества. Информационная унификация является сложным многоуровневым процессом социальной интеграции. Его эффективность зависит от баланса между унификацией и сохранением индивидуальных особенностей социальных групп.

2. Экономическая стандартизация

Глобальный рынок формирует универсальные модели потребления, трудовых отношений и экономического поведения. Транснациональные корпорации выступают проводниками унификационных процессов. Экономическая стандартизация является фундаментальным механизмом, который трансформирует социальные отношения и создает единое экономическое пространство. Этот феномен выходит далеко за рамки чисто хозяйственных элементов и становится мощным инструментом социальной унификации.

К ключевым аспектам экономической стандартизации можно отнести:

1. Унификацию экономических практик. Стандартизация производственных процессов, бухгалтерского учета, трудовых отношений создает единые экономические модели, которые нивелируют локальные различия и формируют универсальные экономические поведенческие паттерны.
2. Технологическая гомогенизация. Внедрение единых технологических стандартов, международных систем менеджмента качества (ISO) и унифицированных производственных циклов приводит к созданию глобального экономического ландшафта.

Социальными механизмами влияния на экономическую стандартизацию выступают: процесс формирования универсальных трудовых компетенций; создание общих про-

фессиональных коммуникативных стратегий; унификация карьерных траекторий; стандартизация образовательных программ [6]. К числу институциональных инструментов можно отнести международные экономические организации, ВТО, ОЭСР и Международный валютный фонд.

В тоже время социальными эффектами данного процесса будет формирование глобальной экономической идентичности, размывание национальных экономических различий и создание транснационального экономического мышления. Все это во многом приводит к потенциальным рискам, где из всего массива можно выделить потерю локальной экономической самобытности; унификацию без учета культурного контекста; потенциал для усиления экономического неравенства. Таким образом, мы видим, что экономическая стандартизация – это комплексный социокультурный процесс, который выходит за рамки чистой экономической рациональности. Она становится мощным механизмом социальной интеграции, трансформируя не только хозяйственные практики, но и социальные отношения. Во всем этом, ключевым аспектом является создание гибких, адаптивных систем стандартизации, которые сохраняют баланс между универсализацией и культурным разнообразием, где экономическая стандартизация – это не просто инструмент оптимизации, а сложный социальный феномен глобальной трансформации.

3. Культурная конвергенция

Культурная конвергенция представляет собой сложный социокультурный процесс взаимопроникновения и унификации культурных практик, ценностей и норм в глобальном масштабе. Этот феномен становится определяющим механизмом трансформации современного социального пространства [6, 7]. Процесс культурной конвергенции происходит через множественные каналы: медиа, технологии, миграционные потоки, экономические взаимодействия, молодежные субкультуры.

Основными характеристиками культурной конвергенции являются:

1. Унификация культурных кодов. Процесс стирания культурных границ, формирования универсальных коммуникативных моделей и общих ценностей, которые преодолевают национальные и этнические различия.
2. Трансформация культурной идентичности. Формирование многослойной, гибридной идентичности, которая выходит за рамки традиционных национальных и этнических границ.
3. Формирование универсальных коммуникативных стратегий. Это представляет собой многоуровневый социально-психологический процесс, который характеризуется стандартизацией языковых моделей; унификацией невербальных коммуникативных сигналов; адаптацией смысловых конструкций под глобальный контекст. Результатом

всего этого будет являться формирование нового типа коммуникативной реальности, где локальные культурные коды трансформируются в универсальный социальный язык.

Массовая культура, международные тренды и глобальные молодежные субкультуры создают схожие модели поведения, ценностей и коммуникативных стратегий. В современном мире процессы взаимопроникновения культурных практик становятся всё более интенсивными, формируя принципиально новую парадигму социокультурного взаимодействия [6]. Культурная конвергенция выступает не просто механизмом обмена информацией, а сложным социальным алгоритмом унификации человеческих сообществ.

4. Трансформация традиционных социальных институтов

Социокультурная эволюция общественных механизмов затрагивает глубинные основы человеческого взаимодействия. В современном мире наблюдается радикальная перезагрузка существующих социальных конструкций, где классические модели семьи, образования и коммуникации претерпевают кардинальные изменения. Ключевые трансформационные векторы включают:

1. Реконфигурацию семейных моделей: размытие традиционных гендерных ролей, легитимацию альтернативных форм партнерства, усложнение родительских стратегий.
2. Цифровую реинкарнацию образовательных траекторий: персонализация обучающих маршрутов, доминирование дистанционных и гибридных форматов, непрерывное переобучение как новая парадигма.
3. Изменения коммуникативных практик: сетевая солидарность поверх географических границ, трансформация идентичностей в виртуальном пространстве, новые модели межличностного взаимодействия.

Все эти процессы демонстрируют фундаментальный сдвиг в социальной архитектонике.

5. Создание наднационального культурного пространства

Формирование глобального культурного ландшафта представляет собой сложный многовекторный процесс взаимопроникновения и синтеза различных цивилизационных кодов [4, 8]. К ключевым механизмам конструирования наднационального культурного пространства можно отнести:

1. Информационную конвергенцию, которая включает в себя унификацию медиaprостранства, стирание национальных коммуникативных барьеров и формирование транснационального культурного контекста.

2. Цифровую интеграцию, которая содержит в себе универсальные платформы коммуникации, мгновенный обмен смыслами и контентом, а также создание наднационального сетевого сообщества;
3. Гибридизация культурных практик, что раскрывается размытием этнических границ, появлением новых метакультурных форм, плюралистической моделью идентичности;
4. Эволюция языковых стратегий представлена доминированием мультилингвальных коммуникаций, глобальным английским как универсальным кодом, трансформацией лингвистических архетипов.

В результате мы получаем изоморфное культурное пространство с высокой степенью взаимопроницаемости.

Б. Технологическая однородность

Технологическая конвергенция как глобальный феномен трансформирует традиционные парадигмы технологического развития, формируя унифицированную среду инновационных решений. К основным характеристикам технологической однородности можно отнести:

1. Универсализация технологических платформ – стандартизация интерфейсов, унификация программных систем, редукция технологических различий между регионами.
2. Синхронизация инновационных циклов – параллельное развитие технологических кластеров, огромное тиражирование научных разработок, минимизация временных лагов между изобретениями;
3. Интеграционные технологические тренды – кон-

вергенция искусственного интеллекта, универсальные алгоритмические решения, наднациональные исследовательские консорциумы;

4. Унификация технологической инфраструктуры – глобальные коммуникационные протоколы, стандартизация технических регламентов, размытие технологических границ между экономиками.

В итоге, всего этого, происходит формирование гомогенного технологического ландшафта с высокой степенью взаимодополняемости.

Современные философы, социологи рассматривают унификацию как амбивалентный процесс, который несет в себе как потенциал развития, так и существенные ограничения для индивидуального и общественного развития. Перспективы социальной унификации связаны с поиском баланса между глобальными стандартами и локальными культурными особенностями, сохранением уникальности при интеграции в общемировые процессы.

Таким образом, глобализация приводит к существенной трансформации социальных связей, где традиционные общественные структуры унифицируются под влиянием единых коммуникативных, экономических и культурных стандартов. Этот процесс характеризуется размытием локальных идентичностей, формированием наднационального социального пространства и универсализацией человеческих взаимодействий. Социальная унификация – сложный, многоуровневый процесс трансформации общественных отношений, который требует постоянного научного осмысления и критического анализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Perroux F. La Coexistence pacifique. Vol. III. Paris : Universitaires de France, 1958.
2. Бек У. Что такое глобализация? // Ошибки глобализации – ответы на глобализацию / пер. с нем. А. Григорьева, В. Седельника; общ. ред. и послесл. А.Филлипова. М., 2001.
3. Гринин Л.Е. Глобализация тасует мировую колоду (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс) // Век глобализации. 2013. № 2.
4. Иоселиани А. Антропология глобального мира: Человек в современной информативно-информационной сфере // Век глобализации. 2013. № 2.
5. Канклини П. К гибридным культурам? // Ключи от XXI века: сб. ст. М., 2004.
6. Костина А.В. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2004.
7. Лебон Г. Психология народов и масс / пер. с фр. А. Фридмана и Э. Пименовой. СПб., 1896.
8. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискуссионные матрицы. М., 2005.
9. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / Г. Маркузе; пер. с англ., послесл., примеч. А.А. Юдина; сост., предисл. В.Ю. Кузнецова. М.: АСТ, 2002.
10. Маслов В. Роль образования в современном мире // Век глобализации. 2013. № 2.
11. Салихов Г.Г. Проблема идентичности в условиях глобализации // Век глобализации. 2011. № 1.
12. Скопа В.А., Терехова М.С. Дифференциация и интеграция социальных отношений: социально-философский анализ // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2024. № 12. С. 123-126.
13. Степин В.С. Наука, религия и современные проблемы диалога культур // Наука и религия: междисциплинарный и кросс-культурный диалог: науч. тр. М., 1996.
14. Фромм Э. Здоровое общество. М., 2023.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru), Терехова Мария Сергеевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЫ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

COGNITIVE FOUNDATIONS OF THE SYSTEMIC PARADIGM: HISTORICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

V. Tishchenko

Summary: The paper analyzes the problem of conceptual ambiguity that remains in the scientific community regarding the understanding of systems research and the «system project» itself. Particular attention is paid to the study of the intellectual origins of the «general systemic doctrine» (German: Allgemeine Systemlehre), developed by Ludwig von Bertalanffy.

Keywords: general systems theory, systems research, systems thinking.

Тищенко Виктор Иванович

Кандидат философских наук, Федеральное
государственное учреждение «Федеральный
исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук» (г. Москва)
vtichenko@mail.ru

Аннотация: В статье анализируется проблема концептуальной неоднозначности, сохраняющейся в научном сообществе относительно понимания системных исследований и самого «системного проекта». Особое внимание уделено исследованию интеллектуальных истоков «общей системной доктрины» (нем., Allgemeine Systemlehre), разработанной Людвигом фон Берталанфи.

Ключевые слова: общая теория систем, системные исследования, системное мышление.

Введение

Зарождение системных идей традиционно ассоциируется в общественном сознании с публикационной активностью Людвига фон Берталанфи в середине XX столетия. Фундаментальной вехой стало появление в 1950 году в «British Journal for the Philosophy of Science» его программной работы «Очерк общей теории систем» [1]. Параллельно в издании «Science» увидела свет не менее значимая статья «Теория открытых систем в физике и биологии» [2], а в 1968 году – труд «Общая теория систем», интегрировавший предшествующие концептуальные наработки [3]. В указанных работах вводилось понятие «системы», и особо подчеркивалось, что системы обладают инвариантными свойствами, независимыми от их конкретной формы, и, соответственно, «общая теория систем» применима к системам «любого типа независимо от природы их элементов и взаимодействий между ними» [3, р. 32].

Введение системных идей в научный дискурс радикально трансформировало эпистемологический ландшафт, поставив под сомнение предшествовавшие редукционистские методологии и актуализировав проблему переосмысления природы научного познания.

В этой связи проведённое далее в статье рассмотрение генезиса системного мышления представляет собой не просто исторический контекст, но необходимое условие для понимания природы системных идей. И таким образом, историко-генетический анализ — не вспомога-

тельный, а фундаментальный аспект системного познания, позволяющий выявить эпистемологические рамки системной парадигмы.

1. Истоки формирования «Allgemeine Systemlehre»: междисциплинарный анализ

Современное положение системного мышления, восходящее к работам фон Берталанфи, невозможно адекватно оценить через простое рассмотрение актуальных системных концепций. Как отмечал сам фон Берталанфи, для оценки тенденций в системном мышлении необходимо рассматривать его в историческом контексте идей, повлиявших на становление этой парадигмы [4, р. 407]. Такой анализ важен как для теоретического осмысления, так и для практического применения системного подхода.

Концепт «общей теории систем» был первоначально сформулирован Берталанфи в 1920-1930-х годах в немецкоязычных работах как «Allgemeine Systemlehre» («Общая системная доктрина»). При этом следует отметить, что семантика термина «Lehre» существенно шире использованного англоязычного эквивалента «theory»¹. Однако Берталанфи сознательно предпочел термин «теория» в англоязычных публикациях 1950-х годов для успешной интеграции его идей в англосаксонский научный дискурс.

Характерной особенностью системного мышления выступает его глубокая концептуальная взаимосвязь с «организмическим подходом». Генезис данного феноме-

¹ Термин «Lehre» подразумевает систематизированный корпус знаний, «доктрину», что ближе к концептуальной схеме, нежели к формализованной математической теории [5].

на коренится в синкретическом объединении системных концептов с органическими биологическими аналогиями, отчетливо прослеживающимися в работах фон Берта-ланфи и получившими дальнейшее развитие в трудах его последователей [6, р. 121-123]. Как известно, в 1930-е годы им был выдвинут ряд фундаментальных положений в области «организмической» теоретической биологии и опубликован цикл работ по философии биологии. Отчасти этим объясняется укоренившееся восприятие фон Берта-ланфи исключительно как биолога. Однако необходимо подчеркнуть, что Людвиг фон Берта-ланфи получил университетское философское образование и в 1926 году успешно защитил диссертацию по философии.

Его академический путь включал изучение истории искусств и философии с 1920 по 1924 год на философском факультете университета Инсбрука, с последующим переходом в 1924-1926 годах на философский факультет Венского университета. Работая над докторской диссертацией, он сумел интегрировать полученные знания в области метафизики, теории познания, философии культуры и биологии для обоснования правомерности рассмотрения концепции «высшего порядка интеграции» Густава Фехнера (Gustav Theodor Fechner) в качестве методологического фундамента разрабатываемой им в диссертации «метафизики жизни». Анализируя в диссертационном исследовании концепцию Фехнера как гносеологическую основу, фон Берта-ланфи впервые обратился к идее стратификации уровней организации реальности, что стало концептуальным предвосхищением его последующей «общей системной доктрины» (нем. «Allgemeine Systemlehre»). Из этого с очевидностью следует, что истоки проекта «общей теории систем» как системной интерпретации реальности следует искать, прежде всего, в основаниях формирования философского мировоззрения Берта-ланфи, а не в биологии как таковой.

Однако действительные предпосылки становления системных воззрений Людвиг фон Берта-ланфи, без понимания которых невозможно адекватно осмыслить современное системное знание, лежат еще глубже. Даже полученное им образование нельзя осмыслить вне культурно-исторического контекста эпохи, основной характеристикой которой был не только «кризис культуры», но и фундаментальный кризис мировосприятия в целом.

«Это было время после Первой мировой войны, тяжелый период, который можно представить, пережив его в потрясенной Вене. Но это также был закат старой европейской культуры и эпоха исключительной интеллектуальной напряженности. Именно тогда начался ряд процессов, значение которых стало очевидным лишь значительно позже» [7, р. 3]. Именно в этом контексте, отмеченном глубокими когнитивными проблемами, можно обнаружить подлинные истоки становления «системного» видения мира фон Берта-ланфи.

Важный аспект данного контекста связан с его гимназическими годами. До десятилетнего возраста Людвиг обучался на дому с частными преподавателями, что было, вероятнее всего, обусловлено опасениями его матери, потерявшей ранее двоих детей из-за болезней в младенчестве, что он может заболеть, посещая государственную школу [8].

Домашнее образование способствовало формированию устойчивой склонности к чтению, сделав книги основным источником его знаний. Наряду с традиционными дисциплинами, он глубоко погрузился, в соответствии с немецкой образовательной традицией того времени, в изучение классической античной литературы, что пробудило его интерес к философии, истории искусств и литературе. «Пройдя» гимназический курс и завершив его экстерном, Людвиг воспринимал свое университетское образование (что неудивительно – на философском факультете) как форму целостного, культурного постижения мира. Процесс самообразования, «культивирования себя», «самоусовершенствования» (нем. Bildung), понимаемый как приобщение к целостной идеологии науки, предстает не просто как процесс личностной самоидентификации индивида, но и как средство конструирования «образа» реальности, который предстает перед «внутренним взором» в предметной, онтологической форме. Отсюда проистекает «интерес к немецкому мистицизму, историческому релятивизму О. Шпенглера, истории искусства и другим неортодоксальным воззрениям, <что помешало> ему стать добропорядочным («good») позитивистом» [3, р. 12].

Параллельно с гуманитарными науками, Людвиг проявлял устойчивый интерес к естествознанию, особенно к биологии. Сосед по имени и друг семьи, Пауль Каммерер, известный биолог-экспериментатор (последовательный сторонник ламаркистской теории наследования приобретённых признаков) пробудил у Людвиг интерес к практической зоологии, вивисекции, познакомил с работами не только Ж.-Б. Ламарка и Ч. Дарвина, но и К. Маркса, поскольку придерживался пацифистских и социалистических взглядов. Благодаря дружбе с Паулем Каммерером, у Берта-ланфи впоследствии сложились тесные профессиональные отношения с сотрудниками Vivarium'a, «Экспериментального института биологии» (The Biologische Versuchsanstalt), основанного в 1903 году на частные средства группой ведущих австрийских биологов.

Интенсивная интеллектуальная атмосфера Вены, поиски многочисленных начинаний, претендующих на преодоление всеобъемлющего кризиса, стремление преодолеть противоречия упадка культуры – все это побудило фон Берта-ланфи обратиться к формулированию экзистенциальных идей, характеризующих целостность «жизни». Он предпринял попытку «реконструировать мир в себе как космос» и обратился к концептуальным

схемам, устанавливающим «порядок» и отношения между элементами доступной ему реальности. Представленная в форме «иерархической организации» реальности – «Allgemeine Systemlehre» («Общая системная доктрина») – стала основой для разработки беспрецедентной исследовательской программы, впоследствии получившей название «Общая теория систем».

2. Генезис и институционализация системного мышления: исторический контекст

После Второй мировой войны и в условиях начавшейся холодной войны возрос спрос на системные методы управления сложными проектами в ракетостроении, компьютерных технологиях, логистике [9]. Как следствие, «изменившийся интеллектуальный климат» 1950-х годов характеризовался сдвигом от узкоспециализированных, разрозненных исследований к поиску объединяющих принципов и обобщённых моделей, применимых в различных областях. Это изменение стало реакцией на растущую фрагментацию науки и осознание того, что многие проблемы выходят за рамки традиционных дисциплинарных границ [3, р. 90].

Рост интереса к системным идеям, поиску универсальных методов анализа систем различной природы, в англоязычном научном сообществе привел к созданию в 1954 году «Общества исследований общей теории систем»² [3, р. 15], [10]. А затем к формированию многочисленных исследовательских групп в разнообразных сферах научного познания, как в Соединенных Штатах, так и в Европе. В качестве стратегической цели ими было выбрано изучение изоморфизма концептуальных схем, теоретических моделей и закономерностей в различных предметных областях, разработка методологического инструментария и оптимизация междисциплинарных коммуникационных каналов [11].

Фундаментальной гносеологической предпосылкой формирующегося *системного движения* стала идея, что системный подход — «это способ мышления о целостных системах и их элементах» [12, р. 29]. И к середине 1970-х годов системные идеи приобрели широкое распространение не только в фундаментальных исследованиях, но и в управленческой практике («системная инженерия»). Это нашло свое отражение в аналитическом докладе комиссии Национального исследовательского совета США (National Research Council), рекомендовавшего использовать «системный анализ» в качестве проверенного метода решения сложных социальных и социотехнических проблем [13, р. 661]. На пике популярности системных идей в интеллектуальной среде обсуждалась возможность создания универсальной «метатеоретической конструкции», способной унифицировать науку.

Применение системного мышления для анализа когнитивных и проблемно-ориентированных ситуаций, как показывают исследования практики ученых и управленческих консультантов, требовало интеграции междисциплинарных знаний с широким спектром методов, описывающих организационные и поведенческие аспекты систем. Это закономерно приводило научное сообщество к необходимости параллельного обсуждения, как прикладных вопросов системной инженерии, так и фундаментальных проблем системной онтологии [14].

Однако к исходу XX века в академических кругах зазвучали критические голоса, отмечавшие снижение интереса к системной парадигме среди исследователей. На первый план вышли концепции организационного развития и стратегического управления, основанные на анализе транзакционных издержек [15, р. 608]. Этот сдвиг в исследовательских приоритетах породил скепсис относительно потенциала *общей теории систем* как метатеоретической основы для междисциплинарных исследований. В результате в начале 2000-х годов в академическом сообществе укрепилось мнение о кризисе системного мышления как методологической основы научного познания. [16, р. 143–144].

В социальных науках доминирующие позиции занял структурный функционализм, во многом благодаря влиянию *теории социальных систем* Талкотта Парсонса. Системный подход оказался на периферии научного дискурса, что привело к его институциональной изоляции. Системные исследователи концентрировались в узкопрофессиональных кругах, публикуясь в специализированных изданиях и участвуя в узко тематических конференциях. Эта замкнутость способствовала фрагментации системного движения на множество школ и направлений, каждое из которых развивало собственные концептуальные подходы.

Парадоксальным образом, в период декларируемого кризиса системного подхода происходило интенсивное развитие его методологического аппарата. Для анализа сложных управленческих проблем динамического характера была разработана *методология мягких систем* (SSM) [17]. Продолжалось совершенствование *модели жизнеспособных систем* (VSM) Стаффорда Бира, находили применение концепции сложных адаптивных и аутопоэтических систем. Однако данные инновации оставались достоянием узкого круга специалистов, не получая широкого признания в междисциплинарном научном пространстве.

Вследствие этой изоляции в организационных исследованиях сохранялась редукция системной теории к структурному функционализму, что характеризовалось

2 Позднее Общество исследований по общей теории систем (англ. Society for General Systems Research; SGSR) было реорганизовано в «Международное общество наук о системах» (International Society for the Systems Sciences, ISSS) (<https://www.iss.org/home/>).

как «функционалистская/ системная ортодоксия» [18, р. 27]. Тем не менее, указанные методологические разработки существенно трансформировали понимание системного подхода, сместив акцент на его эпистемологические и эмерджентные аспекты.

Эволюция системной парадигмы нашла отражение в изменении ее концептуальных определений. Если в 1968 году Чёрчмен рассматривал системы преимущественно через призму их структурных характеристик, то к началу XXI века в научном сообществе утвердилась трактовка Питера Сенге: «Системное мышление представляет собой концептуальную рамку, совокупность развитых за последние пятьдесят лет знаний и инструментов, которые предназначены для более легкого восприятия целостности явлений, что должно помочь в достижении изменений» [19, с. 30].

Подобный подход расширил рамки системного мышления, включив в рассмотрение не только вопрос о положении систем в среде, но и проблему их взаимодействия с позицией наблюдателя (исследователя). Таким образом, классическое противопоставление части и целого не отменилось, а дополнилось диалектикой системы и среды, что знаменовало переход от изучения структурной устойчивости к анализу устойчивости динамической [20]. В результате сформировался новый концептуальный образ системного подхода, смещающий фокус исследований в сторону нелинейного поведения систем, вопросов их возникновения и состояний, далёких от равновесия.

Трансформация понимания природы системного мышления (включая его образ и онтологические основания), произошедшая в начале 2000-х годов, имела фундаментальные последствия. Данные изменения не просто возрождают ключевую проблематику, сформулированную фон Берталанфи в 1950-60-х годах при разработке общей теории систем. Здесь проявляется когнитивный парадокс: поверхностная модернизация идей о роли систем в познании, особенно в контексте эволюции когнитивных моделей восприятия реальности, создаёт иллюзию прогресса. Однако даже пересмотр представлений о природе систем не привёл к консенсусу относительно их эпистемологического статуса — остаётся открытым вопрос, являются ли системы объектом исследования или инструментом познания.

Заключение

Системное мышление, несмотря на существующий плюрализм интерпретаций, продолжает сохранять статус ключевой эпистемологической парадигмы современной науки. Его генезис обусловлен не только биологическими, но и глубокими философскими предпосылками, культурным контекстом и традицией самосовершенствования (нем., Bildung).

Тщательная реконструкция когнитивных оснований системного подхода позволяет интерпретировать его не как жесткую онтологическую теорию, а как естественно-историческую *исследовательскую программу*, отражающую эволюцию научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bertalanffy, 1950a. An outline of general system theory // British Journal for the Philosophy of Science, 1, 134–165. 1950. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/bjps/i.2.134> (дата обращения 23.06.2025.).
2. Bertalanffy, 1950b. The Theory of Open Systems in Physics and Biology // Science. v. 111. P. 23–29. 1950. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1126/science.111.2872.23> (дата обращения 28.02.2025.).
3. Bertalanffy von L. General System Theory. Foundations, Development, Applications. New York. George Braziller. 1968. 295 p.
4. Bertalanffy von L. The History and status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal, Vol. 15, No. 4, General Systems Theory. pp. 407–426. 1972. URL: <http://www.jstor.org/stable/255139> // https://systemotechnica.ucoz.com/_fr/1/Bertalanffy_L.V.pdf.
5. Pouvreau D., Drack M. On the history of Ludwig von Bertalanffy's «General Systemology», and on its relationship to cybernetics: Part I: elements on the origins and genesis of Ludwig von Bertalanffy's «General Systemology» // International Journal of General Systems, 36(3), 281–337. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/03081070601127961> (дата обращения 15.02.2025.).
6. Burrell G., Morgan G. Sociological Paradigms and Organisational Analysis. Aldershot. UK. Gower. 1979. 444 p.
7. Bertalanffy Ludwig von. Robots, Men and Minds. Psychology in the Modern World. New York. George Braziller. 1967. 150 p.
8. Pouvreau D. The dialectical tragedy of the concept of wholeness — Ludwig von Bertalanffy's biography revisited. Exploring Unity through Diversity: Volume 1. Edited by W. Hofkirchner. ISCE Publishing: Litchfield park, AZ, 2009. 264 p. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/280096177_The_dialectical_tragedy_of_the_concept_of_wholeness_-_Ludwig_von_Bertalanffy's_biography_revisited (дата обращения 07.03.2025.).
9. Edwards Paul N. The Closed World: Computers and the Politics of Discourse in Cold War America. Cambridge, Massachusetts London, England. The MIT Press. 1996 // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.7551/mitpress/1871.001.0001> (дата обращения 23.06.2025.).
10. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системные исследования и общая теория систем. В кн.: Системные исследования. Методологические проблемы. АН СССР, Институт истории естествознания и техники. М.: «Наука», 1969. С. 7–29.
11. Hammond D. The Science of Synthesis - Exploring the Social Implications of General Systems Theory. University Press of Colorado. 2003. 333 p. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.z-lib.fm/book/551127/39e02d/the-science-of-synthesis-exploring-the-social-implications-of-general-systems-theory>.

- html?dsourсe=recommend (дата обращения 23.06.2025.).
12. Churchman C. West. The Systems Approach, Delta, New York. 1968. 244 p.
 13. Checkland P. O.R. and the Systems Movement: Mappings and Conflicts // The Journal of the Operational Research Society. Vol. 34. No. 8. pp. 661-675. 1983. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/2581700> (дата обращения 28.02.2025.).
 14. Systems Thinking. Edited by Cliff Whitcomb, Heidi Davidz and Stefan Groesser. Printed Edition of the Special Issue Published in Systems. 2000. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.mdpi.com/books/reprint/2726-systems-thinking> (дата обращения 28.02.2025.).
 15. Ashmos, D.P., Huber, G.P. (1987) The Systems Paradigm in Organization Theory: Correcting the Record and Suggesting the Future // Academy of Management Review, 12, 607-621. 1987. [Электронный ресурс] Режим доступ: <https://doi:10.5465/AMR.1987.4306710> (дата обращения 11.03.2025.).
 16. Barton J., Haslett T. Analysis Synthesis, Systems Thinking and the Scientific Method: Rediscovering the Importance of Open Systems // System. Research and Behavioral. 24, 143-155. 2007. [Электронный ресурс.]. Режим доступа: <https://doi:10.1002/sres.816> (дата обращения 28.02.2025.).
 17. Checkland P. Soft systems methodology: a thirty year retrospective // Systems Research and Behavioral Sciences. v. 17. Iss. 51. P. 11–558. 2000. [Электронный ресурс.]. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/1099-1743%28200011%2917%3A1%2B%3C%3A%3AAID-SRES374%3E3.0.CO%3B2-O> (дата обращения 28.02.2025.).
 18. Reed M. Organizational theorizing: a historically contested terrain. In Clegg, Stewart R., Hardy, Cynthia, Lawrence, Tom and Nord, Walter R., eds. The Sage Handbook of Organization Studies (2nd ed.), London: Sage. pp. 19-54. 2006. [Электронный ресурс.]. Режим доступа: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-assets/9622_book_item_9622.pdf (дата обращения 05.03.2025.).
 19. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес. 2003. 653 стр.
 20. Barton John, Emery Merrelyn, Flood Robert Louis, Selsky John W., Wolstenholme Eric A Maturing of Systems Thinking? Evidence from Three Perspectives // Systemic Practice and Action Research, Vol. 17, No. 1, pp. 3-34. 2004. [Электронный ресурс.]. Режим доступа: <https://doi:10.1023/B:SPAA.0000013419.99623.f0> (дата обращения 28.02.2025.).

© Тищенко Виктор Иванович (vtichenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Archimandritova Ju. – Independent researcher

Feshchenko E. – candidate of psychological sciences, associate professor, Institute of Nuclear Energy (branch) of SPbPU in Sosnovy Bor; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Gumennikova T. – Postgraduate student, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Ivanov M. – doctor of philological sciences, St. Petersburg State University of Railway Engineering named after Emperor Alexander I

Kats V. – OCHU VO "Moscow International Academy"

Korolev D. – North Caucasus Federal University

Lanbina S. – Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Novosibirsk National Research State University"

Lankina M. – PhD applicant, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI) (Novocherkassk)

Li Yiao – Institute of Foreign Languages, Heilongjiang University of Science and Technology, Harbin, People's Republic of China

Liu Jingyao – Institute of Foreign Languages, Heilongjiang University of Science and Technology, Harbin, People's Republic of China

Liu Xiaowei – Postgraduate student, Moscow State Institute of Culture

Nagornaya L. – Lecturer, Moscow military music school behalf of lieutenant-general V. M. Khalilov of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Our authors

Pavlenko A. – postgraduate student, Moscow Institute of Psychoanalysis; Director, Institute of Group Therapy «Integration», Moscow

Pinigina O. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts

Raspopin E. – Candidate of psychology, associate professor, Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (Yekaterinburg)

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Terekhova M. – graduate student, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Tishchenko V. – PhD in Philosophy, Federal State Institution "Federal Research Center "Informatics and Management" of the Russian Academy of Sciences" (Moscow)

Wang Lei – Doctor of Philology, Senior Lecturer, Harbin University of Science and Technology/ Heilongjiang University of Science and Technology, Harbin, People's Republic of China

Wu Yuzhen – Postgraduate, Novosibirsk State Conservatory named after M.I. Glinka

Yang Yajun – Institute of Foreign Languages, Heilongjiang University of Science and Technology, Harbin, People's Republic of China

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).